Zarin, Andreĭ Efimovich

Iz Zhizni Russkikh T͡sareĭ i T͡sarit͡s

Я. ЗАРИНЪ.

ИЗЪ ЖИЗНИ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ И ЦАРИЦЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СПБ., МОЙКА 32.
„СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА"

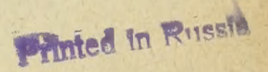
Т-ВО И. Д. СЫТИНА
МОСКВА
У ИЛЬИНСКИХЪ ВОРОТЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

А. Е. ЗАРИНЪ.

ИЗЪ ЖИЗНИ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ И ЦАРИЦЪ.

Цѣна 35 коп.

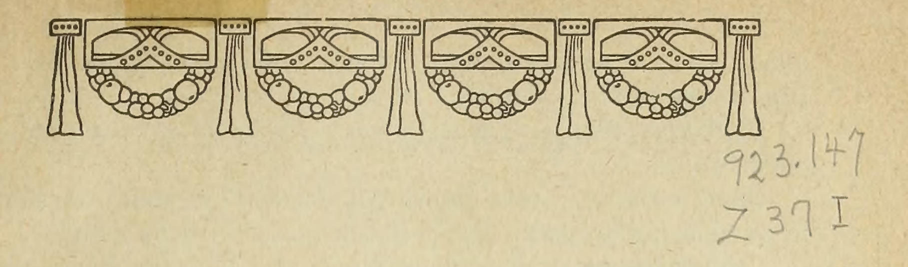

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1913.

Книгоиздательство
СПБ., Мойка 32.
„Сельскаго Вѣстника".

Т-во И. Д. Сытина
Москва
у Ильинскихъ воротъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Анекдотомъ называется очень коротенькій разсказъ. Иногда такой разсказъ заключаетъ въ себѣ только нѣсколько строкъ и передаетъ или остроумный отвѣтъ, или какой-нибудь очень характерный случай, или черту характера того или другого лица.

Почему-то принято думать, что разъ—«анекдотъ», то онъ долженъ быть смѣшнымъ, забавнымъ; что «анекдотъ» всегда есть сочиненіе, выдумка.

И то, и другое невѣрно.

Анекдоты, которые разсказываютъ со сцены, дѣйствительно, и выдуманы, и разсказываются съ тѣмъ, чтобы посмѣшить.

Но тѣ анекдоты, которые взяты изъ жизни великихъ, выдающихся людей, достовѣрны и записаны не для того, чтобы смѣшить людей, а чтобы запечатлѣть то историческое лицо, о которомъ въ анекдотѣ упомянуто.

Какъ очень маленькій разсказъ, анекдотъ всегда бываетъ ярокъ: въ одной, двухъ фразахъ очерченъ характеръ.

Нѣсколько анекдотовъ объ одномъ человѣкѣ часто даютъ о немъ болѣе яркое представленіе, нежели подробное описаніе его характера.

Анекдотъ легко прочитывается, легко запоминается.

Вотъ почему собраніе историческихъ анекдотовъ является всегда и занимательнымъ, и полезнымъ чтеніемъ.

Чѣмъ человѣкъ болѣе другихъ выдается умомъ, талантами или положеніемъ, тѣмъ онъ оригинальнѣе — не такой «какъ всѣ»—и тѣмъ больше о немъ записано анекдотовъ.

Остроуміе, злость, доброта, великодушіе, храбрость, честность, раздражительность, хладнокровіе,—всѣ эти черты про-

являются въ какихъ-нибудь, иногда ничтожныхъ, случаяхъ и ярко рисуютъ человѣка.

Описанія такихъ случаевъ и составляетъ содержаніе анекдотовъ.

Царствующій у насъ Домъ Романовыхъ въ своихъ державныхъ представителяхъ далъ цѣлый рядъ великихъ людей.

Современники отмѣчали ихъ слова и поступки, въ случаяхъ изъ ихъ жизни записывали наиболѣе яркіе, характерные и, такимъ образомъ, оставили немало разсказовъ и анекдотовъ, по которымъ можно представить себѣ и личности, и характеры нашихъ царей и царицъ.

Въ этой книжкѣ мы собрали наиболѣе интересные и характерные анекдоты.

Такая книжка, по нашему мнѣнію, помимо интереснаго чтенія, должна принести и пользу каждому, кто сколько-нибудь интересуется исторіей.

Въ дополненіе къ анекдотамъ мы помѣстили нѣсколько разсказовъ, имѣющихъ историческій интересъ, а также краткія характеристики царей и царицъ съ описаніемъ ихъ домашней жизни.

I.

Царь Михаилъ Θеодоровичъ.

(Род. 12 іюля 1596 г. Избранъ въ цари всей русской землей 21 февраля и принялъ избраніе 14 марта 1613 г. Ум. 12 іюля 1645 г.).

Царь Михаилъ Θеодоровичъ жилъ съ матерью въ Ипатьевскомъ монастырѣ подъ Костромою, когда пришло къ нему

Передъ избраніемъ Михаила Θеодоровича на царство.

посольство отъ земскаго собора съ просьбою быть царемъ русской земли. Михаилу было тогда 16 лѣтъ, 17-ый. Онъ былъ стройный, высокій юноша съ задумчивымъ, грустнымъ лицомъ, застѣнчивый и робкій.

Когда съ матерью онъ пріѣхалъ въ Москву, то въ городѣ и въ Кремлѣ было такое разореніе, что для него наскоро поправили палаты царицы Ирины, взявъ для починки бревна изъ брусяныхъ хоромъ царя Василія. Для параднаго кафтана царя мать его спорола запонки и позументы съ кафтана боярина Богдана Бѣльскаго.

По этому можно судить, каковъ былъ домашній обиходъ перваго русскаго царя изъ дома Романовыхъ. Онъ занялъ

Царь Михаилъ Θеодоровичъ.

престолъ послѣ великой разрухи, когда и въ городахъ, и въ селахъ царило полное разореніе.

Царь Михаилъ Θеодоровичъ съ христіанскимъ смиреніемъ принялъ на себя тяжкій долгъ правленія и не тяготился бѣдностью, перенося ее съ твердымъ спокойствіемъ.

Время свое онъ проводилъ въ боярской думѣ, за молитвою и въ теремѣ, гдѣ любилъ слушать разсказы странниковъ и богомольцевъ. Когда вернулся изъ польскаго плѣна отецъ

Ксенія Іоанновна въ монаш. Мароа.

его, митрополитъ Филаретъ, то онъ возвелъ его въ санъ патріарха и руководился въ дѣлахъ правленія его мудрыми совѣтами.

Часть времени онъ посвящалъ устройству своего жилища, разговаривалъ съ архитекторомъ, плотниками, художниками и разглядывалъ планы; часть времени отдавалъ молитвѣ, а затѣмъ изъ развлеченій любилъ борьбу, кулачный бой и травлю.

Эта травля происходила обычно на дворѣ царскихъ палатъ. Царь выходилъ, окруженный боярами, и занималъ свое мѣсто предъ ареною, окруженной крѣпкимъ деревяннымъ заборомъ. На арену выпускали волковъ или медвѣдей и травили ихъ собаками. Нерѣдко вызывался охотникъ-молодецъ и выходилъ противъ медвѣдя съ ножомъ или рогатиной.

Грубая эта забава, но и время тогда было грубое, да и развлеченій никакихъ не было.

Царь въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ былъ довольно дороденъ, у него была небольшая борода темно-каштановаго цвѣта и такіе же волосы. Лицомъ онъ былъ блѣденъ и улыбался рѣдко, но онъ всегда и для всѣхъ казался ласковымъ. Всякое несчастье онъ переносилъ смиренно, но глубоко проникался скорбью.

Өедоръ Никитичъ Романовъ, въ монашествѣ Филаретъ.

Ему пришлось пережить много скорбныхъ дней. Кончина отца, патріарха Филарета, повергла его въ глубокую печаль. Послѣ этого онъ задумалъ выдать дочь свою Ирину за датскаго королевича. Королевичъ пріѣхалъ въ Москву. Всѣ готовились къ веселой свадьбѣ, но королевичъ отказался принять греческую вѣру — и свадьба разстроилась. Эта неудача сильно огорчила царя, а слѣдомъ за этимъ въ 1639 г. въ три мѣсяца царь потерялъ своихъ любимыхъ сыновей

Евдокія Лукьяновна, рожд. Стрѣшнева, вторая супруга царя Михаила Ѳеодоровича.

Ивана и Василія. Ударъ за ударомъ падали на царя Михаила.

Онъ сталъ прихварывать и все почти время проводить въ палатахъ, народу же онъ показывался только въ дни большихъ праздниковъ. Дворъ его въ то время былъ уже великолѣпенъ, и царскіе выходы совершались въ торжественной обстановкѣ.

Въ день своихъ именинъ 12-го іюля 1645 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ пошелъ къ заутренѣ и въ церкви съ нимъ сдѣлался припадокъ. Царя унесли въ хоромы. Къ вечеру

болѣзнь усилилась. Больной призвалъ къ себѣ царицу, сына царевича Алексѣя, дядьку его боярина Морозова и патріарха.

Долго напутствовалъ умиравшій сына, ввѣряя ему правленіе надъ оправившимся уже государствомъ, послѣ пріобщился св. Таинъ, простился со всѣми и мирно опочилъ въ ночь на 13-ое іюля 1645 г.

II.

Подвигъ Ивана Сусанина.

Смутное время окончилось. Мининъ и Пожарскій выгнали поляковъ изъ Москвы, и на земскомъ соборѣ былъ избранъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

Сусанинъ молится передъ смертью. (Съ карт. Маньцера).

Но поляки еще шайками бродили по всей Руси, чинили разоренія и упорно считали русскимъ царемъ своего королевича Владислава.

Одна изъ такихъ шаекъ появилась въ окрестностяхъ Костромы. Здѣсь поляки узнали, что русскіе избрали царемъ Михаила Романова и что самъ избранникъ живетъ гдѣ-то подлѣ Костромы, но гдѣ—они не знали. По дорогѣ поляки забрели въ село Домнино, Романовскую вотчину, и здѣсь они провѣдали, что у Романовыхъ довѣреннымъ лицомъ служитъ мѣстный крестьянинъ, Иванъ Сусанинъ. Поляки потребовали у Сусанина указать, гдѣ живетъ Михаилъ.

Сразу понялъ Сусанинъ, что не съ добрыми намѣреньями ищутъ они народнаго избранника, и тутъ же рѣшился на великое дѣло.

— Хорошо, я поведу васъ, — сказалъ онъ полякамъ, — возьму на душу великій грѣхъ!

Тутъ же потихоньку онъ послалъ своего внука въ Ипатьевскій монастырь сказать, чтобы царь берегся, а самъ направился съ поляками изъ села на дорогу и завелъ ихъ въ лѣсъ.

Непроходимые густые лѣса окружали Кострому, знаменитые, какъ Муромскіе.

Сусанинъ велъ поляковъ по самой чащѣ. Итти становилось все труднѣе. Сугробы снѣга доходили до пояса. Наступила ночь, завыли волки, снѣгъ сталъ падать хлопьями. Поляки выбились изъ силъ, когда вдругъ Сусанинъ остановился.

— Не могу итти дальше,—сказалъ онъ,—съ дороги сбился!

Поляки пришли въ ужасъ.

— Куда ты насъ завелъ?

— И самъ не знаю, — отвѣчалъ Сусанинъ, — только подальше отъ нашего царя. Теперь до него не токмо вамъ, а и мнѣ самому дороги не найти.

— Веди насъ или мы тебя убьемъ, — закричали поляки, обнажая сабли.

Сусанинъ только улыбнулся.

— Коли не убьете, все равно умирать здѣсь надо. Нѣтъ ни пути, ни дороги. Вмѣстѣ умирать будемъ! — и онъ сталъ молиться.

Разъяренные поляки зарубили его саблями и въ ужасѣ побрели дальше. Но слова Сусанина исполнились. Ни одинъ изъ нихъ не выбрался изъ лѣсной чащи, и всѣ погибли въ лѣсу — кто отъ голода, кто отъ холода, кто сталъ добычею волковъ.

Предупрежденные внукомъ Сусанина въ Ипатьевскомъ монастырѣ приняли всѣ мѣры къ охранѣ царя, а 19-го марта Михаилъ уже выѣхалъ въ Москву.

Вѣнчавшись на царство, онъ прежде всего вспомнилъ подвигъ своего вѣрнаго слуги и подданнаго. Въ награду за него онъ разрѣшилъ всѣмъ крестьянамъ села Домнина торговать въ государствѣ безпошлинно, а семью Сусанина

Памятникъ Ивану Сусанину въ Костромѣ.

наградилъ особо. Впослѣдствіи въ Костромѣ былъ поставленъ Сусанину памятникъ, а еще позднѣе М. И. Глинка написалъ оперу «Жизнь за Царя», въ которой обезсмертилъ подвигъ Ивана Сусанина.

III.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

(Род. 10 марта 1629 г. Вст. на пр. 13 іюля 1645 г. Ум. 29 января 1676 г.).

Царь Алексѣй Михайловичъ обставлялъ всѣ свои выходы и выѣзды большою пышностью, для чего самъ составлялъ на каждый случай особые церемоніалы. Въ то время, какъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ любилъ забавы дома, а также развлекался зрѣлищемъ кулачнаго боя и медвѣжьей травлей, Алексѣй Михайловичъ выше всѣхъ забавъ почиталъ охоту и особенно соколиную, для которой не жалѣлъ ни денегъ, ни времени.

Царь вставалъ обычно въ 4 ч. утра, и постельничій при помощи спальниковъ и стряпчихъ подавалъ ему платье и помогалъ одѣваться. Одѣвшись и умывшись, царь шелъ въ Крестовую палату, всю заставленную и завѣшенную иконами въ драгоцѣнныхъ окладахъ съ зажженными лампадами и восковыми свѣчами. Здѣсь царя встрѣчали его духовникъ, крестовый попъ и крестовые дьяки. Духовникъ благословлялъ царя крестомъ, къ которому тотъ прикладывался, и затѣмъ совершалась утренняя молитва передъ иконой святого, память котораго чтилась въ этотъ день. Царь прикладывался къ иконѣ, духовникъ окроплялъ его св. водою и читалъ «подходящее ко дню слово» изъ особаго сборника, составленнаго на круглый годъ и называвшагося «Златоустъ».

Окончивъ молитву, царь посылалъ ближняго человѣка на половину царицы спросить ее о здоровьѣ, послѣ чего самъ шелъ здороваться съ супругою и, уже вмѣстѣ съ нею, отправлялся къ заутрени въ одну изъ верховыхъ церквей.

Въ это время во дворецъ собирались всѣ бояре, окольничьи, думные и ближніе люди, дьяки и вся придворная челядь «царю челомъ бить». Они дожидались въ передней палатѣ выхода царя изъ внутреннихъ покоевъ. Государь выходилъ въ царскомъ облаченіи съ посохомъ въ рукѣ и въ шапкѣ. Всѣ присутствовавшіе падали на колѣна и били царю челомъ.

Царь здоровался общимъ поклономъ со всѣми и бесѣдовалъ о дѣлахъ, мѣшая ихъ съ шуткою, до 9-го часа, когда со всѣми вмѣстѣ шелъ въ церковь къ поздней обѣднѣ — обычно въ верховую, а въ торжественные и праздничные дни или въ церковь во имя праздника или въ Успенскій соборъ.

Алексѣй Михайловичъ—Государь, Царь и Великій Князь, Самодержецъ Всероссійскій.

Послѣ обѣдни царь принималъ доклады бояръ, отдавалъ распоряженія, постановлялъ рѣшенія. Бояре, въ свою очередь, совѣщались и бесѣдовали межъ собою. Затѣмъ царь шелъ въ свою палату, гдѣ у него былъ столъ, письменныя принадлежности, дѣла и бумаги и выслушивалъ доклады бояръ, воеводъ и дьяковъ. Особый дьякъ записывалъ царскія рѣшенія.

Всѣ присутствовавшіе стояли. Засѣданіе оканчивалось въ 12 часовъ, бояре кланялись и оставляли царя, а царь шелъ къ «столовому кушанью».

И Михаилъ Ѳеодоровичъ, и Алексѣй Михайловичъ были очень умѣренны въ пищѣ и питьѣ. Насколько праздничные, посольскіе и иные обѣды отличались обиліемъ и роскошью, настолько были просты ежедневные ихъ обѣды. Оба они строго соблюдали посты и въ Страстную недѣлю почти лишали себя пищи.

Послѣ обѣда царь уходилъ опочить, и сонъ его длился часа три. Къ тому времени, когда отдыхъ оканчивался, во дворецъ опять съѣзжались всѣ, имѣющіе до царя доступъ, отъ ближняго боярина до рядового дворянина включительно. Цари строго относились къ этимъ пріѣздамъ, и не быть на царскомъ выходѣ вмѣнялось въ большой проступокъ.

Государь снова здоровался со всѣми и отправлялся въ церковь слушать «вечернюю», послѣ чего происходило засѣданіе думы или слушались и рѣшались царемъ дѣла. Съ 6 час. вечера и до вечерняго кушанья въ 9 час. царь предавался отдыху и забавамъ.

Онѣ были разнообразны.

Царь шелъ на половину царицы и тамъ вмѣстѣ съ нею и ближними занимался чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ или слушалъ сказочниковъ, пѣсенниковъ, гусляровъ или потѣшался скоморошьими играми и разными представленіями фокусниковъ и акробатовъ.

Особенно Алексѣй Михайловичъ любилъ играть въ шашки и шахматы, а также разсматривать свои драгоцѣнности, искусныя работы ювелировъ, иконописцевъ, оружейниковъ и иныхъ мастеровъ.

Любилъ онъ также потѣшные бои на кулачкахъ, борьбу и травлю.

Лѣтомъ царь любилъ путешествія въ монастыри и жительствомъ избиралъ пригородные дворцы—Преображенское и Коломенское села,—гдѣ весь отдавался любимой своей забавѣ—соколиной охотѣ.

При царѣ Алексѣѣ насъ уже коснулось европейское вліяніе, и во дворцѣ появились и актеры, разыгрывающіе пьесы, и музыкальные ящики и даже допускался маскарадъ.

Оканчивая день послѣ «вечерняго кушанья», царь отправлялся въ ту же крестовую палату, гдѣ такъ же, какъ и

Марія Ильинична, рожд. Милославская, первая супруга царя Алексѣя Михайловича.

утромъ, молился съ духовникомъ и затѣмъ шелъ опочивать. Въ томъ же покоѣ ложился и «постельничій», на обязанности котораго было приготовлять постель, и два «спальника» изъ самыхъ приближенныхъ къ царю лицъ. Въ смежной комнатѣ ложилось шесть лицъ изъ «спальниковъ» и «стряпчихъ», извѣстныхъ своею преданностью царю, въ третьей «для береженія царя» помѣщалось шесть, восемь и десять «стряпчихъ» и «дневальныхъ жильцовъ» и, наконецъ, за дверями третьей горницы располагались «истопники».

Царь засыпалъ.

IV.

День царя Алексѣя Михайловича.

(Быль.)

1.

Лѣто царь Алексѣй Михайловичъ любилъ больше всего проводить въ своемъ коломенскомъ дворцѣ.

Тамъ царь умилялся красотою природы, тамъ онъ слушалъ залетныхъ соловьевъ, тамъ же была его главная утѣха, которой онъ отдавалъ почти всѣ свои досуги,—соколиная охота.

При коломенскомъ дворцѣ подъ охоту была отведена цѣлая слобода [1]). Въ особыхъ затѣйливыхъ домикахъ жили въ ней сокольничьи, подсокольничьи, податни, начальные, рядовые и всѣ чины сокольничьяго дѣла.

Но главную красоту этой слободы составляло назначенное для соколовъ помѣщеніе.

Въ свѣтломъ, зимой въ тепломъ, высокомъ и длинномъ сараѣ-хороминѣ стояли домики-клѣтки для каждаго сокола или кречета отдѣльно. Въ клѣткѣ былъ гдѣ деревянный сукъ, гдѣ насѣстъ изъ серебра и даже золота, на которомъ сидѣлъ соколъ. Подлѣ каждаго имѣлся мальчикъ-прислужникъ, и у каждаго былъ свой подсокольникъ и податень, которые были обязаны выносить сокола на охоту, спускать и потомъ зазывать его назадъ.

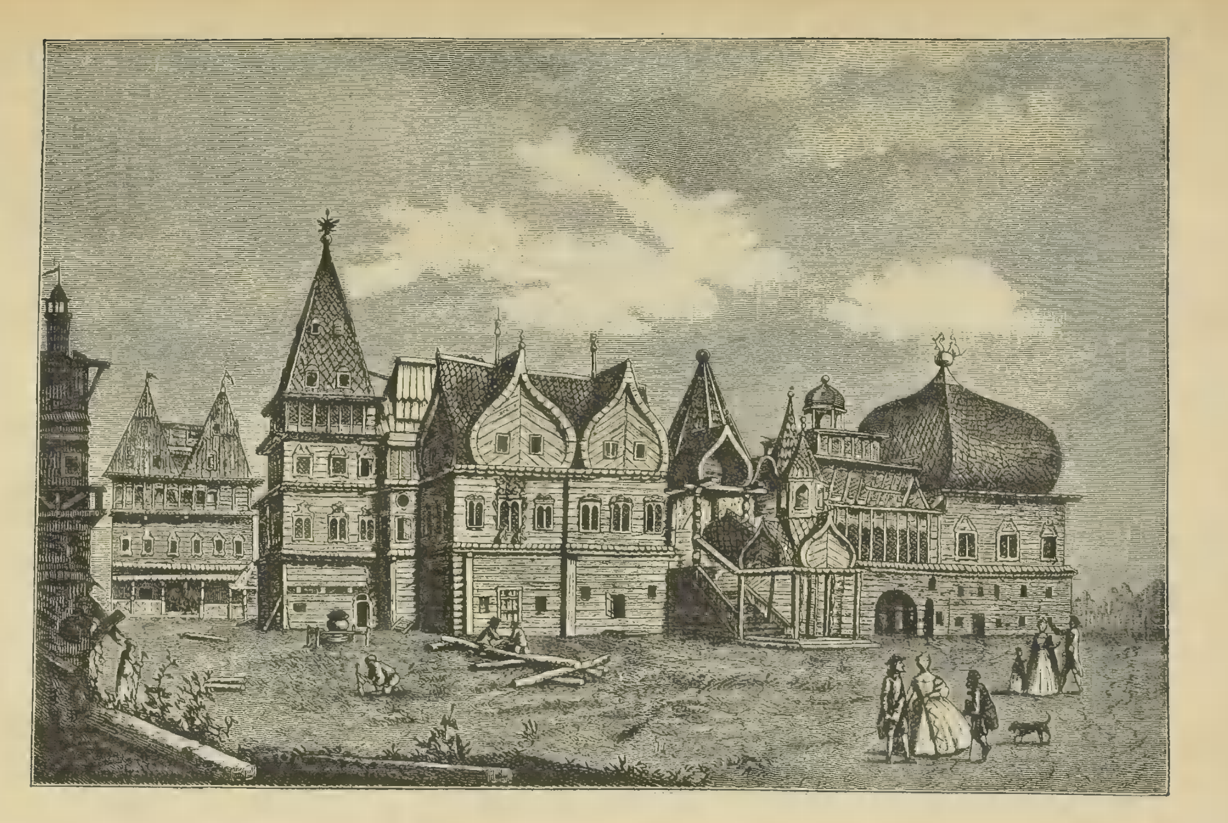
Главный сокольничій имѣлъ надзоръ надъ всей охотою и, когда царь жилъ въ Коломенскомъ, каждое утро дѣлалъ царю докладъ объ охотникахъ и соколахъ, а когда царь жилъ въ Москвѣ или былъ въ походѣ, каждый день отписывалъ ему. И царь, въ свою очередь, писалъ ему наказы, наставленія, дѣлалъ запросы и ни на одинъ день не забывалъ о своихъ соколахъ и кречетахъ.

Зная любовь царя къ этой охотѣ, къ нему со всѣхъ сторонъ посылали соколовъ: съ низовьевъ Волги, изъ башкирскихъ степей и съ Дона; присылали ему соколовъ даже персидскій царь и турецкій султанъ. Воеводамъ тѣхъ городовъ, черезъ которые везли соколовъ, особливо наказывалось, какъ встрѣтить и проводить дорогой подарокъ, какъ осмотрѣть помѣщеніе сокола, наблюсти, чтобы ему тепло было и уютно, и тепло въ дорогѣ.

Присылались соколы прирученные и дикіе. Первыхъ царь лично испытывалъ на охотѣ и дѣлалъ сокола любим-

---

[1]) Подробно описанныя соколиныя охоты читатель найдетъ въ нашей книжкѣ „Царскія забавы и развлеченія“. Москва, 1913 г.

Коломенскій дворецъ.

цемъ, или оставлялъ охотѣ; вторыхъ тотчасъ брали въ науку, для чего были особые мастера.

2.

Было свѣтлое, ясное, жаркое іюльское утро 1659 года.

Царь, отстоявъ раннюю обѣдню, вышелъ на крыльцо коломенскаго дворца и сѣлъ въ креслѣ принимать отъ ближнихъ утреннее привѣтствіе, слушать доклады и дѣлать дневной распорядокъ.

Плотный, средняго роста, съ полнымъ добродушнымъ лицомъ, которое обрамляла черная густая борода, съ тихимъ, ласковымъ взглядомъ, царь Алексѣй Михайловичъ и по виду производилъ впечатлѣніе «Тишайшаго», какъ назвали его за его характеръ.

Онъ сидѣлъ въ креслѣ съ высокой спинкою, положивъ руки на локотники. Вокругъ него стояли ближніе бояре, которые успѣли уже приложиться къ его рукѣ. Далѣе полукружіемъ стояли дворцовые слуги и гридни.

Пріемъ утреннихъ присутствій уже кончился, и царь слушалъ князя Распояхина, который вѣдалъ соколиную охоту, какъ вдругъ, протолкавъ толпу, передъ государемъ выскочилъ бояринъ Тереховъ и, упавъ на колѣна, сказалъ царю:

— Здравъ буди, государь - батюшка! Съ добрымъ утромъ!

Царь и стоящіе подлѣ него бояре громко засмѣялись.

— Ишь, въ пору полдничать, а онъ съ добрымъ утромъ! Заспался, другъ!

— Купать его, государь, купать! — весело закричали кругомъ.

Бояринъ Тереховъ, толстый, красный, снова ударился лбомъ въ помостъ.

— Не вели казнить, прикажи миловать твово холопишку! Заспался, государь!А людишки подлые не разбудили къ часу!

— Да мы не гнѣваемся на тебя, а по порядку, искупаться надоть тебѣ!

— Го-го-го! — захохотали кругомъ, и въ ту же минуту двое боярскихъ дѣтей подхватили боярина подъ руки и потащили его къ пруду, который лежалъ передъ самымъ крыльцомъ, словно зеркало въ зеленой изумрудной рамѣ.

— Купать! купать!

— Ой, батюшки!—закричалъ бояринъ и въ тотъ же мигъ грузно шлепнулся въ воду въ своемъ боярскомъ кафтанѣ.

Брызги воды разлетѣлись во всѣ стороны, лебеди быстро и пугливо отплыли къ серединѣ пруда, а бояринъ, фыркая и мотая головой, лѣзъ изъ пруда на берегъ, и вода струилась съ его бороды, головы и платья.

Онъ вылѣзъ при веселомъ общемъ хохотѣ. Царь, ласково улыбаясь, допустилъ его къ рукѣ.

— Будь къ трапезѣ,—сказалъ онъ ему,—а теперь иди!

Бояринъ, злобно косясь на всѣхъ, торопливо пошелъ отъ крыльца, путаясь въ мокрой одеждѣ.

— Ну, что жъ мои соколы?—спросилъ царь у князя Распояхина, когда стихъ веселый смѣхъ.

— Всѣ здравствуютъ. Тѣ, что изъ Саратова привезли: Хорьякъ, Степнякъ да Стрѣла, уже совсѣмъ обучены. Ждемъ тебѣ показать!

— Бойки?

Распояхинъ оживился:

— Ужъ такіе, что и не сказать! Особливо Степнякъ! Такъ и бьетъ! и все грудью!

Молельная царя Алексѣя Михайловича.

— Ну, ну! нонче, какъ отдохнемъ, придемъ поглядѣть.

Князь поклонился и отошелъ въ сторону.

Изъ толпы выдвинулся бояринъ Ртищевъ и, кланяясь въ поясъ, сказалъ царю:

— Государь-батюшка, дозволь твою душу потѣшить! Здѣсь, у насъ въ Коломенскомъ, силачъ объявился! Дозволь его съ Антропкою свести!

Глаза царя вспыхнули оживленіемъ.

— Хорошо удумалъ ты это. Веди ихъ обоихъ сюда. Потѣшимся!

Ртищевъ поклонился и торопливо вышелъ изъ сада.

— Супротивъ Антропки никто устоять не можетъ! — заговорили въ толпѣ; — на што тогда татаринъ силенъ былъ, а онъ его сразу оземь.

— Бояринъ на вѣтеръ тоже не скажетъ. Чай, искалъ его да искалъ, — вставилъ Куракинъ не безъ зависти.

— Я знаю, откуда онъ, — произнесъ боярскій сынъ Затыка.

— А откуда?

— Кузнецовъ сынъ. Раньше онъ въ Рязань уходилъ, а теперь вернулся.

— И сильный?

— Коня кулакомъ съ ногъ сбиваетъ.

— Ой-ой!

Въ ожиданіи потѣхи царь тихо разговаривалъ со старикомъ Морозовымъ и своимъ тестемъ Милославскимъ.

Вскорѣ Ртищевъ вернулся въ сопровожденіи двухъ человѣкъ.

Одинъ изъ нихъ, богатырь ростомъ, сажень въ плечахъ, былъ знаменитый боецъ и борецъ Антропка.

Одѣтъ онъ былъ псаремъ царской охоты, въ желтомъ полукафтаньѣ съ чернымъ орломъ на груди, въ синіе штаны, заправленные въ дубленые, некрашенные сапоги, въ легкой шапкѣ съ малиновымъ верхомъ на курчавой головѣ.

Другой былъ одѣтъ въ сермяжный кафтанъ, опоясанный синимъ жгутомъ, въ домотканные штаны и въ лапти, искусно заплетенные до самыхъ колѣнъ. Войлочный гречишникъ онъ несъ въ рукахъ. По ухо Антропкѣ ростомъ, онъ поражалъ шириною плечъ и длиною рукъ.

Царь весело закивалъ головою.

— А! вотъ и бойцы наши! — сказалъ онъ.

Они подошли къ царскому крыльцу и оба стали на колѣна.

Бояринъ Ртищевъ приблизился къ царю.

— Дозволишь зачинать, государь?

— Ладно, ладно! Кто будешь, молодецъ? — спросилъ онъ у незнакомаго борца.

— Егоръ, твой холопишка! — отвѣтилъ тотъ, кланяясь въ землю.

— Здѣшній, государь, — доложилъ Ртищевъ, — кузнеца Спиридона сынъ. Доселѣ былъ на Рязани, тоже въ кузнецахъ работалъ.

— Какъ же, молодцы, помѣряться хотите? — сказалъ царь, обращаясь къ Антропкѣ и Егору, — на бою кулачномъ или поборетесь?

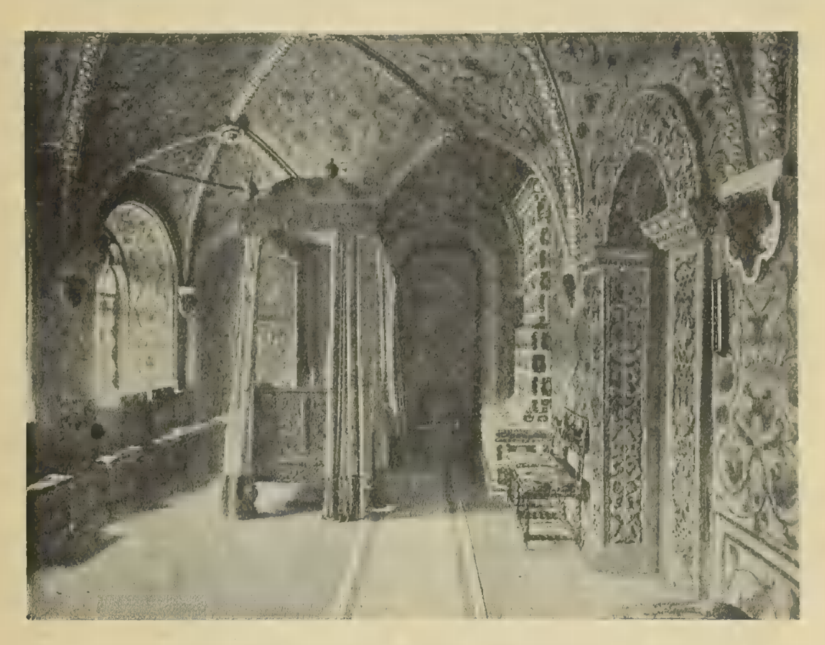
— Какъ воля твоя, государь, — бойко отвѣтилъ Антропка. — Я его всяко!

Егоръ угрюмо покосился на него, и на его скуластомъ лицѣ мелькнула усмѣшка.

— На кулачкахъ! На силки! Чего на силки, лучше на кулакахъ! Бороться! Бороться! — въ перебой раздались голоса и бояръ, и боярскихъ дѣтей.

— Не хочу на кулакахъ, — сказалъ царь: — искровянять другъ друга. Нонче поборитесь! Да, чуръ, Антропка, ты ему спины не ломай!

— Отпущу, государь! — весело и увѣренно отвѣтилъ Антропка, быстро вставая съ земли.

Опочивальня царя Алексѣя Михайловича.

Егоръ тоже поднялся и тутъ же, кинувъ свой гречишникъ, вытянулъ впередъ руки.

Кругомъ засмѣялись.

— Ишь, какой скорый! — сказалъ царь. — Микола да Пантелѣй, вы блюдите!

Изъ толпы выступили двое боярскихъ дѣтей.

— Мѣста, мѣста! — закричали они властно и стали отодвигать толпу, очищая широкую лужайку передъ крыльцомъ.

Потомъ они подошли, одинъ къ Антропкѣ, другой къ Егору. Антропка отбросилъ шапку, снялъ полукафтанъ и, въ зеленой рубашкѣ, съ запонкой у ворота, съ русыми кудрями, явился олицетвореніемъ красоты и силы.

— Ну, помѣряемся!—сказалъ онъ Егору, сверкая бѣлыми, какъ кипень, зубами.

А Егоръ остался, какъ былъ, въ своемъ сермяжномъ полукафтанѣ.

— Теперь сходитесь! —приказали боярскія дѣти, — беритесь на-крестъ! — И они сами положили ихъ руки, одну черезъ плечо противника, другую подъ его руку, послѣ чего отошли и сказали:

— Ну, зачинайте!

Антропка сразу рванулъ Егора сперва на себя, потомъ на сторону, но Егоръ уперся разставленными ногами въ землю, прижался щекою къ груди Антропки и почти не двинулся подъ его могучими толчками.

Среди бояръ прошелъ гулъ. Ртищевъ стоялъ и повторялъ:

— Я говорилъ, что силачъ!

Царь перегнулся въ креслѣ и горящимъ взглядомъ слѣдилъ за борцами.

Антропка, видимо, не ожидалъ встрѣтить такого противника. Лицо его поблѣднѣло, брови сдвинулись въ жесткую складку, и, собравшись съ силой, онъ сталъ поднимать Егора и ударять его о землю, но Егоръ не ломался и плотно становился на ноги, словно Антропка качалъ его для потѣхи.

— Ого! Это не татаринъ!—сказалъ Милославскій.

— Онъ возьметъ Антропку!—выкликнулъ Распояхинъ.

— Антропку еще никто не бралъ!—крикнулъ звонко Антропка и съ яростью повернулъ Егора. Тотъ качнулся, но выставилъ ногу и устоялъ.

— Что же ты-то, Егоръ? Зачинай! — крикнулъ нетерпѣливо царь.

— Можно! — глухо отозвался Егоръ, но при этомъ даже не двинулся.

Не двинулся, но что-то произошло, потому что Антропка вдругъ началъ безпокойно переставлять ноги, и лицо его покраснѣло.

— Ломитъ! — пронесся шопотъ.

Царь совсѣмъ перегнулся въ креслѣ.

Толпа бояръ двинулась къ борцамъ.

Наступила зловѣщая тишина. Егоръ, казалось, не двигался, а Антропка уже пересталъ бороться, откинулъ голову, и изъ груди его съ хрипомъ вырывалось дыханіе.

— Отпусти, государь, Антропку!—тихо сказалъ царю Морозовъ,—гляди, этотъ медвѣдь удушитъ его!

— И то! Прими руки, добрый молодецъ! — сказалъ царь громко.—Конецъ борьбѣ.

Но Егоръ не слышалъ и продолжалъ сжимать свои руки.

— Пусти, лѣшій! — закричали, подбѣгая къ нему, боярскія дѣти.—Слышь, государь наказалъ конецъ!

Егоръ оглянулся и нехотя разжалъ руки. Антропка отшатнулся, повелъ головою въ сторону царя и вдругъ упалъ во весь ростъ наземь.

— Ишь, медвѣдь сиволапый! — сказалъ ему царь. — Ну, спасибо тебѣ за потѣху! Жалую тебя рублемъ да платьемъ. Дай ему, бояринъ, сапоги да кафтанъ, кушакъ да шапку! — обратился онъ къ Ртищеву.

— Падай въ ноги, дурень!—толкнулъ Ртищевъ Егора.

Тотъ опустился на колѣна и ударился лбомъ въ землю.

— Коли хочешь у насъ въ охотѣ служить, дадимъ тебѣ мѣсто!—снова сказалъ царь.

— Кланяйся, дурень! — опять толкнулъ Егора бояринъ, и Егоръ опять упалъ въ землю.

— Запиши его въ рогатники!—сказалъ царь Распояхину и поднялся. — Ишь, какъ солнце поднялось. Чай, и трапеза скоро!

Онъ поклонился боярамъ и тихо пошелъ въ покои. За нимъ направились Морозовъ, Милославскій, дежурные бояре и боярскія дѣти.

Распояхинъ спѣшно пошелъ въ охотничью слободу приготовиться къ царскому посѣщенію.

Тѣмъ временемъ Антропку привели въ чувство. Онъ поднялся съ земли, обвелъ вокругъ смутнымъ взглядомъ и, шатаясь, пошелъ изъ сада. Служитель понесъ за нимъ кафтанъ и шапку.

— И силища же у этого Егора,—говорили свидѣтели борьбы, расходясь по своимъ покоямъ.

— Услужилъ царю!—завистливо говорили иные боярину Ртищеву.

— Ненарокомъ,—улыбаясь отвѣчалъ Ртищевъ.

— Знаемъ тебя! — пробурчалъ князь Теряевъ: — тогда нашелъ сокола, теперь силача. Умѣешь!...

3.

Послѣ долгой трапезы во всемъ коломенскомъ дворцѣ наступила тишина.

Царь опочилъ, а за нимъ и всѣ—отъ ближнихъ бояръ до малыхъ слугъ. Не спали только четверо боярскихъ дѣтей, которыя назначены были стеречь покой государевъ, да сторожа и стрѣльцы, лѣниво ходившіе у своихъ рогатокъ и досматривавшіе, не пройдетъ ли лихъ человѣкъ.

Но едва царь проснулся, какъ все ожило во дворцѣ, и снова закипѣла веселая жизнь.

— Одѣваться, отроче, одѣваться! Да наказать коня изготовить: въ слободу, къ князю Распояхину поѣдемъ!—говорилъ царь въ то время, какъ служащіе ему спальные и постельные помогали одѣться.

Царь надѣлъ легкій лѣтникъ, стянувъ его черкасскимъ поясомъ съ кривымъ поясным ножомъ, поверхъ его—кафтанъ, заправилъ атласные штаны въ зеленые сафьяновые сапоги и взялъ въ руку легкую шелковую плеть съ дорогой, чеканной работы, серебряной рукоятью.

— Ѣдемъ!—И царь вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи своихъ бояръ.

У крыльца стременные уже ждали его, держа подъ уздцы золотистой масти породистаго коня.

Алексѣй Михайловичъ легко вскочилъ на коня и осадилъ его, едва тотъ сдѣлалъ попытку вскинуться.

Стременные отпрянули, и царь выѣхалъ со двора, а слѣдомъ за нимъ поскакали и бояре. Только старый Морозовъ остался во дворцѣ и пошелъ въ теремъ къ царицѣ, гдѣ сказочникъ монотоннымъ голосомъ разсказывалъ былину объ Алешѣ Поповичѣ.

Соколиная башня въ селѣ Коломенскомъ, сохранившаяся понынѣ. (Сообщ. А. Бахрушинымъ).

Ѣхать отъ дворца до слободы было не долго.

Слобода широко раскинулась по пригорку, окруженному рощей, и подъ лучами яркаго солнца веселила взоръ своимъ пестрымъ затѣйливымъ видомъ: желтыя, зеленыя, красныя крыши, хитрая рѣзьба, голубятни, скворечники и посрединѣ длинное красивое зданіе съ высокой крышей, съ башенками, и все это сверкало и пестрило на солнцѣ среди зелени.

У самаго въѣзда въ слободу государя встрѣтилъ князь Распояхинъ съ старшими сокольничьими и, въ поясъ поклонившись, сказалъ ему:

— Здравъ буди, государь! Всѣ въ слободѣ веселятся, что увидятъ твои ясныя очи.

— Инъ и вамъ всѣмъ здравствовать!—весело отвѣтилъ царь.—Покажи намъ свою охоту. Какъ блюдешь ее?

— Твои холопишки твою царскую утѣху, что глазъ, бережемъ! — отвѣтилъ князь и пошелъ подлѣ стремени царя.

— Истинно утѣха!—промолвилъ царь.

Проѣхавъ по широкой улицѣ, по сторонамъ которой стояли домики служащихъ, и миновавъ длинное зданіе конюшни, царь остановился у главнаго дома соколовъ, и сокольничьи сняли его съ сѣдла, не давъ времени даже закинуть ногу.

— Ну, ну, ведите! Что Гамаюнъ мой?—говорилъ царь, и голосъ его дрожалъ отъ радостнаго волненія.

— Здравствуетъ тебѣ на усладу! Боецъ, какихъ нѣтъ!

— Безъ промаха бьетъ!

Они прошли сѣни и вступили въ длинное помѣщеніе, освѣщенное окнами сверху. Справа и слѣва стояли домики-клѣтки; подлѣ каждаго находился свой служка, а теперь стоялъ и подсокольникъ, а на полкѣ подлѣ каждой клѣтки лежалъ весь снарядъ для охоты: цѣпка, колокольчикъ, рукавицы и вабило (сложенныя голубиныя перья, въ середину которыхъ клали кусокъ мяса для заманиванія сокола).

Воздухъ былъ насыщенъ запахомъ помета и гнилого мяса; со всѣхъ сторонъ раздавался птичій клекотъ и рѣзкій звонъ колокольчиковъ, необходимый въ наукѣ дресировки. Но царю пріятенъ былъ этотъ запахъ, какъ инымъ любителямъ коней запахъ конюшни, и радостенъ этотъ гомонъ.

— Гдѣ новые-то?—спросилъ царь.

— Тутъ всѣ три!

И князь повелъ царя къ тремъ клѣткамъ, гдѣ сидѣли два сѣрыхъ сокола и одинъ бѣлый, какъ снѣгъ, кречетъ.

Они сидѣли на жердочкахъ, крѣпко обхвативъ ихъ своими цѣпкими лапами, и при приближеніи людей сразу взъерошились, засверкали глазами и раскрыли крѣпкіе клювы.

Царь засмѣялся и сталъ оглядывать ихъ взоромъ знатока.

— Хорошія птицы! злыя!—говорилъ онъ, дразня птицъ пальцемъ;—ишь грудь какая.

— Этотъ вотъ, Степнякъ, смышленъ больно. Взмоетъ, и глазомъ не увидишь, а потомъ какъ камнемъ бьетъ. Хорьякъ—тотъ когтитъ, а этотъ ни-ни!

— Рукавицы на него!

— Злится. Анамедни сорвалъ!

— Ахъ, разбойникъ! Ну, ну, попытаемъ ихъ!

Царь пошелъ дальше.

Въ концѣ помѣщенія два мальчика подготовляли сокола къ дресировкѣ.

Царь остановился и смотрѣлъ.

— Тяжело ему сразу волю забыть!—промолвилъ онъ.

Дѣйствительно, сокола со свободы было бы невозможно выдресировать, если бы сначала не замучить его до полнаго изнеможенія.

Для этого къ клѣткѣ съ дикимъ соколомъ приставлялись два мальчика, которые смѣнялись каждые два часа. Одинъ изъ нихъ, сунувъ гремушку въ клѣтку, безпрерывно

гремѣлъ ею, а другой дергалъ сокола за шнурокъ, привязанный къ его ногѣ, не давая ему ни на мгновенье покоя. И эта пытка длилась ночи и дни, пока совершенно изнеможенный соколъ не давалъ взять себя въ руки.

Тогда его кормили, давали отдохнуть и, если онъ смирялся, начинали учить его, натаскивать.

— Ну, теперь моего любимца давай!—сказалъ царь.

Распояхинъ оглянулся и тотчасъ взялъ изъ рукъ подсокольнаго рукавицу и подалъ ее государю, а слѣдомъ и самого кречета съ цѣпкой на ногѣ и въ красномъ колпачкѣ.

Царь взялъ его на руку, застегнулъ цѣпь у перчатки и

Рукавицы сокольника.

ласково сталъ гладить крутую спину кречета и его выгнутую крѣпкую грудь.

— Нѣтъ супротивъ тебя птицы сокола!—нѣжно говорилъ царь.—Сила у тебя, что у орла, красота,—что у лебедя, смѣлость,—что у вепря! Радостный ты мой, свѣтлый.—И соколъ словно понималъ слова его, выпрямлялся и взмахивалъ крыльями.

— Видалъ ты сокола краше моего Гамаюна, Усланъ?—спросилъ царь у татарскаго князя, который былъ съ нимъ и смотрѣлъ на это богатство сверкающими отъ восторга глазами.

— Не видалъ на охотѣ, а красивъ, какъ ханъ!—отвѣтилъ тотъ пылко.

Царь усмѣхнулся.

Сокольничій.
Съ карт. Литовченко.

— Дай мяса!

Ему тотчасъ подали на серебряной тарелкѣ нарѣзанное кусками конское мясо.

Царь сдернулъ колпачокъ съ головы сокола, и тотъ рванулся съ руки его, но цѣпочка удержала его, и онъ затрепеталъ крыльями.

— Ну, ну, ну!—ласково заговорилъ царь,—ишь, встрепенулся. На, ѣшь!...

Царь сталъ давать ему куски мяса, и соколъ съ легкимъ клекотомъ быстро рвалъ ихъ на рукавицѣ и жадно проглатывалъ.

Царь смотрѣлъ на него любовнымъ взоромъ.

— Вотъ что, князь! — обратился Алексѣй Михайловичъ вдругъ къ Распояхину,—дни стоятъ ведреные. Завтра къ утру собери охоту. И твоихъ соколовъ испытаемъ.

Князь поклонился.

— Къ какой порѣ повелишь, государь, собраться и гдѣ?

— А сейчасъ, какъ службу отстою. Собраться же всѣмъ на Кривомъ Урочищѣ, тамъ, у загона. Собакъ возьми съ собою.

— Какъ повелишь, государь!

Царь ласково со всѣми простился и уѣхалъ.

Бояре давно уже оставили соколій домъ и ждали царя у выхода.

Царь сѣлъ на коня и радостный поѣхалъ домой.

День клонился къ вечеру.

4.

Широкое Коломенское озеро заливомъ вдавалось въ Кривое Урочище. Березовая роща съ частою зарослью окружала заливъ, а къ краю, у дороги, зеленѣла широкая лужайка.

На ней-то и собрались охотники съ княземъ Распояхинымъ во главѣ.

Всѣ были на коняхъ, въ зеленыхъ и желтыхъ полукафтаньяхъ съ вышитымъ чернымъ орломъ на груди.

Нѣсколько охотниковъ держали на сворахъ собакъ, другіе были просто съ длинными арканами въ рукахъ, податни имѣли въ рукахъ вабила, а сокольники держали на правой рукѣ соколовъ съ синими, красными, зелеными колпачками на головахъ.

Подлѣ князя стояли сокольники, держа на рукахъ Гамаюна, Степняка, Стрѣлу и Хорьяка.

Всѣ стояли на дорогѣ, лицомъ къ коломенскому дворцу, и ждали государя.

— Ѣдетъ, ѣдетъ! — закричалъ высланный впередъ дозорный, скача къ князю сломя голову.

— Впередъ!—скомандовалъ князь, и вся охота ровнымъ строемъ поскакала навстрѣчу царю.

Царь скакалъ впереди всѣхъ.

Лицо его разгорѣлось и было радостно, глаза сверкали.

Рядомъ съ царемъ несся князь Усланъ, а за ними Мстиславскій, Ртищевъ, Тереховъ, боярскія дѣти, ближніе бояре и прислужники.

Царь осадилъ своего коня, и въ тотъ же мигъ недвижно встала вся охота, а князь спѣшился и, низко кланяясь царю, приблизился, подавая ему расшитую рукавицу.

Алексѣй Михайловичъ надѣлъ ее.

— Будешь пробу дѣлать или Гамаюна прикажешь?

— Пробу, пробу! Давай сюда сначала Хорьяка!

Сокольникъ передалъ князю, а князь—царю статнаго грудастаго сокола.

Царь посадилъ его на рукавицу, ласково погладилъ его и прикрѣпилъ цѣпку.

— А ему Стрѣлу дай!—указалъ онъ на Услана;—вотъ мы и потягаемся!

— Якши!—весело отозвался Усланъ и оправился на сѣдлѣ.

Князь подалъ ему рукавицу и сокола и снова обратился къ царю:

— Повелишь зачинать веселье?

Свита царя уже подъѣхала и спѣшно разобрала у сокольниковъ соколовъ.

— Зачинай веселье!—приказалъ царь.

Князь быстро вскочилъ на коня и обернулся къ своимъ охотникамъ:

— Добрые сокольники,—закричалъ онъ,—напускайте и добывайте!

Охотники повернули коней и съ гикомъ разсыпались по дорогѣ, вокругъ загона. Они рыскали по кустамъ, кричали и били арапниками; собаки съ лаемъ носились въ рощѣ.

Гомонъ, шумъ, лай и порсканье встревожило птицъ, и онѣ съ крикомъ, пискомъ, кряканьемъ и гоготаньемъ стали кружиться въ воздухѣ.

Поднялись съ затона утки, вылетѣли два гуся, съ крикомъ заметались тетерева, изъ кустовъ ракетой вылетѣли вальдшнепы и по дорогѣ съ крикомъ понеслись куропатки.

Соколы встрепенулись и вытянулись, махая крыльми.

Царь снялъ цѣпку съ ноги своего сокола.

— Зачинай и ты!—сказалъ онъ Услану и снялъ колпачокъ съ головы Хорьяка.

Тотъ сначала, вертя головою отъ внезапнаго свѣта, оставался на рукавицѣ, но царь взмахнулъ рукою, и Хорьякъ, широко раскрывъ крылья, снялся и разомъ взмылъ въ небо.

Царь поднялъ голову. Усланъ спустилъ Стрѣлу, и тотъ также полетѣлъ кверху.

Выше, выше... и скоро они казались двумя точками въ небесной синевѣ. Но вотъ они стали расти больше, боль-

ше. Вотъ одинъ сложился въ комокъ и камнемъ полетѣлъ внизъ.

Неповоротливая утка съ кряканьемъ метнулась въ сторону, но соколъ упалъ на нее, и въ тотъ же мигъ впился въ нее когтями.

— Когтитъ, негодный!—гнѣвно закричалъ царь; — отзывай его! Дай Степняка!

Князь спѣшно исполнилъ его приказъ, а царь уже слѣдилъ за Стрѣлой. Тотъ медленно кружилъ надъ тяжелымъ тетеревомъ, потомъ вдругъ упалъ на него, долбнулъ желѣзнымъ клювомъ въ голову и взмылъ кверху, а тетеревъ, кувыркаясь въ воздухѣ, тяжело упалъ къ ногамъ Услана.

— Вотъ бьетъ! Ой, добрая птица! —закричалъ татаринъ.

Царь засмѣялся.

— Хорошо-то хорошо, да клюетъ! Ну, а этотъ?—и онъ спустилъ Степняка.

Степнякъ билъ грудью, но лѣниво.

Охота разгоралась. Соколы рѣяли въ воздухѣ; ихъ поощряли криками. Утки и тетерева падали на землю, въ кусты, въ воду. Охотники на коняхъ ловили падавшую добычу и разсѣялись по дорогѣ и рощѣ.

— Нѣтъ, дай моего Гамаюна!—сказалъ царь.—Нѣтъ лучше его бойца!

И правда, Гамаюнъ отличился.

Бѣлый, какъ снѣгъ, онъ чертилъ во всѣхъ направленіяхъ воздухъ и билъ большую и малую птицу своей крѣпкой грудью. Ударитъ, какъ камнемъ изъ пращи, и птица, кувыркаясь въ воздухѣ, падаетъ бездыханною, а Гамаюнъ уже взвился надъ другой и бьетъ ее.

Вотъ онъ погналъ за цаплею. Та летитъ по верхамъ деревьевъ, наровя во-время опуститься и прикрыться листвою, а зоркій соколъ летитъ по поднебесью, выжидая минуты упасть на нее.

Царь, поднявъ голову, скакалъ за ними, съ замираньемъ сердца слѣдя за Гамаюномъ.

Вотъ цапля вылетѣла изъ лѣса и поднялась надъ лугомъ, стремясь снова въ чернѣющій въ отдаленіи лѣсъ.

Но поздно. Соколъ сдѣлалъ два широкихъ круга и упалъ на цаплю.

— Радость моя! — закричалъ въ умиленіи царь, когда цапля перевернулась отъ удара, и сталъ манить назадъ сокола.

Гамаюнъ покружился и плавно опустился на подставленную ему рукавицу.

Царь надѣлъ на него колпачокъ, пристегнулъ цѣпку и нѣжно погладилъ его бѣлую спину.

Потомъ оглянулся и въ недоумѣніи остановилъ коня.

5.

Мѣсто, въ которомъ онъ очутился, было совсѣмъ ему незнакомо. Со всѣхъ сторонъ густой боръ, а онъ посреди широкаго луга, и не помнитъ даже, съ котораго конца онъ въѣхалъ на эту лужайку.

Царь прислушался, но все кругомъ было тихо; только трещали дергачи, да гдѣ-то куковала кукушка.

Царь посмотрѣлъ вверхъ, но синее небо было чисто, и нигдѣ не видно было рѣющихъ соколовъ.

— Ишь ты, заблудился! — промолвилъ Алексѣй Михайловичъ и, вынувъ свистокъ, засвистѣлъ такъ, что его Гамаюнъ взлетѣлъ и затрепеталъ крыльями, а конь насторожилъ уши. Но никто не отозвался на свистъ, и кругомъ попрежнему было тихо.

— Впрямь заблудился!—промолвилъ царь и тронулъ коня въ чащу бора. Казалось ему, что скакалъ онъ въ этой чащѣ, когда цапля неслась надъ деревьями.

— Ну, ну, выручай ужъ ты!—говорилъ онъ коню, хлопая его по шеѣ. И конь, словно понимая, загибалъ шею и размашистымъ шагомъ увѣренно шелъ между деревьями, выбирая просѣки.

Время отъ времени Алексѣй Михайловичъ вынималъ свистокъ и громко свистѣлъ, но на свистъ попрежнему никто не откликался.

Въ густомъ бору было почти темно; только кое-гдѣ сквозь листву пробивался солнечной лучъ и бросалъ на землю яркое круглое пятно.

Конь выступалъ осторожно, и подъ его копытами изрѣдка хрустѣла упавшая вѣтка.

Вдругъ среди тишины слухъ царя поразилъ рѣзкій человѣческій голосъ, громко поющій священный стихъ.

Царь пріостановился, набожно перекрестился и, дернувъ за узду коня, двинулся на человѣческій голосъ.

Пѣніе слышалось все яснѣе и яснѣе. Царь подъѣхалъ совсѣмъ близко, какъ вдругъ пѣніе оборвалось, и опять наступила мертвенная тишина.

Алексѣй Михайловичъ съ недоумѣніемъ оглянулся и, остановивъ коня, сталъ прислушиваться.

И вдругъ, поражая его слухъ, раздался рѣзкій крикъ:

— Изыди, окаянный. Слуга антихристовъ! Наше мѣсто свято!

Алексѣй Михайловичъ оглядѣлъ все кругомъ, но ничего не увидѣлъ, а невидимый голосъ продолжалъ кричать:

— Слуги антихриста, что надѣлали черные! Имя Сыну Божьему перемѣнили, печатаютъ нынѣ съ буквой ненадобной!

Окаянные! Звоны, и тѣ перемѣнили! Пожди, будетъ вамъ ужо, слуги антихристовы!

— Эй! ты! — гнѣвно закричалъ царь невидимому. — Пошто лаешься? Гдѣ ты? Укажи мнѣ путь во дворецъ!

— Тьфу, тьфу, тьфу, — раздалось снова, — здѣсь мѣсто свято! Укажутъ тебѣ Никонъ съ антихристомъ путь въ геенну.

— Хи-хи-хи! увидѣлъ! — раздался вслѣдъ за тѣмъ откуда-то сверху хриплый смѣхъ.

Царь, поднявъ голову, съ изумленіемъ увидѣлъ человѣка, сидѣвшаго высоко на деревѣ верхомъ на сучкѣ.

Былъ онъ босоногъ, въ дырявой сермяжной рубахѣ, съ длинными спутанными волосами. Въ темнотѣ лица его разглядѣть было нельзя, но царю показалось, что онъ видитъ сверкающіе злобою глаза безумнаго.

Очевидно, это былъ одинъ изъ спасавшихся изувѣровъ.

Когда, ревнуя о чистотѣ православнаго богослуженія и его благолѣпіи, патріархъ Никонъ рѣшился исправить богослужебныя книги, искаженныя переписчиками, и сталъ вводить въ богослуженіе согласное и правильное пѣніе сначала всѣ подчинились его волѣ, начиная съ царя и бояръ, но потомъ вдругъ объявились расколъ и несогласія.

Нашлись изувѣры, которые увидѣли въ исправленіяхъ Никона посягательство на вѣру, всполошились темные люди, вѣрные старымъ искаженнымъ книгамъ и старому обряду, и стали отстаивать и пѣніе общее, разногласное, и двуперстное знаменіе, и «Исуса» съ однимъ «и» и проч.

Такъ какъ убѣжденія не дѣйствовали на такихъ людей, то ихъ заточали по монастырямъ, ссылали въ Сибирь и другія отдаленныя мѣста.

Они разбѣгались, ютились по лѣсамъ и строили себѣ прибѣжища. Иные просто спасались, прятались въ лѣсу, рыли пещеры или, какъ встрѣченный царемъ, жили на деревьяхъ, славя старую вѣру и понося царя и Никона.

— Чего лаешься? — закричалъ ему царь. — Я вотъ накажу стрѣльцамъ съ дерева тебя снять!

— Миленькій, накажи, — завопилъ юродивый съ дерева, — ввергни въ тюрьму, въ яму злую, да приму поношенія во славу Бога!..

— Тьфу! — гнѣвно произнесъ царь.

— А теперь бѣги! — закричалъ юродивый и кинулъ сучкомъ, который попалъ въ колѣно коню.

— Безумный, что дѣлаешь? — воскликнулъ царь и погналъ коня, а смѣхъ юродиваго загремѣлъ ему вслѣдъ и наполнилъ лѣсъ гулкимъ эхомъ.

Алексѣй Михайловичъ гналъ коня, и ему становилось жутко.

А лѣсу и конца не было видно. Со всѣхъ сторонъ стоялъ онъ черною стѣною. Конь уже притомился. Гамаюнъ отъ встряски началъ сердито клекотать и бить клювомъ въ рукавицу.

Царь чувствовалъ голодъ и усталость, и веселье соколиной охоты уже оставило его.

Вдругъ конь его рѣзко шарахнулся въ сторону.

Царь едва усидѣлъ въ сѣдлѣ и едва успѣлъ сдержать коня.

Шагахъ въ шести отъ себя онъ увидѣлъ рослаго человѣка въ платьѣ царскаго охотника.

Онъ вглядѣлся въ фигуру и радостно закричалъ:

— Антропка, ты какъ сюда попалъ? Али за нами?

Антропка, вчерашній удалой боецъ, посрамленный сермяжнымъ Егоромъ, вмѣсто того, чтобы броситься къ царю, вдругъ шарахнулся отъ него въ чащу.

— Али пьянъ,—уже сердито закричалъ царь,—слышь, тебя государь кличетъ! стой!

Въ голосѣ царя прозвучали такія грозныя ноты, что Антропка, сызмальства привыкшій къ послушанію, сразу остановился.

Царь тронулъ коня и въѣхалъ въ чащу, насколько было возможно.

Антропка недвижимо стоялъ передъ нимъ. Лицо его было мертвенно-блѣдно. Царь гнѣвно взглянулъ, разсерженный и тѣмъ, что тотъ хотѣлъ бѣжать отъ него, и тѣмъ, что не становился холопъ на колѣна.

Грозное слово уже готово было сорваться съ его устъ, какъ вдругъ онъ замѣтилъ, что Антропка стоитъ передъ нимъ безъ шапки и что кафтанъ на немъ разстегнутъ у ворота и не опоясанъ обычнымъ кушакомъ.

Самъ Антропка стоялъ недвижимъ, точно изваянье.

Царь оглянулся и вдругъ вздрогнулъ.

Почти у ногъ его коня лежала шапка Антропки съ малиновымъ верхомъ, а на крѣпкомъ сучкѣ висѣлъ привязанный за одинъ конецъ шелковый кушакъ.

Царь съ испугомъ осѣнилъ себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ: «Господи, Владыко! что онъ удумалъ!..»

— Что ты удумалъ, несчастный?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ у Антропки,—али не знаешь, что за такое дѣло ждутъ тебя вѣчныя муки?

Голосъ его проникъ до самаго сердца Антропки.

Онъ вздрогнулъ, колыхнулся весь и упалъ на колѣна.

— Прости, государь, окаяннаго! силушки не стало! врагъ попуталъ!—хрипло проговорилъ онъ и поклонился земно.

Царь нагнулся съ сѣдла къ своему любимому холопу.

— Съ чего ты такое замыслилъ? — тихо спросилъ онъ.

— Отъ срама великаго, — такъ же тихо отвѣтилъ Антропка; — николи со мной такого не было, чтобы кто осилилъ меня! а тутъ... мужикъ сермяжный!.. — голосъ его перервался.

Лицо царя озарилось улыбкою, потомъ по немъ прошла тѣнь.

— Охъ, дурень, дурень, ласково сказалъ онъ, — что же ты думалъ, что супротивъ тебя и силы нѣтъ? Встань, дурень. Небось и на твоего супротивника другой медвѣдь найдется. Надѣнь кушакъ съ шапкою да выведи меня изъ лѣса; слышишь, запутался я тутъ!

Антропка еще разъ поклонился царю земно и поднялся на ноги.

Онъ отвязалъ кушакъ, привычной рукой опоясался имъ и, взявъ въ одну руку шапку, сталъ у стремени, поцѣловавъ колѣно царя.

— Батогами бы тебя! — съ ласковой усмѣшкою сказалъ ему царь, когда конь его вышелъ на тропинку. — Ишь что удумалъ! ай, ай! — и черезъ минуту уже весело прибавилъ: — а меня здѣсь въ одночасіе какой-то скоморохъ юродивый вотъ какъ облаялъ! Сидитъ на деревѣ, что сычъ, и всякую скверну на меня и Никона несетъ!..

Антропка молча шагалъ у стремени царя.

— Ой, грѣхъ, большой грѣхъ! продолжалъ царь, — батогами тебя бить не буду, а къ Троицѣ въ обитель иди, покайся и грѣхъ отмоли!... да, да! а за то, что меня изъ лѣса вывелъ, я тебя при себѣ оставлю, за моего хранителя. Вотъ! съ того дня, какъ очистишься, у моего стремени будь.

Антропка вскинулъ на царя просвѣтлѣвшій радостный взоръ и упалъ на землю, цѣлуя царскій сапогъ.

— Ну, ну! — уже весело сказалъ царь. — Вставай да веди!

Антропка поднялся.

— По гробъ жизни своей твой рабъ! — дрогнувшимъ голосомъ сказалъ онъ и твердой легкой поступью пошелъ рядомъ съ конемъ.

Царь, уже успокоенный, улыбался и думалъ, что Господь все дѣлаетъ по великому разуму. Для того и въ чащу заскакалъ онъ вслѣдъ за соколомъ, чтобы юродивый ужалилъ его и чтобы довелось ему спасти живую душу отъ геенны огненной.

«Дивны дѣла твоя, Господи»!

И царь набожно перекрестился.

Скоро Антропка вывелъ Алексѣя Михайловича изъ лѣса, и тотчасъ съ поляны раздались радостные клики, со всѣхъ сторонъ къ царю понеслись бояре и охотники.

— Слава Богу! Нашелъ путь! — сказалъ Милославскій, — а мы всю рощу изъѣздили!

Θеодоръ Алексѣевичъ — Государь, Царь и Великій Князь, Самодержецъ Всероссійскій.

— Всѣ видѣли, какъ ты поскакалъ, да за твоимъ конемъ не угнаться!—прибавилъ Распояхинъ.

— Кабы не Антропка, не знаю, сколько бы и блуждалъ я,—сказалъ царь;—ну, а теперь, князь, время и полдничать!

— Тебя ждали, государь! все улажено!—отвѣтилъ князь.

Окруженный боярами, царь двинулся къ широкой полянѣ, гдѣ на длинныхъ столахъ были установлены ѣда и питье.

Зазвенѣли гусли, запѣли пѣсенники и начался пиръ.

Солнце ярко свѣтило на безоблачномъ небѣ, въ которомъ съ пѣніемъ вились жаворонки.

Царь радостно смотрѣлъ вокругъ, и ему было легко и весело на душѣ.

Радость его отражалась и на всѣхъ окружающихъ.

— Господи Боже, сколь прекрасенъ міръ твой,—съ умиленіемъ проговорилъ царь, оглядывая и радостныя лица своихъ вѣрныхъ слугъ, и синее небо, и вѣковыя деревья съ молодой порослью.

А спустя часъ времени, всѣ ужъ спали крѣпкимъ сномъ, чтобы, проснувшись, снова начать охоту уже до солнечнаго заката.

Такъ забавлялся царь Алексѣй Михайловичъ, прозванный народомъ «Тишайшимъ».

V.

Царь Θеодоръ Алексѣевичъ.

(Род. 30 мая 1661 г. Вступ. на прест. 30 января 1676 г. Ум. 27 апрѣля 1682 г.).

Θеодору Алексѣевичу, когда онъ вступилъ на престолъ, шелъ 15-ый годъ. Онъ былъ хилымъ, слабымъ юношей, невысокаго роста съ тихими ясными глазами и доброй улыбкою. Характеромъ онъ былъ очень мягокъ, и его волей быстро овладѣли Милославскіе, приходившіеся ему дядьями. Царь все время отдавался богомолью, и весь домашній укладъ его жизни сложился почти по-монастырски. Помня великолѣпіе своего отца, и онъ совершалъ большіе и малые выходы, но дѣлалъ это съ большимъ понужденіемъ. Болѣе всего онъ любилъ сидѣть у себя въ палатѣ и слушать или чтеніе, или разсказы бывалыхъ людей. Ни скоморошьи игры, ни иныя забавы его не привлекали, и соколиная охота царя Алексѣя Михайловича пришла въ полный упадокъ.

Въ 1680 г. царь женился на Агафьѣ Семеновнѣ Грушецкой. Она вскорѣ умерла, а также и ея новорожденный сынъ.

Въ самомъ началѣ 1682 года царь Θеодоръ женился на 15-лѣтней Марθѣ Матвѣевнѣ Апраксиной. Самому царю шелъ только 21-ый годъ. Онъ былъ попрежнему худощавъ и слабъ, но характеромъ окрѣпъ и успѣлъ сбросить съ себя вліяніе Милославскихъ.

Съ женитьбою словно свѣтлый лучъ прорѣзалъ его жизнь. Θеодоръ Алексѣевичъ повеселѣлъ, сталъ дѣлать выѣзды, смотрѣлъ на медвѣжью охоту, но вскорости занемогъ, слегъ въ постель и умеръ 27-го апрѣля 1682 г., оставивъ послѣ себя бездѣтной вдову.

Сожженіе разрядныхъ книгъ.

Однажды царь Өеодоръ Алексѣевичъ передъ выходомъ къ боярамъ услышалъ сильный шумъ, громкіе голоса и словно бы драку. Царю нéдужилось, у него болѣла голова. Онъ недовольно поморщился и вышелъ въ сѣни. Недовольство его усилилось отъ того, что онъ увидѣлъ.

Два боярина, высокій, плотный Татищевъ, и также немалаго роста Бахтеевъ держали другъ друга за бороды и

Сожженіе разрядныхъ книгъ.

громко бранились, а остальные бояре, смѣясь, окружали ихъ и подзадоривали на драку. Всѣ были заняты ссорой такъ, что даже не замѣтили царя, который грозно окликнулъ ихъ:

— Али на дворѣ мѣста мало, что наши палаты оскверняете ссорой и дракою!

Всѣ разомъ очнулись и повалились на колѣна. Дерущіеся отпустили другъ другу бороды.

— Что не подѣлили?—съ укоромъ спросилъ царь.

— Смилуйся, государь!—заговорилъ Татищевъ,—жалуюсь на безчестіе. Шелъ предъ твои царскія очи въ палаты по

лѣстницѣ, а этотъ смердъ шпулъ меня и впереди пошелъ. И завсегда норовитъ стать ли, сѣсть ли выше меня!

— Смилуйся, государь! — закричалъ въ свою очередь Бахтеевъ,— мой дѣдъ при свѣтломъ дѣдѣ твоемъ, покойномъ царѣ Михаилѣ, въ думѣ сидѣлъ, а его дѣдъ при стремени былъ. Нынѣ же впередъ меня норовитъ!

— Облыжно, государь! Вели глядѣть разрядныя книги. Мой отецъ воеводой былъ, съ батюшкой твоимъ въ походѣ на поляковъ ходилъ. Я выше!

— Анъ я!

— Смердъ!

— Отъ собачьяго лая нѣтъ срама!

— Тихо!—крикнулъ царь,—идите съ глазъ моихъ прочь! ужо прикажу глядѣть разрядныя книги!

Этотъ случай глубоко опечалилъ царя и еще болѣе усилилъ его рѣшеніе окончить разъ навсегда споры и ссоры изъ-за мѣстъ. Притомъ же высшіе военные начальники, созванные на совѣщаніе объ улучшеніи военныхъ дѣйствій, единогласно заявили, что мѣстничество вредно военному дѣлу.

Мѣстничество вообще было большимъ зломъ для всего государства. Окружающіе царя люди, тѣ, изъ которыхъ онъ избиралъ себѣ помощниковъ, были отличаемы не своими способностями—умомъ, знаньями, опытностью, — а старинностью своего рода, заслугами отцовъ и дѣдовъ.

Въ войсковыхъ частяхъ начальники назначались не по искусству, а по роду—и то же—на царскихъ выходахъ, на пиру, просто въ гостяхъ другъ у друга: всякій считалъ за собою мѣсто, и бѣда, если кто не по праву садился выше его.

Всѣ служебныя назначенія бояръ и всѣхъ другихъ служебныхъ людей записывались въ особыя разрядныя книги, и по нимъ опредѣлялось мѣсто каждаго.

Эти-то книги и задумалъ уничтожить царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

1682 года 12 января онъ созвалъ освященный соборъ и боярскую думу и сказалъ:

— Великій соблазнъ и дѣлу нашему умаленіе чинится изъ-за мѣстъ, а потому и думаю: не лучше ли оставить эти споры и быть всѣмъ безъ мѣстъ, а по заслугамъ. Какъ думаете ты, владыко святый, и вы, бояре?

Патріархъ тотчасъ согласился съ царемъ. Менѣе именитые бояре съ радостью приняли предложеніе, потому что имъ всегда заслоняли дорогу старшіе по мѣстамъ. Именитымъ нечего было сказать, и царь постановилъ:

— Разрядныя книги сжечь, а всѣмъ быть безъ мѣстъ!

Тутъ же 12 января 1682 г. совершилось торжественное сожженіе разрядныхъ книгъ.

Въ каменныхъ сѣняхъ царскихъ палатъ была поставлена желѣзная печь. Въ ней разожгли огонь, и царь съ патріар-

Царица Наталья Кирилловна мать Петра Великаго. (Съ рис. К. Брожъ).

хомъ и боярами сожгли разрядныя книги, которыхъ былъ изрядный ворохъ.

Такъ окончилось вредное для государства мѣстничество на Руси.

VI.

Рожденіе Петра Великаго.

(По разсказу Штелина.)

Наблюдая каждую ночь теченіе звѣздъ, ученый монахъ Симеонъ Полоцкій замѣтилъ, что 28-го августа 1671 года появилась недалеко отъ Марса весьма свѣтлая звѣзда. На утро, 29-го августа, пошелъ Полоцкій къ царю Алексѣю Михайловичу и поздравилъ его съ сыномъ, который долженъ былъ родиться отъ второй супруги царя, Наталіи Кирилловны.

— Сей князь,—говорилъ онъ,—воспріиметъ твой престолъ, и ни одинъ изъ современниковъ его не будетъ ему равняться. Онъ пріобрѣтетъ величайшую похвалу. Слава его ежечасно будетъ возрастать, многіе падутъ отъ его меча, онъ истребитъ злобныхъ, но любить будетъ ревностныхъ.

Чтобы подтвердить свое предсказаніе, Симеонъ Полоцкій написалъ его на бумагѣ и отдалъ царю. Къ написанному предсказанію онъ присовокупилъ еще относительно царицы: «При разрѣшеніи твоемъ претерпишь ты три дня великую тоску и болѣзнь; однако ваше величество и новорожденный царевичъ останетесь живы и здоровы и въ Божіемъ покровительствѣ».

Предсказаніе Симеона сбылось.

28-го мая 1672 года, когда Полоцкій пришелъ во дворецъ, царица уже мучилась въ родахъ.—Симеонъ утѣшалъ царя и притомъ сказалъ, что царица еще двое сутокъ будетъ страдать. Наконецъ, царица такъ ослабѣла, что ее причастили св. Тайнъ; но Полоцкій утѣшалъ царя, увѣряя, что царица будетъ жива, и черезъ пять часовъ родитъ царевича. Когда уже прошло четыре часа и наступилъ пятый, сталъ Полоцкій на колѣна и началъ молиться, чтобы царица еще часъ не разрѣшилась. Царь разсердился и сказалъ ему:

— О чемъ ты молишь? Царица уже безъ чувствъ и почти мертва.

Но онъ отвѣчалъ:

— Великій государь! Когда царевичъ родится въ первую половину часа, то будетъ онъ жить около пятидесяти лѣтъ, а ежели во вторую половину часа, то достигнетъ онъ семидесятилѣтней старости.

Во время этого разговора и родился царевичъ, и новорожденный былъ крещенъ опредѣленнымъ ему отъ Полоцкаго именемъ—Петромъ.

Императоръ Петръ Великій.

VII.

Петръ Великій, Алексѣевичъ.

(Род. 30 мая 1672 г. Вст. на пр. 27 апрѣля 1682 г. Ум. 28 января 1725 г.).

Внѣшность императора Петра Великаго описывать почти излишне. Это былъ богатырь въ полномъ смыслѣ слова. Необыкновенной физической силы при необыкновенномъ ростѣ.

Въ Голландіи онъ останавливалъ рукою крылья вѣтряной мельницы, во Франціи на забаву малолѣтняго Людовика свертывалъ въ портъ-букетъ серебряныя тарелки, въ состязаніи съ польскимъ королемъ Августомъ ударомъ кортика пересѣкалъ штуку сукна. Только 2 вершковъ не хватало въ его ростѣ до сажени.

Онъ былъ сильный брюнетъ съ пышными кудрями на головѣ и ничтожной растительностью на лицѣ. Огромные черные глаза то были ласковы, то метали молніи. Мясистый носъ и подбородокъ придавали лицу его массивность. Пушкинъ въ своихъ безсмертныхъ строкахъ очень вѣрно охарактеризовалъ его внѣшность.

«Ликъ его ужасенъ, движенья быстры, онъ прекрасенъ, онъ весь, какъ Божія гроза...»

Онъ именно былъ и прекрасенъ, и ужасенъ.

Напуганный въ дѣтствѣ, онъ получилъ на всю жизнь нервныя подергиванья въ лицѣ. Благодаря этому, когда онъ приходилъ въ гнѣвъ, лицо его дѣлалось прямо ужаснымъ. Глаза сверкали, щеки передергивались судорогой.

Никакой иной организмъ не смогъ бы выдержать такого неустаннаго труда, какой принялъ на себя Петръ Великій.

Онъ умеръ отъ простуды, исключительно благодаря неискусству окружавшихъ его врачей.

Въ своей частной, домашней жизни Великій императоръ былъ чрезвычайно простъ.

Онъ не любилъ спать много. Обыкновенно онъ вставалъ въ 4—5 часовъ утра. Если же были какія-нибудь спѣшныя дѣла, какой-нибудь тайный совѣтъ, если нужно было спѣшно отправить курьера или дать инструкціи уѣзжавшему послу— царь подымался на часъ или на два раньше.

Вставъ съ постели, Петръ въ продолженіе получаса расхаживалъ по комнатамъ въ нижнемъ бѣльѣ, въ туфляхъ на босую ногу и въ бумажномъ колпакѣ, обшитомъ зелеными

лентами. Несомнѣнно, онъ обдумывалъ въ это время предстоящую днемъ работу.

Потомъ Петръ Великій одѣвался и принималъ секретаря Макарова, который читалъ вслухъ царю рапорты, ежедневно подаваемые начальниками всевозможныхъ вѣдомствъ.

Быстро и плотно позавтракавъ, царь уходилъ изъ дома, если была хорошая погода, пѣшкомъ, или уѣзжалъ въ своей одноколкѣ. Онъ отправлялся на верфи, осматривалъ строящіяся суда, и, въ концѣ-концовъ, неизмѣнно шелъ въ Адмиралтейство. Тамъ онъ выпивалъ стаканъ анисовой водки, закусывалъ кренделемъ, а затѣмъ работалъ до часа, т.-е. до обѣда.

Въ маленькомъ дворцѣ, окруженномъ теперь Лѣтнимъ садомъ, кухня прилегала къ столовой и сообщалась съ ней дверкой, черезъ которую проносили кушанья. Петръ не выносилъ присутствія многочисленной прислуги за обѣдомъ, это — чисто голландская черта. Когда онъ обѣдалъ вдвоемъ съ женой, за столомъ прислуживали молоденькій казачокъ и довѣренная горничная императрицы. Когда къ обѣду были приглашаемы гости, блюда подавалъ самъ поваръ Фельтенъ съ помощью одного или двухъ денщиковъ. Когда приносили десертъ и передъ каждымъ изъ гостей ставили бутылку, Петръ приказывалъ слугамъ удалиться.

Обѣды, устраивавшіеся въ домѣ царя, были всегда очень просты. Въ торжественныхъ случаяхъ обѣдали у Меншикова: французскіе повара готовили роскошный обѣдъ, въ который входило до 200 блюдъ; столъ убирался дорогою фарфоровою и золотою посудою.

Царь всегда носилъ съ собою столовый приборъ: деревянную ложку, отдѣланную слоновой костью, и стальные ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками.

Онъ любилъ простыя, народныя кушанья: щи, кашу, черный хлѣбъ, и не выносилъ сладкихъ блюдъ и рыбы. Во время великаго поста онъ употреблялъ мучную пищу и овощи. Въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни онъ, по совѣту врача, прекращалъ время отъ времени употребленіе спиртныхъ напитковъ.

Въ это время царь пилъ кислыя щи, въ которыя была положена англійская мята.

Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ употреблялъ, по совѣту шотландца, медика Эрескинса, только виноградное вино.

Петру была чужда роскошь. Обычно онъ ходилъ въ костюмѣ, похожемъ на одежду крестьянина: лѣтомъ кафтанъ изъ толстаго сукна, фабрики Сердюкова, которому царь покровительствовалъ, тафтяная жилетка, шерстяные, большей частью заштопанные, чулки, грубые ботинки на толстой

подошвѣ, съ очень высокими каблуками и стальными или мѣдными пряжками; на головѣ — фетровая треугольная шляпа или бархатный картузъ. Зимой картузъ замѣнялся бараньей шапкою, ботинки — мягкими сапогами изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ; кафтанъ подбивался мѣхомъ — спереди клался соболь, на спинѣ и въ рукавахъ бѣличій мѣхъ.

Въ городѣ царь носилъ мундиръ полковника Преображенскаго полка: платье изъ толстаго зеленаго голландскаго сукна на подкладкѣ изъ одноцвѣтной тафты, отороченное узкимъ золотымъ галуномъ; камзолъ изъ очень толстой оленьей шкуры; шапку безъ галуна, шпагу въ простомъ черномъ чехлѣ и черный кожаный воротникъ. Петръ очень любилъ тонкое бѣлое голландское бѣлье: поддаваясь этой слабости, онъ измѣнялъ своей обычной простотѣ, внушенной отчасти бережливостью.

Развлеченія царя соотвѣтствовали его вкусамъ. Они были мало изысканны. Онъ не любилъ охоты и расходился въ этомъ со своими предками — страстными охотниками, которые съ увлеченіемъ били медвѣдей и волковъ. Это подобіе войны оскорбляло его практическій умъ. Онъ не любилъ и войны и предпринималъ ее только тогда, когда имѣлъ въ виду выгоды родины.

Царь терпѣть не могъ карточной игры и называлъ ее забавой воровъ. На морѣ и на сушѣ было запрещено, подъ страхомъ строгаго наказанія, проигрывать больше рубля въ вечеръ. Иногда, однако, царь, изъ уваженія къ своимъ гостямъ голландскимъ матросамъ, составлялъ партію голландскихъ gravias.

Онъ охотно и хорошо игралъ въ шахматы, курилъ и нюхалъ табакъ, и въ 1697 году въ Конненбрюгге обмѣнялся табакерками съ курфирстиной бранденбургской. Его страстью была вода. Онъ катался на лодкѣ, когда Нева почти на три четверти покрывалась льдомъ, и оставалось не болѣе сотни квадратныхъ футовъ незамерзшей воды. Часто зимой онъ приказывалъ сдѣлать во льду узкій каналъ и предавался своему любимому спорту.

Онъ чувствовалъ себя вполнѣ хорошо только на палубѣ корабля. Только тяжелая болѣзнь могла заставить его спать на сушѣ, если портъ былъ рядомъ. Онъ говорилъ, что море необходимо для его здоровья, и въ 1722 году въ Ригѣ, во время приступа жестокой лихорадки, принудившей его сначала переселиться на сушу, онъ велѣлъ перенести свою постель на палубу фрегата и только этому приписывалъ свое выздоровленіе. Въ послѣдніе годы онъ отправлялся послѣ обѣда отдыхать въ трюмъ какой-нибудь барки.

Домашняя прислуга царя состояла изъ шести денщиковъ, въ число которыхъ входили: Татищевъ, Орловъ, Бу-

турлинъ и Суворовъ, двухъ курьеровъ, камердинера Полубояринова, секретаря Макарова и двухъ подсекретарей: Черкасскаго и Памятина. Нартовъ помогалъ царю въ токарномъ ремеслѣ (царь точилъ дерево и слоновую кость), которому Петръ посвящалъ ежедневно нѣсколько часовъ.

Обладая желѣзной волей, великій человѣкъ могъ, если хотѣлъ, смирять себя; казалось, онъ имѣлъ власть и море подчинять своей волѣ... Стихія ему повиновалась... Она не смѣла посягнуть на его жизнь. Онъ это понималъ и смѣло шелъ навстрѣчу разъяреннымъ волнамъ...

На Бѣломъ морѣ разыгрался ужасный штормъ. Пассажиры и команда небольшого корабля, на которомъ находился и Петръ, потеряли голову отъ страха и отчаянья. Гибель казалась неизбѣжна. Только два человѣка не теряли присутствія духа. Молодой царь и крестьянинъ-кормчій, Антипъ Пановъ. Послѣдній, управляя рулемъ, ловко лавировалъ между подводными камнями. Петръ, горячо помолясь мысленно своему патрону, св. апостолу Петру, весело ободрялъ матросовъ и сталъ было давать совѣты кормчему, а потомъ захотѣлъ взять руль.

— Поди прочь! — грозно возразилъ старикъ, — я больше твоего смыслю и знаю, куда правлю...

Петръ молча отошелъ, и судно скоро, дѣйствительно, пристало къ берегу.

Царь подошелъ тогда къ Антипу и сказалъ:

— Помнишь ли, братъ, какъ ты отпотчивалъ меня на суднѣ?

Кормчій упалъ къ ногамъ царя, моля о прощеніи.

Государь поднялъ его, поцѣловалъ трижды и успокоилъ, говоря:

— Ты не виноватъ ни въ чемъ, другъ мой; я обязанъ еще благодарить тебя за твой отвѣтъ и твое мужество.

Затѣмъ царь снялъ съ себя мокрое до нитки платье и передалъ его старому кормчему на память, а сверхъ того опредѣлилъ ему пожизненную пенсію.

Петръ прибылъ въ сопровожденіи корабельнаго мастера на корабль „Петръ и Павелъ“, который онъ заложилъ собственноручно въ 1697 г. въ Голландіи. Капитаномъ корабля былъ нѣкто Мусъ, голландецъ, прежде простой матросъ, сумѣвшій понравиться государю и приглашенный имъ на русскую службу.

Осмотрѣвъ корабль, Петръ обратился къ капитану:

— Ну, братъ, въ войскѣ сухопутномъ я проходилъ всѣ чины: позволь же мнѣ поучиться и морской службѣ и затѣмъ быть подъ твоей командой.

Изумленный капитанъ не зналъ, что отвѣчать.

— Что же вы, господинъ капитанъ, не гонорусте меня своимъ приказомъ? Съ какой должности начинать морскую службу? — продолжалъ государь.

— Съ каютнаго юнги, — еле смогъ пролепетать бѣдный Мусъ, служившій раньше только на частныхъ судахъ.

Петръ I въ Архангельскѣ на баржѣ между голландскими и англійскими купцами. (Съ рис. Н. Соколова).

— Хорошо. Теперь я заступаю его мѣсто, — сказалъ Петръ.

— Помилуйте, Ваше Величество...

— Я теперь здѣсь не Ваше Величество; я — начинающій морскую службу съ званія каютнаго юнги!...

Мусъ все еще думалъ, что государь шутитъ, и крикнулъ, стараясь попасть ему въ тонъ:

— Ну такъ полѣзай же на мачту и развяжи парусъ.

Петръ немедленно исполнилъ приказъ.

Экипажъ обомлѣлъ, увидѣвъ отважность, совершенно еще неопытнаго въ морской службѣ, юнаго царя. Тотъ, который когда-то обтесывалъ эту мачту, находился теперь на ея верхушкѣ.

Между тѣмъ вѣтеръ сильно покачивалъ корабль. Во всякую минуту можно было ожидать несчастія. Всѣ были въ

какомъ-то оцѣпенѣніи, стоя внизу на палубѣ и глядя, какъ царь работаетъ на верху мачты.

Наконецъ, окончивъ свое дѣло, Петръ благополучно спустился на палубу. Мусъ далъ ему новое приказаніе:

— Поскорѣй принеси мнѣ бутылку понтаку изъ каюты.

Царь бѣгомъ бросился въ каюту и вернулся съ бутылкою и стаканомъ.

Тогда Мусъ взглянулъ на Петра, призадумался, потомъ пристально посмотрѣлъ на юнаго монарха, и вдругъ слезы умиленія и восторга оросили его глаза. Онъ схватилъ въ одну руку стаканъ, наполненный золотистой влагой, а другой кинулъ высоко вверхъ свою шапку и крикнулъ:

— Да здравствуетъ величайшій изъ царей!

Громкое «ура» всего экипажа было отвѣтомъ на его возгласъ, а съ берега, будто эхо, отозвалось такое же «ура» народной толпы.

Однажды Петръ приказалъ часовому никого не допускать къ своей особѣ, а самъ принялся за токарную работу.

Пріѣхалъ кн. Меншиковъ.

— Здѣсь государь? — спрашиваетъ онъ часового.

— Здѣсь, только пускать никого не приказано.

— Ну, меня можно.

— Не приказано, не пущу, — сказалъ солдатъ.

— Да знаешь ли ты, кто я?

— Знаю, а все-таки не пущу.

— Я имѣю до государя не терпящую время нужду.

— Не могу пустить: не приказано.

— Ахъ ты грубіянъ! Я, какъ твой подполковникъ, велю тебя сейчасъ смѣнить и жестоко наказать,—вскричалъ князь съ запальчивостью.

— Послѣ часовъ ты воленъ со мною сдѣлать, что хочешь; но и тому, кто меня смѣнитъ, я передамъ приказъ государя.

Меншиковъ въ досадѣ оттолкнулъ часового и силою хотѣлъ отворить дверь, но часовой въ эту минуту приставилъ штыкъ къ груди князя и грозно крикнулъ:

— Отойди отъ двери — или я тебя заколю!

Царь, услышавъ происходившій шумъ, открылъ дверь и, увидѣвъ штыкъ часового, направленный прямо въ грудь князя, поспѣшно спросилъ:

— Это что такое?

Взбѣшенный Меншиковъ пожаловался, что его чуть не заколол̀ъ часовой.

— За что хотѣлъ ты убить князя? — обратился Петръ къ солдату.

— Государь, я получилъ отъ тебя приказъ никого не допускать, а онъ, не слушая твоего приказа, хотѣлъ войти

силою, и даже меня отъ двери оттолкнулъ; мнѣ только и оставалось, что колоть.

Государь, выслушавъ обѣ стороны, улыбнулся.

— Данилычъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Меншикову,— онъ лучше знаетъ свою службу, чѣмъ ты. Мнѣ было бы жаль, если бы онъ тебя закололъ... А тебѣ спасибо, — продолжалъ царь, милостиво кивнувъ часовому, — жалую тебѣ въ награду пять рублей.

Кромѣ того, Петръ пожелалъ, чтобы сцена, происшедшая между княземъ и часовымъ, была изображена придворнымъ художникомъ въ тотъ моментъ, когда государь отворилъ дверь. Картина эта была написана надъ дверью, у которой эта сцена произошла.

Однажды Петръ Великій, едва выѣхалъ изъ Адмиралтейства, какъ замѣтилъ матроса, который, стоя на колѣняхъ, о чемъ-то просилъ его.

— Въ чемъ дѣло?

— Богъ даровалъ мнѣ сына, а тебѣ матроса, государь,— отвѣтилъ матросъ,—удостой посѣтить его.

Государь спросилъ, далеко ли онъ живетъ.

— Близко, Ваше Величество.

— Ну, хорошо.

Петръ вышелъ изъ своей одноколки и пошелъ за матросомъ въ его избу. Родильница поднесла царю на деревянной тарелкѣ чарку анисовки и кусокъ пирога, а на столъ поставила горшокъ горячихъ щей.

Петръ выпилъ водки, предварительно поздравивъ хозяйку, и съ видимымъ удовольствіемъ съѣлъ кусокъ пирога съ морковью.

— Отвѣдай, Ваше Величество, щецъ матросскихъ,—попросила баба, низко кланяясь.

Царь взялъ ложку и принялся за щи; потомъ выпилъ стаканъ пива и, поблагодаривъ хозяевъ, уѣхалъ домой.

Бывая въ Москвѣ, Петръ часто посѣщалъ старика Полуярославцева, владѣльца шелковой фабрики. Онъ заходилъ въ ткацкія и въ другія отдѣленія, при чемъ иногда садился за станокъ и самъ ткалъ матеріи.

Однажды государь спросилъ Полуярославцева:

— А что, любезный, есть у тебя хорошее русское пиво?

— Есть, государь!

— Ну-ка, вели дать отвѣдать!

Пиво принесли. Государь выпилъ и сказалъ:

— Пиво очень хорошо, и я буду къ тебѣ заѣзжать.

Вскорѣ Петръ снова пріѣхалъ. Полуярославцева на фабрикѣ не было.

— Гдѣ хозяинъ?—спросилъ государь надсмотрщика.

— Послѣ обѣда спитъ,—отвѣтилъ надсмотрщикъ и прибавилъ, что его сейчасъ разбудятъ.

Петръ велѣлъ подать себѣ пива, а будить хозяина запретилъ, но хозяинъ скоро самъ проснулся и былъ страшно перепуганъ, узнавъ, что государь сидитъ у него въ саду. Упавъ къ ногамъ царя, старикъ со слезами просилъ прощенія, что не встрѣтилъ, какъ подобаетъ, его царское величество.

— Я, другъ мой,—сказалъ Петръ,—заѣзжалъ къ тебѣ не за тѣмъ, чтобы тебя безпокоить, такъ за что же мнѣ на тебя сердиться, когда ты, исправя свои утреннія дѣла, имѣешь нужду въ отдохновеніи?

Какъ-то кумъ и денщикъ Петра Великаго, Аѳанасій Даниловичъ Татищевъ, сильно прогнѣвилъ государя неисполненіемъ какого-то приказанія. Петръ велѣлъ наказать его батожьемъ передъ окнами дворца.

Офицеръ, которому поручено исполненіе экзекуціи, приготовилъ все, что слѣдовало, разставилъ барабанщиковъ и ждалъ только прихода виновнаго. Но Татищевъ медлилъ, разсчитывая, авось гнѣвъ государя пройдетъ. Однако дальше откладывать было уже нельзя, и онъ тихонько поплелся вокругъ дворца къ ожидавшимъ его барабанщикамъ. По дорогѣ встрѣтился ему писарь кабинета Его Величества, нѣкто Замятинъ. У Татищева вдругъ мелькнула блестящая идея подставить подъ батоги вмѣсто себя Замятина.

— Куда ты запропастился?—крикнулъ онъ, сдѣлавъ видъ, будто давно его ищетъ.

— А что?

— Государь тебя уже нѣсколько разъ спрашиваетъ и страшно гнѣвается. Въ чемъ ты провинился?

— Не знаю,—съ трепетомъ отвѣтилъ Замятинъ.

— Ну, это твое дѣло. Мнѣ велѣно только тебя найти. Пойдемъ скорѣе.

И повелъ его къ барабанщикамъ.

Государь, увидѣвъ въ окно Татищева, крикнулъ экзекуторамъ:

— Раздѣвайте!—повернулся и ушелъ во внутренніе покои, а экзекуторы остались въ недоумѣніи, кого же раздѣвать?

Татищевъ, видя ихъ замѣшательство, сказалъ, указывая на Замятина:

— Что жъ вы стали? Принимайтесь!

Бѣднягу раздѣли, положили и начали исполнять приказаніе, а Татищевъ благоразумно спрятался за угломъ.

Скоро крики наказываемаго надоѣли Петру. Выглянувъ изъ окна, онъ закричалъ:

— Полно!—и потомъ поѣхалъ въ Адмиралтейство.

А Татищевъ торопливо отправился къ супругѣ Петра, Екатеринѣ. Государыня выразила ему свое сожалѣніе по поводу наказанія и сказала:

— Какъ ты дерзокъ! Забываешь исполнять то, что приказываетъ тебѣ государь.

Татищевъ, не входя въ дальнѣйшее разсужденіе, бросился ей въ ноги.

— Помилуй, матушка-государыня! Заступи и спаси. Вѣдь сѣкли то не меня, а подъячаго Замятина.

— Какъ Замятина? — спросила государыня съ безпокойствомъ.

— Такъ, Замятина! Я, грѣшникъ, вмѣсто себя подвелъ его.

— Что ты это надѣлалъ! Вѣдь нельзя, чтобы государь твоего обмана не узналъ: онъ тебя засѣчетъ.

— О томъ-то я и молю, всемилостивѣйшая государыня! Вступись за меня и отврати гнѣвъ его.

— Да какъ это случилось?

— Вѣдь подъ батожье-то ложиться не весело,—отвѣчалъ Татищевъ, стоя на колѣняхъ, и разсказалъ все, какъ было.

Екатерина долго его журила, но обѣщала похлопотать.

Изъ Адмиралтейства Петръ возвратился очень веселый. Во время обѣда Екатерина заговорила о Татищевѣ и просила простить его.

— Дѣло ужъ кончено. Онъ наказанъ, и гнѣву моему конецъ,—сказалъ государь.

Надо замѣтить, что если Петръ говорилъ кому-нибудь: «Богъ тебя проститъ», то ужъ все забывалось, будто ничего и не было. Этихъ-то словъ и добивалась государыня.

Немного погодя, она опять попросила, чтобъ государь не гнѣвался на Татищева. Петръ промолчалъ.

Она въ третій разъ заговорила о томъ же.

— Да отвяжись, пожалуйста, отъ меня!—сказалъ, наконецъ, Петръ.—Ну, Богъ его проститъ.

Едва были произнесены эти слова, какъ Татищевъ уже обнималъ колѣна монарха, который подтвердилъ свое прощеніе. Тогда Татищевъ признался, что сѣченъ былъ не онъ, а Замятинъ, и въ заключеніе прибавилъ:

— И ничто ему, подъячему крючку!

Шутка эта, однако, не понравилась Петру.

— Я тебѣ покажу, какъ надобно поступать съ такими плутами, какъ ты!—сказалъ онъ, берясь за дубинку. Но тутъ Екатерина напомнила, что онъ уже именемъ Божіимъ простилъ виновнаго.

— Ну, быть такъ,—согласился Петръ, останавливаясь, и приказалъ разсказать какъ было дѣло.

Татищевъ чистосердечно, не утаивая ничего, все разсказалъ. Призвали Замятина и онъ подтвердилъ слова Татищева.

— Ну, братъ,—сказалъ ему Петръ,—прости меня, пожалуйста! Мнѣ тебя очень жаль, а что дѣлать? Пеняй на плута Аѳоньку. Однако жъ, я сего не забуду и зачту побои тебѣ впередъ.

Впослѣдствіи Петру пришлось сдержать свое слово. Замятинъ попался въ какомъ-то преступленіи, за которое слѣдовало жестокое наказаніе; но императоръ рѣшилъ, что, хотя подсудимый и заслуживаетъ смертной казни, но такъ какъ нѣкогда онъ невинно понесъ наказаніе, то и зачесть ему послѣднее за нынѣшнее преступленіе.

Петръ очень любилъ свой лѣтній садъ и ради него садоводство. Онъ самъ прокладывалъ аллеи, разбивалъ клумбы, выписывалъ и сажалъ цвѣты.

Все время ему хотѣлось имѣть у себя умнаго садовода, и онъ всюду искалъ его. И вотъ, будучи въ Ревелѣ въ 1718 г., онъ встрѣтилъ доктора Фохта, разговорился съ нимъ, убѣдился въ его знаніяхъ и искусствѣ и сталъ звать его въ Петербургъ. Фохтъ былъ изъ Ганновера и въ Ревель пріѣхалъ случаемъ.

Предложеніе царя его напугало, но онъ не смѣлъ прямо отказаться и сталъ отнѣкиваться, ссылаясь на оставленную имъ дома семью.

Петръ рѣшительно потребовалъ и заявилъ, что черезъ недѣлю увезетъ его съ собою. Отказываться было нельзя.

Фохтъ съ стѣсненнымъ сердцемъ поѣхалъ съ Петромъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, нашелъ приготовленный для него домикъ и въ немъ всю свою семью, которую Петръ озаботился своевременно выписать въ Петербургъ.

Съ той поры Фохтъ остался навсегда преданнымъ слугою Великаго царя.

Возбуждая въ своихъ подданныхъ любовь къ ремесламъ, Петръ облагородилъ своимъ примѣромъ тяжелые труды кузнеца.

Однажды на Исецкихъ заводахъ, въ 90-ти верстахъ отъ Москвы, онъ собственноручно выковалъ 18-ть пудовъ желѣза. Возвратясь въ Москву, царь посѣтилъ хозяина этихъ заводовъ—иностранца Миллера, и потребовалъ отъ него платы за работу. Въ то время простому рабочему платилось по алтыну отъ пуда, но смущенный Миллеръ предложилъ импе-

ратору 18 червонцевъ, говоря, что такому работнику меньше никакъ нельзя заплатить.

— Не хочу я твоихъ червонцевъ,—сказалъ Петръ:—я не лучше другихъ работалъ; подай мнѣ, что слѣдуетъ.

Получивъ деньги, Петръ тотчасъ отправился въ торговый рядъ и купилъ себѣ новые башмаки, потому что его уже едва держались на ногахъ отъ ветхости.

— Вотъ башмаки, которые я пріобрѣлъ на трудовую копѣйку, — хвалился потомъ великій императоръ, показывая обновку вельможамъ.

Петръ Великій любилъ и понималъ шутку. Нѣмецъ Моннъ, содержавшій въ Петербургѣ театръ, оповѣстилъ громадной афишей публику о необыкновенномъ представленіи, которое состоится у него перваго апрѣля. Стеченіе народа было страшное, за мѣста платили втрое, потому что театръ не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ. Наконецъ, пріѣхалъ и государь. Музыка загремѣла, занавѣсъ взвился, но, вмѣсто спектакля, передъ зрителями появился бѣлый холстъ съ надписью: «Первое апрѣля».

Царь громко расхохотался и сказалъ:

— Нечего дѣлать. Ѣдемъ по домамъ. Это ловкая шутка комедіантовъ!—и былъ этимъ очень доволенъ.

Въ день перваго апрѣля и самъ Петръ любилъ подшутить.

Такъ, однажды въ ночь на 1-ое апрѣля вдругъ раздался набатъ, громъ барабановъ, крики, и за императорскимъ садомъ разлился огонь и зарево. Весь Петербургъ поднялся на ноги. Всѣ бѣжали на страшный пожаръ, но красное зарево оказалось бенгальскимъ огнемъ, и часовые всѣмъ говорили, что сегодня «первое апрѣля». Самъ царь много смѣялся этой шуткѣ.

На Петербургской сторонѣ и въ настоящее время оберегается въ футлярѣ «домикъ Петра Великаго», при которомъ открыта еще императоромъ Николаемъ I часовня съ образомъ Нерукотвореннаго Спаса.

Выстроивъ городъ, Петръ любилъ выѣзжать навстрѣчу иностраннымъ судамъ въ качествѣ лоцмана и проводить ихъ въ Неву, нерѣдко къ самому своему дому.

Сюда онъ привелъ и первое торговое френландское судно съ товарами, послѣ чего ввелъ шкипера въ свой домикъ и угостилъ его на славу. Простодушный шкиперъ не могъ вообразить даже, что съ нимъ сидитъ самъ царь и, считая Петра за простого лоцмана, обращался съ нимъ по-товарищески.

Петръ замѣтилъ его заблужденіе и потѣшался этимъ. Угостивъ его, онъ познакомилъ шкипера и съ государыней. Тотъ подарилъ ей кругъ сыра и сказалъ, что такого она не ѣдала во всю свою жизнь.

— Благодари, Катя,—сказалъ, смѣясь, Петръ.

Расчувствовавшійся шкиперъ досталъ тогда кусокъ полотна и подарилъ его на рубашки государынѣ.

— Ну, Катя,—весело сказалъ Петръ,—теперь ты будешь нарядна, какъ царица. Вѣкъ бы тебѣ не видать такихъ рубашекъ.

Шкиперъ закивалъ головой и сталъ просить позволенія поцѣловать государыню за подарокъ.

Въ это время въ горницу вошелъ Меншиковъ, одѣтый въ богатый мундиръ съ орденами, и сталъ почтительно докладывать Петру о дѣлахъ. Шкиперъ немного смутился.

— Кто это былъ? не царь? — спросилъ онъ, когда Меншиковъ вышелъ.

— О, нѣтъ! — отвѣтилъ Петръ, — здѣсь у насъ много такихъ господъ.

— Теперь посмотри мои товары! — сказалъ шкиперъ и повелъ царя на корабль.

Въ это время къ царю подошли оберъ-полицмейстеръ и лица свиты, и только тогда шкиперъ догадался, что передъ нимъ самъ царь.

Онъ испугался своей смѣлости и упалъ на колѣна.

Петръ поднялъ его, обласкалъ, купилъ всѣ его товары и даровалъ ему привилегію ввозить товаръ въ Петербургъ безъ пошлины.

Вслѣдствіе публикаціи изъ адмиралтейской коллегіи о вызовѣ подрядчиковъ къ торгамъ для поставки матеріаловъ, необходимыхъ Адмиралтейству, явилось много подрядчиковъ; но изъ нихъ осталось только три купца, которые на перерывъ старались удержать подрядъ за собою.

Одинъ изъ нихъ объявилъ, что онъ возьметъ за трудъ свой, за очисткою расходовъ, по 10 к. на рубль; другой сказалъ, что возьметъ только по 5 к., а третій вызвался, изъ усердія и ревности къ государю, поставить подрядъ безъ барышей, въ надеждѣ, что впередъ не будетъ оставленъ.

Коллегія объ этомъ отправила докладъ государю.

Петръ написалъ на немъ:

«Отдать тому, который требуетъ за труды по гривнѣ за рубль; другому отказать, понеже пяти копѣекъ не изъ чего трудиться; а третьяго, аки плута, отдать на два мѣсяца на галеру, сказавъ ему, что государь побогаче его».

Петръ угощаетъ шкипера. (Съ рис. Дмитріева-Оренбургскаго).

Петръ Великій всегда имѣлъ при себѣ толстую камышевую трость съ слоновымъ набалдашникомъ, извѣстную подъ названіемъ «дубинки», и нерѣдко собственноручно наказывалъ ею провинившихся тутъ же, на мѣстѣ.

Разъ, проѣзжая на своей одноколкѣ по берегу Мойки съ оберъ-полицмейстеромъ графомъ Девьеромъ, царь подъѣхалъ къ мосту черезъ каналъ на островъ, называвшійся Новой Голландіей, и увидѣлъ, что изъ него взято нѣсколько досокъ. Петръ тотчасъ сошелъ съ одноколки, приказалъ денщику немедленно исправить мостъ, а тѣмъ временемъ тутъ же поколотилъ дубинкой Девьера, приговаривая:

— Смотри за своими квартальными!

Въ другой разъ онъ избилъ дубинкою своего любимаго кухмистера Фельтена.

Царь всегда ѣлъ послѣ обѣда сыръ съ масломъ. Разъ ему былъ поданъ цѣлый кругъ любимаго сыра. Сыръ ему понравился. Замѣтивъ, что ему всегда подаютъ новый сыръ, царь вынулъ изъ кармана циркуль, вымѣрилъ остатокъ сыра, записалъ у себя и велѣлъ Фельтену сыръ спрятать и подавать его, пока онъ не выйдетъ.

На другой день сыръ былъ поданъ. Государь смѣрилъ его и увидѣлъ, что половина его исчезла.

Тогда онъ позвалъ Фельтена и сказалъ ему:

— Куда дѣвалась половина сыра? Не приказывалъ я развѣ тебѣ беречь его? Ну, погоди, я тебѣ напомню.

Съ этими словами онъ всталъ и больно поучилъ Фельтена своей дубинкой.

Меншикова онъ наказалъ дубинкой, узнавъ про его взяточничество; Балакирева за неудачный отвѣтъ.

Вообще дубинка въ рукахъ Петра была всегда грознымъ орудіемъ для всѣхъ лѣнивыхъ, нерадивыхъ и провинившихся передъ царемъ.

Больное мѣсто у Петра Великаго былъ Петербургъ, его любимое дѣтище. Однажды онъ спросилъ у Балакирева, что говорятъ въ народѣ о Петербургѣ.

— Царь-государь,—отвѣтилъ Балакиревъ,—народъ говоритъ—съ одной стороны море, съ другой—горе; съ третьей стороны мохъ, съ четвертой—охъ.

— Ложись!—гнѣвно закричалъ Петръ и тутъ же отвозилъ Балакирева дубинкой, приговаривая:

— Вотъ тебѣ море, вотъ тебѣ и горе! вотъ тебѣ мохъ, вотъ тебѣ и охъ! Помни.

Разъ Меншиковъ оклеветалъ передъ Петромъ Великимъ его любимаго архитектора ле-Бланди.

Вскорѣ правда всплыла наружу. Петръ вызвалъ къ себѣ ле-Бланди съ Меншиковымъ и набросился на послѣдняго.

Клеветникъ и мошенникъ! -закричалъ Петръ.—Я тебя проучу!—и въ гнѣвѣ онъ началъ бить Меншикова, встряхивая его за воротъ кафтана.

Наконецъ, утомившись, Петръ выпустилъ Меншикова и сказалъ:

— Уфъ, не въ силахъ больше, усталъ! Теперь твоя очередь. Бей его!

Но ле-Бланди предпочелъ простить Меншикова и примириться съ нимъ.

Однажды Петръ, пріѣхавъ въ Олонцѣ къ воеводѣ, засталъ его какъ бы врасплохъ.

— Какія у тебя есть челобитныя дѣла? спросилъ онъ у воеводы.

Старикъ упалъ царю въ ноги.

— Прости, государь, никакихъ нѣтъ.

— Какъ никакихъ?

— Я, государь, никакихъ челобитныхъ не допускаю, всѣхъ челобитчиковъ мирю; а слѣдовъ ссоры въ канцеляріи не оставляю.

Петръ остался очень доволенъ.

Черезъ нѣсколько времени, узнавъ о несогласіи между членами адмиралтействъ-коллегіи, Чернышевымъ и Крейцомъ, государь вытребовалъ олонецкаго воеводу указомъ въ Петербургъ.

— Старикъ,—сказалъ ему царь,—я хочу, чтобы ты и здѣсь, какъ въ Олонцѣ, не принимая объясненій, мирилъ людей.

Петръ Великій отличался своей бережливостью, доходившей до скупости. Онъ лично на себя тратилъ доходъ съ маленькаго родоваго имѣнья подъ Москвою и былъ доволенъ, когда сталъ получать адмиральское жалованье. Башмаки его всегда были въ заплатахъ, камзолъ тоже.

Однажды Екатерина подарила ему камзолъ, весь вышитый золотыми блестками. Царь взялъ его и слегка встряхнулъ. Нѣсколько блестокъ упало на полъ.

— Смотри, Катенька,—сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки,—слуга вымететъ ихъ вмѣстѣ съ соромъ, а здѣсь съ лишкомъ дневное жалованье солдата.

---

22 іюня 1715 г. прибылъ Петръ I на галерахъ въ Гапсаль и, осмотрѣвъ городъ, черезъ Линденъ и Падисъ, направился въ Ревель. По пути объявилъ онъ дворянину Рамму, что будетъ обѣдать у него.

Дворянинъ отвѣтилъ, что не желаетъ этого посѣщенія, но Петръ, тѣмъ не менѣе, прибылъ къ нему, собственно-

ручно наказалъ его своею тростью и очень вкусно пообѣдалъ.

За ѣдой и питьемъ царь очаровалъ приглашеннаго имъ къ столу побитаго хозяина, очаровалъ настолько, что при прощаніи Раммъ просилъ подарить ему бившую его царскую трость.

VIII.

Чудесныя спасенія Петра Великаго отъ смерти.

Провидѣніе, видимо, охраняло жизнь помазанника.

Сестра Петра, царевна Софья, управляла государствомъ за малолѣтствомъ его и старшаго его брата Іоанна. Время шло, и правительница стала замѣчать, что Петръ уже тяготился второстепенной ролью. Сторонники Софіи предложили извести юнаго Петра. Софія на это согласилась. Ея ближайшій совѣтникъ, начальникъ стрѣлецкаго войска Шакловитый, составилъ заговоръ. Было рѣшено, что Шакловитый подниметъ свое стрѣлецкое войско, начнетъ въ Москвѣ бунтъ, а тѣмъ временемъ нѣсколько злодѣевъ проѣдутъ въ Преображенское, гдѣ жилъ Петръ съ женою и матерью, и тамъ убьютъ его.

Про этотъ страшный заговоръ узнали два стрѣльца, вѣрные Петру.

Наступила темная ночь съ 7 на 8 августа 1689 года. Въ Преображенскомъ было все тихо. Петръ спалъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ загремѣли засовы у воротъ, раздались тревожные голоса, и испуганные слуги разбудили Петра съ вѣстью, что пріѣхали два стрѣльца и хотятъ его видѣть.

Царь принялъ ихъ въ своей опочивальнѣ, они повалились ему въ ноги.

— Государь, спасайся! Стрѣльцы шумятъ въ Кремлѣ, а слѣдомъ за нами скачутъ злодѣи, чтобы извести тебя. Спасайся.

Петръ быстро вскочилъ, какъ былъ въ одной рубашкѣ, одѣлся уже на опушкѣ близъ лежавшаго лѣса, сѣлъ на коня и помчался въ Троицкую Лавру.

На другой день въ Лавру къ царю пріѣхали мать съ женою и ближніе бояре. Слѣдомъ за ними стали пріѣзжать бояре изъ Москвы, явился стрѣлецкій Сухаревъ полкъ съ пушками, и Петръ сразу почувствовалъ свою силу.

Бунтовщики были казнены, царевна Софья заключена въ монастырь, и вся власть перешла къ Петру.

Но царевна Софья все еще не оставляла своей мечты о власти и тайно сносилась съ стрѣлецкими начальниками, возбуждая ихъ противъ Петра.

Составился новый заговоръ на жизнь царя, когда онъ возвратился домой съ Азовскаго похода (1695 г.). На этомъ заговорѣ было рѣшено ночью поджечь слободскія избы, забить въ набатъ и, когда царь прискачетъ на пожаръ, что онъ дѣлалъ всегда, то въ общей суматохѣ убить его.

Назначена была ночь. Ровно въ 12 часовъ рѣшено было ударить въ набатъ и одновременно сдѣлать пожаръ.

И опять два преданныхъ Петру человѣка узнали про этотъ заговоръ и опрометью бросились предупредить царя. Онъ въ это время былъ въ Нѣмецкой слободѣ у гостепріим-

Петръ въ домѣ Циклера.

наго Гордона и игралъ съ нимъ въ шахматы. Слуги вызвали царя въ сѣни и повѣдали о заговорѣ.

Молніей сверкнули глаза юнаго Петра, и онъ спросилъ, кто заговорщики.

Ему назвали. Во главѣ стояли Циклеръ и Соковнинъ, оба стрѣлецкіе начальники.

— Гдѣ собрались?

— У Циклера въ домѣ. Тамъ ждутъ набата.

— Ужо имъ!—грозно сказалъ Петръ и тотчасъ позвалъ офицера своего потѣшнаго, но уже бывшаго въ бою, Преображенскаго полка.

— Возьми 20 солдатъ и спѣшно иди въ стрѣлецкую слободу въ домъ полковника Циклера. Чтобы въ три четверти

двѣнадцатаго былъ на мѣстѣ. Войдешь,—всѣхъ вяжи. Никого не выпусти!

Офицеръ ушелъ. Царь, кипя негодованіемъ и нетерпѣніемъ, вскочилъ на коня и помчался въ слободу, не думая объ опасности, прямо въ домъ заговорщика.

Въ ту пору Петру уже шелъ 23-й годъ. Царь былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ физическихъ силъ.

Заговорщики сидѣли за длиннымъ столомъ въ домѣ Циклера и, въ ожиданіи условнаго набата, пили вино и ѣли.

Вдругъ раздался стукъ, распахнулась дверь, и на порогѣ показалась могучая фигура Петра. Заговорщики смутились, самъ Циклеръ растерялся, но царь весело и безпечно сказалъ:

Полтавскій бой.

— Не обезсудь! Проѣзжалъ мимо, вижу—огонь у тебя. Думаю, дай заѣду. А у тебя пированье!

Циклеръ оправился. Онъ низко поклонился царю и униженно сказалъ:

— Благодарю на великой чести, государь! будь ласковъ, осчастливь насъ и пригубь чарку меда или вина.

— Добро!—отвѣтилъ царь и, сдвинувъ дубовый столъ, сѣлъ на скамью въ уголъ такъ, что всѣ остальные оказались по другую сторону стола.

Циклеръ поставилъ передъ царемъ кубокъ и сулею, наливъ кубокъ цѣннымъ виномъ.

Царь поднялъ кубокъ.

— Здравствуй тотъ, кто любитъ Бога, меня и отечество!—сказалъ онъ свою обычную здравицу и отхлебнулъ вина.

Сидѣвшіе встали, поклонились и выпили тоже.

Наступило неловкое молчаніе.

Царь говорилъ, стараясь казаться безпечнымъ, но самъ хозяинъ и его гости плохо поддерживали бесѣду.

Становилось все тяжелѣе.

Словно гроза скоплялась въ воздухѣ.

Царь нетерпѣливо взглядывалъ на дверь, но офицера съ солдатами не появлялось.

Время шло. Заговорщики захмѣлѣли и стали перешептываться, зловѣще взглядывая на Петра.

Царь старался казаться спокойнымъ, но уже кровь бушевала въ немъ.

Соковнинъ наклонился къ Циклеру и шепнулъ, хватаясь за поясной ножъ:

— Пора!

— Рано еще,—сказалъ Циклеръ.

Ихъ шопотъ донесся до слуха Петра, и онъ вдругъ вскипѣлъ, потерявъ благоразуміе и спокойствіе.

— Вамъ рано, а мнѣ пора! Что задумали?—вдругъ загремѣлъ его голосъ. Могучимъ движеніемъ онъ двинулъ дубовый столъ и разомъ опрокинулъ всѣхъ сидящихъ, самъ выпрямляясь во весь гигантскій ростъ.

Испуганные и обозленные злодѣи вскочили на ноги и, схвативъ ножи, бросились на царя.

Вдругъ растворилась дверь, и въ горницу ворвались солдаты. Заговорщики въ ужасѣ упали на колѣна и были тотчасъ же арестованы.

Также чудесно охранялась его жизнь во время знаменитаго полтавскаго боя. Петръ рвался въ бой. Солдатамъ онъ сказалъ: «А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога. Была бы счастлива Россія!» И онъ на дѣлѣ показалъ, что слава и счастье родины для него дороже жизни. Вездѣ, гдѣ разгорался бой, гдѣ надо было ободрить сражающихся, Петръ былъ впереди на своемъ конѣ въ треугольной шляпѣ.

И одна непріятельская пуля ударилась въ эту шляпу надъ самымъ лбомъ Петра и пробила шляпу.

Царь только перекрестился.

Вторая пуля ударилась, пробила и засѣла въ сѣдлѣ у самой ноги Петра.

Засвистѣла третья пуля и ударила прямо въ грудь царя. Но тамъ висѣлъ складень, и пуля отскочила прочь, не причинивъ Петру никакого вреда.

И шляпа, и сѣдло, и складень хранятся, какъ святыни, у насъ въ Эрмитажѣ, въ Петровской галлереѣ.

Это чудесное спасеніе отъ трехъ вражескихъ пуль обратилось въ священное преданіе русскаго солдата и запечатлѣно въ извѣстной солдатской пѣснѣ, которую, вѣроятно, каждый знаетъ: «Было дѣло подъ Полтавой...»

IX.

Народныя сказанія (легенды) о Петрѣ Великомъ.

1.

О пребываніи императора Петра I въ Святозерѣ.

Проѣздомъ отъ марціальныхъ водъ, Петръ Великій остановился однажды въ Святозерѣ на обывательской станціи для перемѣны лошадей.

Милостиво бесѣдуя съ народомъ, онъ посмотрѣлъ на маленькій островокъ на озерѣ, вблизи селенія Святозерскаго.

— Отчего на островѣ сохранился довольно высокій лѣсъ, а въ окружности такого нѣтъ? — полюбопытствовалъ государь.

— Оттого,—отвѣтилъ кто-то изъ старожилъ,—что островъ этотъ святой, и кто повредитъ хотя одно дерево на немъ, того Богъ можетъ наказать болѣзнью.

Петръ рѣшился побывать на островѣ и осмотрѣть лѣсъ. Тамъ онъ нашелъ часовенку и, помолившись въ ней, взялъ топоръ и началъ рубить одну вѣковую ель, которая оказалась весьма крѣпкою и мало поддавалась лезвію топора.

Усердно работая, Петръ до того утомился, что руки отказались служить и въ головѣ зашумѣло. Пришлось оставить дѣло недоконченнымъ.

— Правда, что островъ этотъ святой. Меня работа утомила до изнеможенія,—сказалъ царь.

Оста́вляя островъ, онъ далъ обѣтъ построить на мѣстѣ часовни церковь, но скорая смерть помѣшала исполнить обѣщаніе. Въ честь посѣщенія Петромъ острова и часовни, Святозеры ежегодно празднуютъ память св. апостоловъ Петра и Павла 29-го іюня.

2.

О „Лисьей Головѣ“.

Дѣло тутъ не простое. Въ старинные годы въ томъ мѣстѣ, сказываютъ, былъ царь Петръ... такъ отъ него дѣло пошло. Деревни-то Подпорожья раньше царя Петра у порога не было, а по его царскому приказанію ужъ послѣ народъ-то выселенъ былъ изъ Боровицъ, отколь ходятъ все пастухи, съ пороговъ Боровицкихъ, чтобы на томъ мѣстѣ лоцманы были всегда наготовѣ, — а была только деревня

Важени. Ѣхалъ по Свири Петръ этотъ на судахъ, только суда были большія, и доѣхалъ онъ до порога Лисьей Головки, а тутъ были уже лошади приготовлены для тяги. Потянули первое судно, а оно на камень, да только какъ дѣло противъ воды было, то вреду не сдѣлало. Тутъ доложили царю, что кабы не камень, такъ простору бы больше было и ходъ бы чистой былъ. Его царская милость самъ осмотрѣлъ камень и задумалъ поднять и отвалить въ сторону...

Съ помощью самыхъ немногосложныхъ инструментовъ и снастей, подъ личнымъ наблюденіемъ государя, сдѣланы были подъ камень закладки, и онъ былъ поднятъ изъ воды. Оставалось подвести подкладки, и камень былъ бы на помосткахъ, но дѣло испортилъ старикъ крестьянинъ изъ деревни Важины, которому поручено было положить подъ камни балки. Старикъ оплошалъ, камень сорвался съ веревокъ и снова упалъ въ воду. Петръ замѣтилъ оплошность старика и въ гнѣвѣ изволилъ обозвать его «*лысой головой*». — Съ той поры и мужика звали лысой головой, да и порогъ стали называть «Лысой головой»; а что теперь-то зовутъ «Лисьей Головой» — такъ это ужъ по забытью народъ перемѣнилъ.

Теперь этотъ порогъ называютъ просто «Головкой».

3.

О встрѣчѣ Петра I со шведами на Ладожскомъ озерѣ.

Досюль, — еще насъ на свѣтѣ не было, да и дѣды дѣдовъ нашихъ не были, да на свѣтѣ не жили, а и народа то на землѣ была малость-мальская, — цари въ ту поръ дѣлили межъ собой свои владѣнія. Въ ты-то поры давнія наше мѣсто (при устьѣ Свири) ни завѣдомо было ни царемъ, ни бояриномъ, ни лихимъ человѣкомъ удалымъ, а въ лѣсу звѣря разводилося: что ни кустъ — лисица съ куницею, что ни пень — медвѣдь съ волчищемъ. А и рыбы наплодилося — хошъ рукой имай, аль карцомъ (ковшемъ) черпай. Полюбилось то наше мѣсто привольное царю свейскому (шведскому). А и Петръ, русской царь, запримѣтилъ, что ручьи у насъ глубокіе, рѣки — долгія-широкія, а морямъ и нѣтъ конца, да и жить у воды способнѣе, снарядился самъ на поиски на своей лодкѣ, крашеной, серебромъ порaскладеной, золотымъ рулемъ приправленой, съ боярами да вельможами. А свейскій-то царь заспѣсивился — не поѣхалъ самъ, а послалъ за себя начальниковъ въ полонъ забрать ему воду съ рыбою и лѣсъ со звѣремъ всякимъ, чтобы владѣть ему во вѣки.

Ѣдетъ-катитъ Петръ-царь на поиски по морю Ладожскому на лодкѣ съ боярами да вельможами, а и самъ сидитъ

Петръ I въ ратныхъ доспѣхахъ, держащій въ рукахъ мечъ съ надписью: „Упою мечъ мой въ крове ихъ—нечестныхъ шведовъ“.

въ кормѣ, золотымъ рулемъ поворачиваетъ, а навстрѣчу ему какъ разъ и есть супостатъ въ лодкахъ писаныхъ, съ шелковой покрышкой алою.

Не ясенъ соколъ налетѣлъ на лебедь бѣлую, не лебедь смутилъ воду синюю: то летятъ—воду рябятъ лодки свейскія на цареву лодку крѣпкую, съ шумомъ, съ свистомъ порываючись; въ мелкой черень искрошить хотятъ цареву лодку дубовую. Не стерпѣлъ тутъ русскій царь, понасупился, очи ясныя поразсвѣтились и румянецъ сталъ во всю щеку; а и крикнетъ онъ бояръ-вельможамъ своимъ:

— Поубавить что ль спѣси у свейскаго царя?! силой ли сгубить ихъ, или пустить съ бѣлымъ валомъ пучинистымъ?

Промолвили тутъ бояра:

— А и что, царь, брать грѣха на душу, хоть и не крещеную да человѣческую; а пусть они умрутъ отъ вѣтра, сивера да валовъ разсыпчатыхъ.

Лишь промолвили бояре, какъ туточка взялъ царь отвязалъ отъ ремня золотой рожокъ, протрубилъ на всѣ стороны громкимъ голосомъ... разносился голосъ по морямъ далекимъ, по водамъ темнымъ. Становилась вдругъ темень Божія, собирались вѣтры въ тучу густую, расходилися воды ярыя — валъ вала подталкиваетъ, гребни вѣтры имъ подтягиваютъ. Налетѣлъ вѣтеръ, посрывалъ покровы алые, побросалъ плоды по морю, а тутъ нагнала ихъ вода ярая — валъ живой горой идетъ, тянется, бѣлымъ гребнемъ отливается. Подошелъ тутъ первый валъ, приподнялъ стоймя лодки свейскія, а второй валъ понакренилъ ихъ, а и третій— ужъ какъ тутъ и былъ—захлеснулъ на вѣкъ начальниковъ. Разступилась вода надвое, ушли камнемъ въ тонь глубокую души грѣшныя, некрещеныя.

Съ той поры давней на Ладожскомъ по кажинный годъ на томъ мѣстѣ тонетъ человѣкъ — душа крещеная: собираютъ то силу усопшіе на войну съ Петромъ царемъ.

4.

О взятіи Орѣшка.

Долго и безуспѣшно осаждали русскія войска сильную крѣпость Орѣшекъ. Царь Петръ употреблялъ всѣ способы, чтобы поскорѣй овладѣть твердыней, но шведы оборонялись весьма мужественно. Ни одинъ приступъ царскихъ войскъ не былъ удаченъ. Много русскихъ было перебито, а переранено и не счесть сколько.

Царь собралъ совѣтъ. Порѣшили усилить канонаду, направляя орудія преимущественно въ одинъ пунктъ, чтобы разбить стѣны и потомъ въ образовавшуюся брешь направить штурмующія колонны.

Нѣсколько дней стрѣляли безпрерывно. Наконецъ съ батарей донесли, что стѣна разрушена. Русскіе возликовали и, такъ какъ дѣло было къ вечеру, рѣшили на слѣдующее утро напасть на крѣпость. Рано поутру Петръ съ другими военачальниками поднялся на холмъ, взглянулъ на бреши и былъ пораженъ, увидѣвъ, что разбитыя стѣны стоятъ какъ ни въ чемъ не бывало, даже будто новѣе стали.

Разгнѣвался царь ужасно и хотѣлъ было всѣхъ плѣнныхъ шведовъ предать лютой казни, но тутъ одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ и вызвался объяснить, въ чемъ дѣло.

— Ваше Величество,—сказалъ онъ,—русскія войска уже не разъ разрушали стѣны крѣпости, но мои соотечественники пускались на хитрость. За ночь они сшивали рогожи, красили подъ цвѣтъ камня и закрывали ими проломы въ стѣнѣ. Издали казалось, будто и впрямь новая стѣна выведена...

— Хорошо же, — возразилъ Петръ, — мы перехитримъ шведовъ.

Царь приказалъ плѣнныхъ отвести обратно въ мѣсто, гдѣ они содержались, а войскамъ надѣлать побольше чучелъ изъ соломы, одѣть ихъ въ солдатскую форму и размѣстить на плотахъ. Управлять плотами назначили нѣсколько человѣкъ охотниковъ.

Незадолго до полудня плоты двинулись по Невѣ къ крѣпости. Шведы открыли по нимъ огонь. Множество плотовъ было разбито калеными ядрами, но уцѣлѣвшіе подвигались все впередъ и впередъ. Ужасъ охватилъ мужественный гарнизонъ, при видѣ надвигавшихся русскихъ солдатъ, безстрашно идущихъ подъ градомъ свинца.

Плоты приблизились... Обезумѣвшіе отъ страха шведы поспѣшили вынести ключи и сдаться на полную волю царя. Въ то время, какъ городскія власти изъявляли русскому государю свою покорность, на крѣпостной башнѣ пробило полдень. Петръ снялъ шляпу и перекрестился.

5.

О взятіи Риги.

Рига долго не сдавалась русскому царю Петру Алексѣевичу.

Солдатъ, стоявшій на караулѣ, замѣтилъ, что по ночамъ «заклятая» королева поднималась на высокую башню кирки, садилась на шпицъ и оттуда осматривала войска. Дочь этой королевы знала, какимъ образомъ русскіе могутъ взять Ригу; и однажды, когда Петръ поѣхалъ къ ней, она въ своемъ разговорѣ съ нимъ замѣтила ему:

— Никогда вамъ не взять Риги...

— Почему?—спросилъ Петръ.

— Потому, что ее можетъ взять только одинъ солдатъ, находящiйся въ вашей армiи... Онъ знаетъ этотъ секретъ.

— А! если такъ, то я отыщу этого солдата и возьму Ригу.

Царевна промолчала.

Петръ вернулся къ войскамъ и, приказавъ выстроиться имъ, сказалъ:

— Между вами есть одинъ солдатъ, которому извѣстенъ секретъ, какъ взять Ригу... Кто этотъ солдатъ? Впередъ!..

Изъ рядовъ вышелъ солдатъ.

Взятiе г. Риги. Присяга рижанъ передъ фельдмаршаломъ Шереметевымъ, на площади передъ Ратушею въ iюлѣ 1710 г. (Съ карт. Коцебу).

— Ты что ли знаешь, какъ взять Ригу?—спросилъ Петръ.

— Я, Ваше Величество!—отвѣчалъ тотъ.

— Какимъ образомъ?

— Очень легко... Но послѣ взятiя я тотчасъ долженъ умереть.

— Если ты возьмешь и затѣмъ умрешь, то я велю тебя похоронить со всѣми воинскими почестями, на вѣкъ обезпечу твою семью, и твое имя не забудется въ исторiи.

— Радъ стараться, Ваше Величество!

— Но какъ ты можешь взять Ригу?

Солдатъ разсказалъ, что Ригу охраняетъ заклятая королева, которую не возьметъ никакая пуля, и что въ королеву нужно стрѣлять мѣдною пуговицей отъ царскаго мундира.

Петръ оторвалъ пуговицу отъ мундира и сказалъ:

— Если эта пуговица возьметъ Ригу, то я велю тебѣ сшить новый мундиръ и въ немъ похороню.

Солдатъ сталъ на часы въ извѣстное время ночи и когда увидѣлъ, что королева поднялась на шпицъ, выстрѣлилъ въ нее пуговицей и сбилъ со шпица; королева съ шумомъ упала въ Двину. Послѣ этого Рига была взята, а солдатъ умеръ и похороненъ, какъ обѣщалъ Петръ.

6.

О купцѣ Иголкинѣ.

Во время великой сѣверной войны противникъ Петра I Карлъ XII приказалъ задержать всѣхъ русскихъ, находившихся въ предѣлахъ его государства.

Въ числѣ захваченныхъ былъ новгородскій купецъ Иголкинъ. Почти десять лѣтъ протомился онъ въ шведской тюрьмѣ вмѣстѣ съ другими узниками. Однажды, послѣ побѣды, одержанной подъ Полтавой царемъ Петромъ надъ Карломъ XII, Иголкинъ услыхалъ, что стоявшіе на часахъ два шведскихъ солдата бранятъ и поносятъ русскаго царя. На просьбу Иголкина не оскорблять великаго государя—солдаты отвѣчали насмѣшками и удвоенной бранью.

Иголкинъ позвалъ унтера-офицера и просилъ остановить дерзкихъ часовыхъ. Унтеръ-офицеръ пожалъ плечами, посмѣялся и ушелъ, очевидно, не желая исполнить просьбу заключеннаго. Возмущенный Иголкинъ набросился на часовыхъ, отнялъ у одного изъ нихъ ружье и закололъ обоихъ, прежде нежели тѣ успѣли принять мѣры къ самозащитѣ.

На крикъ солдатъ прибѣжалъ караульный офицеръ съ командою, сковалъ Иголкина, который нисколько тому не противился, и донесъ о происшествіи по начальству.

— Какъ ты посмѣлъ убить часовыхъ? — спросили Иголкина на допросѣ.

— Я, какъ вѣрный подданный своего государя, обязанъ закономъ Божіимъ, гражданскимъ и присягою пролить за его честь послѣднюю каплю своей крови. Слыша имя его ругаемое, я увѣщевалъ солдатъ уняться, но они презрѣли это; я позвалъ унтеръ-офицера, жаловался ему на нихъ, но и онъ, вмѣсто удовлетворенія, только смѣялся надо мною, часовые еще больше стали поносить великую особу помазанника Божія. Что мнѣ оставалось дѣлать?—я долженъ былъ или отомстить смертью ругателямъ или пролить свою кровь. Правосудный Богъ помогъ мнѣ наказать дерзкихъ оскорбителей; теперь моя участь въ вашихъ рукахъ —

дѣлайте, что вамъ угодно, а я исполнилъ мой долгъ, презираю все и безъ страха готовъ умереть за честь моего государя.

Простая, но сильная рѣчь русскаго купца поразила судей до того, что они не рѣшились произнести приговора и донесли обо всемъ королю. Карлъ XII, великодушный по природѣ, выслушавъ донесеніе судей, воскликнулъ:

— Въ такомъ грубомъ народѣ такой великій духъ!

Онъ пожелалъ видѣть Иголкина, долго съ нимъ бесѣдовалъ и, наконецъ, объявилъ, что даетъ ему полную свободу. Въ письмѣ къ царю шведскій король подробно описывалъ подвигъ русскаго героя и поздравлялъ государя съ такими подданными.

Иголкина вмѣстѣ съ письмомъ представили Петру I-му. Царь не могъ отъ волненія дочитать письма шведскаго короля и со слезами на глазахъ обнялъ Иголкина, говоря:

— Вотъ образецъ вѣрности!

Желая наградить его, государь сказалъ:

— Проси у меня, другъ мой, что тебѣ угодно, я все тебѣ обѣщаю!

Иголкинъ отвѣчалъ:

— У меня, надежда государь, по милости Божіей и твоей, столько еще осталось въ Новгородѣ дохода, что я могу прожить остатокъ моихъ дней безъ нужды, и потому мнѣ нечего больше желать, какъ только носить на себѣ твою монаршую милость.

Петръ настаивалъ, говоря, что онъ не будетъ покоенъ, если не наградитъ его, и требовалъ, чтобы Иголкинъ непремѣнно объявилъ какое-нибудь желаніе.

— Когда такъ это тебѣ угодно, то повели, — сказалъ старикъ, — отдать мнѣ кабакъ, находящійся въ Новгородѣ, близъ моего дома.

Государь улыбнулся и отвѣтилъ:

— Если бы ты попросилъ у меня и весь Новгородъ, я бы не могъ тебѣ отказать.

Иголкину выдали значительную сумму денегъ и отпустили домой.

Съ тѣхъ поръ Петръ не звалъ его иначе, какъ *дѣдушкою*, и, бывая въ Новгородѣ, непремѣнно навѣщалъ его.

Однажды царь увидѣлъ у старика Иголкина двадцатилѣтняго внука.

— Дѣдушка, отдай мнѣ внука! — попросилъ государь. — Я запишу его въ мой полкъ, и мѣсяца черезъ три сдѣлаю офицеромъ, а потомъ постараюсь о его счастьѣ.

— Нѣтъ, государь, не могу я съ нимъ на старости разлучиться. У меня только и радости, что онъ, да и дѣлами моими безъ него управлять некому.

Купецъ Иголкинъ.

Петръ настаивалъ.

— У тебя, государь, и кромѣ того, чтобы помнить о моемъ внукѣ, безчисленное множество дѣлъ и заботъ, а потому легко станется, что ты про него и забудешь,—упорствовалъ старикъ.

— Нѣтъ, дѣдушка, я никогда заслугъ не забываю, — возразилъ Петръ.

Старикъ Иголкинъ согласился, и скоро его внукъ былъ записанъ въ солдаты Преображенскаго полка.

Прошло три мѣсяца, прошло пять, а внукъ Иголкина никакого повышенія не получалъ. Царь, занятый важными дѣлами, забылъ про него. Огорченный дѣдъ написалъ внуку, чтобы онъ, съ разрѣшенія начальства, или даже безъ всякаго разрѣшенія, обязательно вернулся домой. Внукъ повиновался. Спустя нѣсколько дней Иголкинъ отправился въ Петербургъ вмѣстѣ съ внукомъ и написалъ въ Сенатъ челобитную на полковника преображенскаго полка *Петра Михайловича* (Петръ Великій). Съ этой челобитной, въ которой обстоятельно излагалось все дѣло, обиженный старикъ явился въ Сенатъ, какъ разъ въ то время, когда тамъ присутствовалъ государь.

Челобитную не приняли, объяснивъ подателю, что преображенскій полковникъ Петръ Михайловъ и государь одно и то же лицо и что на царя жалоба принята быть не можетъ. Но старый Иголкинъ этимъ объясненіемъ не удовлетворился и поднялъ шумъ, который достигъ царскаго слуха.

— Что тамъ такое?—спросилъ Петръ.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, государь приказалъ принять челобитную, а подателя ввести въ конференцъ-залу.

Иголкинъ вошелъ, низко поклонился присутствующимъ вельможамъ, а на царя даже не взглянулъ. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, знавшій Иголкина еще въ плѣну, обратился къ нему со слѣдующими словами:

— Старинушка! государь признается, что виноватъ передъ тобою: помирись съ нимъ.

— Какая мнѣ польза въ его признаніи,—отвѣчалъ Иголкинъ со слезами,— когда мой внукъ еще и по сю пору солдатомъ.

Тогда самъ государь поднялся съ мѣста, подошелъ къ нему и съ чувствомъ сказалъ:

— Я виноватъ, забылъ свое обѣщаніе; но какъ внуку твоему уже два мѣсяца назадъ надо было быть прапорщикомъ, то теперь, за мою вину, жалую его подпоручикомъ; помиримся!

Старикъ зарыдалъ отъ радости и воскликнулъ:

— Когда такъ, государь, я не истецъ. Богъ тебя проститъ.

Петръ обнялъ его, поцѣловалъ, а потомъ привезъ во дворецъ къ государынѣ, которой разсказалъ все происшествіе. Иголкинъ удостоился приглашенія обѣдать за царскимъ столомъ, а внукъ его въ чинѣ подпоручика получилъ отпускъ въ Новгородъ до тѣхъ поръ, пока дѣдъ не захочетъ съ нимъ разстаться.

7.

Разсказъ про плотника Щитова.

Однажды Петръ въ сопровожденіи Меншикова посѣтилъ частную верфь, на которой работалъ молодой парень Петръ Щитовъ. Разговаривая съ Меншиковымъ, Петръ въ то же время не спускалъ глазъ со Щитова, который въ это время приколачивалъ деревянную обшивку къ уже готовому шхерботу. Дѣло въ томъ, что Щитовъ вколачивалъ гвозди особеннымъ, какимъ-то молодецкимъ образомъ, а именно, наставивъ гвоздь на намѣченное мѣсто, молодой плотникъ слегка ударялъ молоткомъ по головкѣ гвоздя, и затѣмъ уже сильнымъ ударомъ всаживалъ гвоздь до самаго основанія. Все это Щитовъ продѣлывалъ съ такой быстротой и ловкостью, что не могъ, конечно, не обратить на себя вниманія царя, который самъ былъ недюжиннымъ мастеромъ.

Прошла ровно недѣля. Рано утромъ, лишь только плотники принялись за работу, на верфь неожиданно явился Петръ Великій. Подойдя къ Щитову, который, какъ и на прошлой недѣлѣ, «обшивалъ» судно, царь молча взялъ у него молотокъ и гвозди и принялся вколачивать гвозди съ одного удара. Плотники, прекративъ работу, съ удивленіемъ смотрѣли на Петра, который съ необычайной быстротой всаживалъ гвоздь за гвоздемъ. Всадивъ такимъ образомъ нѣсколько десятковъ гвоздей, царь выпрямился во весь свой гигантскій ростъ и промолвилъ, обращаясь къ Щитову:

— Спасибо, братъ, за науку; это я у тебя научился такъ гвозди вбивать.

— Царь - батюшка, — заговорилъ тутъ Щитовъ, — ужъ ежели твоя царская милость такъ велика ко мнѣ есть, то прикажи меня не казнить, а миловать.

И молодой плотникъ вдругъ упалъ къ ногамъ царя.

Петръ крайне изумился такому поступку, успокоилъ парня и сталъ его распрашивать. Оказалось, что Щитова, какъ и многихъ другихъ плотниковъ, купили у помѣщика за 20 руб. и, согласно волѣ царя, пригнали въ Петербургъ, при чемъ никто не счелъ нужнымъ справиться, есть ли у него родня или какія-нибудь другія привязанности. А у парня на родинѣ осталась невѣста Анисья, которую онъ любилъ безъ памяти.

— Такъ что же ты хочешь? — спросилъ царь, выслушавъ парня.

— Царь-батюшка, прикажи Анисью сюда представить.

— Ладно,—промолвилъ царь, и оставилъ верфь.

Черезъ два мѣсяца, по приказанію Петра, Анисья была доставлена на Охту и повѣнчана съ Петромъ Щитовымъ.

X.

Екатерина I Алексѣевна.

(Род. 6 апр. 1684 г. Вст. на пр. 28 янв. 1725 г. Ум. 6 мая 1727 г.).

Екатерина I, которую Петръ всегда величалъ «душа Катенька», была совершенно подстать своему царственному супругу. Она была очень крупнаго роста и, какъ Петръ, громадной силы. Такъ, она одной рукой подымала за конецъ скипетръ, который обыкновенный мужчина подымалъ двумя руками.

Съ открытымъ свѣтлымъ лицомъ, съ пышными бѣлокурыми волосами, свѣтлыми голубыми глазами, Екатерина являлась типомъ сѣверной красавицы. При этомъ она была веселаго, добродушнаго характера, мужественная и умная женщина.

Съ Петромъ она почти не разставалась, сопровождая его и за границу, и въ походъ. Послѣ кончины своего великаго супруга она въ своемъ горѣ была неутѣшна.

Сдѣлавшись императрицею, она стремилась слѣдовать завѣтамъ Петра и въ дѣлахъ правленія цѣликомъ довѣрилась Меншикову.

Царствованіе ея продолжалось всего 2 года. Все свое время она проводила въ комнатахъ, избѣгая всякихъ торжественныхъ выходовъ. Она была очень суевѣрна и передъ кончиною, увидавъ во снѣ Петра, рѣшила, что онъ зоветъ ее къ себѣ.

Карлъ XII шведскій король бѣжалъ послѣ Полтавской битвы вмѣстѣ съ Малороссійскимъ гетманомъ къ турецкому султану и успѣлъ уговорить его объявить войну Россіи (1711 г.). Петръ былъ огорченъ этимъ вызовомъ, но христіане, находившіеся подъ турецкимъ игомъ, увидали въ Петрѣ своего освободителя и прислали ему сказать, что всѣ придутъ на помощь его войскамъ. Царь ободрился и выступилъ въ походъ съ арміей въ 40.000. Преданная Екатерина сопровождала Петра, дѣля всѣ трудности похода. Походъ оказался неудачнымъ. Петръ хотѣлъ на Дунаѣ соединиться со славянами, но опоздалъ, и огромная турецкая армія уже успѣла занять придунайскія области. Петръ остановился у Прута и былъ окруженъ турками, въ арміи которыхъ находилось 200.000 человѣкъ. Начались бои. Русскіе отражали всѣ нападенія, но бои были слишкомъ неравны и къ тому же наступалъ голодъ. Въ первый разъ въ жизни Петръ пришелъ въ уныніе. Было очевидно, что готовится гибель и ему и войску. Царь сидѣлъ у себя въ палаткѣ, мрачно опустивъ голову, какъ вдругъ распахнулись полы палатки и вошла Екатерина.

Императрица Екатерина I Алексѣевна, супруга Петра Великаго.
(Съ гравюры Штенглина).

— Не грусти, Петръ Алексѣевичъ, — сказала она,—бѣдѣ еще можно пособить.

— Какъ и чѣмъ,—отвѣтилъ Петръ,—сама знаешь, сила солому ломитъ, а тутъ ко всему и голодъ.

— Слушай,—сказала Екатерина, — великій визирь корыстенъ. Онъ все сдѣлаетъ, если подарить его.

— Чѣмъ подарить? у меня нѣтъ казны.

— Возьми отъ меня. Вотъ все, что ты мнѣ дарилъ. Пошли ему, и онъ станетъ сговорчивымъ!—и съ этими словами она подала Петру ларецъ, въ которомъ лежали всѣ ея драгоцѣнные уборы и украшенія на много тысячъ рублей.

Царь просвѣтлѣлъ.

— Но ты, Катенька?..

Она улыбнулась:

— Я сохраню лучшую свою драгоцѣнность: тебя!

Царь крѣпко расцѣловалъ ее.

На другое утро онъ послалъ въ турецкій лагерь Шафирова, и тотъ подкупомъ успѣлъ склонить визиря на переговоры. За миръ и свободный пропускъ войскъ Петру пришлось возвратить туркамъ Азовъ и другіе завоеванные у нихъ города.

Такъ были спасены наши войска великодушной жертвой Екатерины и ея догадливостью.

XI.

Петръ II Алексѣевичъ.

(Род. 12 окт. 1715 г. Вст. на пр. 7 мая 1727 г. Ум. 19 янв. 1730 г.).

Сынъ царевича Алексѣя Петровича и супруги его Шарлоты Вольфенбюттельской, юный Петръ былъ живой, здоровый и веселый мальчикъ.

12-тилѣтній императоръ своимъ физическимъ складомъ напоминалъ своего дѣда, Петра Великаго. Онъ былъ рослымъ, широкимъ не по годамъ, былъ очень силенъ, быстръ умомъ и проявлялъ уже такую рѣшительность, что всесильный Меншиковъ не могъ удержать его въ своей власти и поплатился жестокою ссылкою за свои честолюбивые планы.

Петръ II былъ свѣтлый блондинъ съ голубыми глазами и, хотя лицомъ и не былъ похожъ на Петра Великаго, но всѣми манерами ярко напоминалъ его.

Народъ и общество возлагали на него большія надежды, но внезапная смерть отъ оспы пресѣкла молодую жизнь императора.

Вступивъ на престолъ 12-ти лѣтъ, Петръ, очевидно, не успѣлъ еще закончить своего образованія, и верховный совѣтъ съ Меншиковымъ во главѣ рѣшилъ, что юный царь долженъ возможно скорѣе пройти весь курсъ наукъ. Помимо иностранныхъ языковъ, Петръ долженъ былъ пройти обширные курсы исторіи, географіи, военныхъ наукъ и, кромѣ того, рядъ практическихъ наукъ, какъ: стратегія и занятія искусствами.

Петръ II, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.

Онъ учился и танцамъ, и музыкѣ, фехтованію и даже игрѣ на бильярдѣ. Весь день Петра былъ почти сплошь занятъ. Онъ вставалъ въ 7 часовъ утра и тотчасъ начиналъ заниматься науками до 5 часовъ вечера съ перерывами отъ 10 до 11-ти, когда онъ игралъ въ воланы, и отъ 12 до 2 часовъ, когда онъ обѣдалъ. Затѣмъ отъ 5 до 6 час. онъ отдыхалъ, а слѣдующій часъ посвящалъ обязательнымъ развлеченіямъ или танцамъ, или музыкѣ, или игрѣ на бильярдѣ. Такъ продолжалось первое полугодіе. Въ слѣдующія полугодія занятія были увеличены. Поздно вечеромъ Петръ долженъ былъ читать еще божественное Писаніе и слушать урокъ закона Божія, послѣ чего читалъ вечернія молитвы. Такъ продолжалась ежедневная жизнь Петра II, пока не палъ Меншиковъ и юнымъ императоромъ не завладѣли Долгорукіе.

Чтобы завладѣть Петромъ, Долгорукіе увлекли пылкаго юношу охотой. Первое время онъ предавался ей со всѣмъ увлеченіемъ, постоянно уѣзжалъ изъ Москвы въ Измайлово, а иногда и въ Тулу. У него было 620 борзыхъ и гончихъ. Въ одномъ октябрѣ 1729 г. было затравлено 4.000 зайцевъ, 50 лисицъ, 5 волковъ и 3 медвѣдя. Петръ совершенно забросилъ и ученіе и государственныя дѣла. Но вдругъ онъ понялъ, какъ губитъ свое время; сразу распустилъ всѣхъ своихъ собакъ и оставилъ охоту. Онъ уже возвращался на прежній путь благоразумія, какъ внезапная смерть настигла его и пресѣкла молодую жизнь.

Однажды послѣ одной охоты всѣ придворные наперерывъ стали хвалить ловкость и удачу Петра на охотѣ.

Одинъ изъ придворныхъ сказалъ:

— Ваши чудныя собаки не бѣжали, а летѣли, слыша голосъ своего повелителя.

— Мои собаки мнѣ послушны,—вдругъ произнесъ Петръ,— не знаю только, какъ укротить мнѣ четырехъ двуногихъ собакъ, что всегда бѣгаютъ за мною.

Долгоруковыхъ было четверо.

Всѣ замолчали сразу. Петръ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Въ день крещенія 1730 г. Петръ со своей невѣстою— княжной Долгорукой — былъ на водоосвященіи; послѣ этого онъ смотрѣлъ на парадъ и пробылъ на морозѣ болѣе 4-хъ часовъ. Легко одѣтый, онъ не хотѣлъ сидѣть съ невѣстою рядомъ въ саняхъ и стоялъ у нея на запяткахъ. Въ этотъ день онъ сильно простудился. Врачъ Блументростъ принялъ болѣзнь за простую горячку и давалъ прохладительное, а болѣзнь оказалась оспой. Позвали доктора Дидло. Сильная натура царя боролась съ болѣзнью, и 15 января

Императрица Анна Іоанновна.

ему стало лучше, но затѣмъ болѣзнь усилилась, а въ ночь на 19 января началась агонія. Петръ бредилъ. Онъ звалъ умершую сестру свою Наталью, звалъ Остермана, приказывалъ заложить сани. Потомъ стихъ. Къ утру его не стало.

XII.

Императрица Анна Іоанновна.

(Род. 8 января 1693 г. Вступ. на пр. 4 февраля 1730 г. Ум. 17 октября 1740 г.).

У царя Іоанна Алексѣевича, брата Петра Великаго, осталось три дочери—Екатерина, Анна и Прасковья.

Изъ трехъ сестеръ Анна была самая красивая. Высокаго роста, полная, но хорошо сложенная, недурная собою, съ чудными волосами, смуглымъ лицомъ и темно-голубыми глазами, она обладала живымъ и пріятнымъ характеромъ. Образованіе ея было очень ничтожно. Петръ Великій выдалъ Екатерину за герцога Мекленбургскаго, а Анну за курляндскаго изъ политическихъ расчетовъ. Анна была замужемъ всего 6 недѣль. На пути изъ Петербурга въ Курляндію герцогъ заболѣлъ и умеръ, и Анна пріѣхала въ Митаву вдовой.

Потекли скучные дни сѣрой жизни герцогини курляндской.

Послѣ смерти Петра II въ Россіи поднялся вопросъ о томъ, кому занять престолъ; ближе всѣхъ къ трону была Елисавета, дочь Петра Великаго, но аристократическая партія задумала забрать власть въ свои руки и рѣшила предложить престолъ Аннѣ Іоанновнѣ съ тѣмъ, чтобы она раздѣлила власть съ верховнымъ совѣтомъ изъ нѣсколькихъ представителей высшей знати. Съ этимъ предложеніемъ былъ посланъ гонецъ въ Митаву. Анна приняла предложеніе и скоро пріѣхала въ Москву. Здѣсь она встрѣтила поддержку Остермана и многихъ представителей дворянства и съ гнѣвомъ разорвала договоръ, объявивъ себя самодержицей.

Въ это время Аннѣ Іоанновнѣ было 37 лѣтъ.

Свѣдѣнія современниковъ о наружности Анны Іоанновны въ общемъ благопріятныя. Лиріа говоритъ: «Царевна Анна очень высока ростомъ и смугла, у нея красивые глаза, прелестныя руки и величественная фигура. Она очень полна, но не отяжелѣла. Нельзя сказать, что она красива, но, вообще, пріятна». Почти такъ же выражается Берхольцъ: «Принцесса любезна и оживлена, хорошо сложена, видъ и способъ держаться внушаютъ уваженіе».

Вообще она ни физически, ни нравственно не была похожа на отца.

Зато она многое унаслѣдовала отъ матери: суевѣріе, патріархальныя привычки, смягченныя нѣсколько новшествами Петра. Ея дѣдъ, Алексѣй Михайловичъ, оставилъ ей въ наслѣдство вкусъ къ представительству, къ роскошнымъ одеждамъ, къ пышнымъ церемоніямъ, къ охотѣ и стрѣльбѣ въ цѣль.

Императрица вставала между семью и восемью часами Въ девять часовъ начинался пріемъ сановниковъ, секретарей. Она подписывала бумаги и отправлялась въ манежъ Бирона, гдѣ у нея было помѣщеніе. Она осматривала лошадей, давала аудіенціи, стрѣляла въ цѣль. Въ двѣнадцать

Императрица Анна Іоанновна разрываетъ составленныя «верховниками» условія.

возвращалась во дворецъ, обѣдала, не снимая утренняго костюма,—длиннаго, восточнаго покроя платья, голубого или зеленаго цвѣта, и, въ видѣ головного убора, краснаго платка. Послѣ обѣда она ложилась отдыхать. Проснувшись, она открывала дверь въ смежную комнату, гдѣ ея фрейлины занимались рукодѣліемъ.

Начинался концертъ. Затѣмъ наступала очередь сказочницъ, гадальщицъ, шутовъ и шутихъ.

Императрица отличалась ясностью взгляда и вѣрностью сужденій, постояннымъ исканіемъ правды. Она не любила похвалъ, и не проявляла никакого честолюбія. Она избѣгала поспѣшныхъ рѣшеній, не посовѣтовавшись со знаю-

щими людьми; желала принимать самыя разумныя мѣры и проявляла достаточную для женщины дѣловитость.

Изъ развлеченій она страстно любила верховую ѣзду и увлекалась стрѣльбой въ цѣль.

Однажды, забавляясь стрѣльбой въ Петергофѣ, она обратилась къ стоящему на часахъ солдату и сказала:

— Что, хорошо стрѣляю?

— Хорошо, матушка-царица, а я лучше, — отвѣтилъ солдатъ.

Герцогъ Эрнестъ Іоганнъ Биронъ.

Государыня нахмурилась.

— Покажи! — сказала она.

Солдатъ взялъ свой тесакъ, отошелъ на 100 шаговъ, воткнулъ его рукояткой въ землю и вернулся.

— Вотъ, матушка-царица, ты замѣсто птицы попади на остріе тесака такъ, чтобы пуля надвое разрѣзалась.

— Попади ты!

Солдатъ прицѣлился, выстрѣлилъ, и пуля о лезвіе тесака раздѣлилась пополамъ.

Государыня захлопала въ ладоши.

— Дать ему 10 рублей! — приказала она и взяла ружье.

Послѣ этого она стрѣляла до тѣхъ поръ, пока не достигла того же, что показалъ ей солдатъ.

Главная статсъ-дама и фаворитка Анны Іоанновны,—Анна Ѳеодоровна Юшкова, была судомойкой, ходившей босикомъ среди низшей прислуги дворца. Анна приблизила ее къ себѣ и выдала замужъ. Веселая «затѣйница», Юшкова развлекала царицу въ длинные зимніе вечера. Юшкова и другая, бывшая судомойка, Маргарита Ѳеодоровна Манахина, вмѣстѣ съ веселой и предпріимчивой княжной, Аграфеной Александровной Щербатовой, составляли интимный кружокъ государыни.

Императрица Анна Іоанновна была по природѣ очень доброй женщиной, и Биронъ,—воистину, можетъ быть названъ ея злымъ духомъ.

Когда онъ изъ личной ненависти настаивалъ на казни кабинетъ-министра Артемія Волынскаго, императрица долго не соглашалась на это и горько плакала, прежде чѣмъ подписать приговоръ. До конца дней своихъ она не могла забыть невинно пролитой крови и горько упрекала за нее Бирона.

XIII.

Елисавета Петровна.

(Род. 18 дек. 1709 г. Вст. на пр. 25 ноября 1741 г. Ум. 25 дек. 1761 г.).

Императрица Елисавета, дочь Петра Великаго и Екатерины, являлась типомъ русской красавицы. Высокаго роста, полная, съ маленькими руками и ногами, роскошными волосами рыжеватаго оттѣнка, она имѣла лицо ослѣпительной бѣлизны, яркія губы и невыразимо прекрасные глаза. Лишь нѣсколько вздернутый носъ портилъ черты ея лица, которое было прекрасно, но далеко не правильно. Глаза и улыбка дѣлали ее плѣнительной. Характера она была добраго и веселаго. Къ ней особенно шелъ мужской костюмъ, и она любила одѣваться мужчиной, выѣзжая на охоту или участвуя въ маскарадахъ.

Внѣшняя красота ея сохранилась до послѣднихъ ея лѣтъ. Улыбка и глаза стали еще прекраснѣе; пострадала только ея стройная фигура отъ нѣсколько излишней полноты.

Елизавета Петровна не умѣла ни печалиться, ни гнѣваться, любила смѣхъ и веселье.

Государыня не любила спать въ одномъ мѣстѣ и приказывала стлать себѣ постель то въ одной, то въ другой комнатѣ, такъ что никто не могъ знать заранѣе, гдѣ она будетъ ночевать.

Ложилась она спать въ 4 или 5 часовъ утра и любила засыпая слушать сказки и разсказы старухъ и торговокъ, которыхъ ей нарочно приводили съ базара.

Послѣ обѣда государыня отдыхала, а въ 11 часовъ вечера ѣхала въ театръ, гдѣ должны были присутствовать всѣ ея придворные.

Послѣ театра во дворцѣ устраивался пышный ужинъ, который заканчивался поздно ночью, и государыня уходила на покой.

Часто вмѣсто театра она устраивала балы и маскарады.

Лѣтомъ Елисавета Петровна очень любила охоту и отдавала ей много времени.

Императрица питала отвращеніе къ запаху яблоковъ. Ни одинъ придворный не смѣлъ ѣсть яблоковъ, собираясь быть въ присутствіи императрицы.

Покойниковъ она такъ боялась, что въ 1755 году издала указъ, запрещающій проносить мимо ея дворца покойниковъ.

У императрицы былъ любимый выѣздной лакей и стремянный, Гаврила Матвѣевичъ Извольскій, человѣкъ простой и прямой. Однажды увидѣвъ, что онъ нюхаетъ табакъ изъ простой берестовой тавлинки, царица ему сказала:

— Не стыдно тебѣ, Гаврила, нюхать изъ дрянной табакерки? Вѣдь, ты царскій стремянной.

— А гдѣ жъ мнѣ взять-то другую? не красть же!—отвѣтилъ Извольскій.

— Добро, я подарю тебѣ золотую,—обѣщала Елизавета.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а Извольскій все не получалъ обѣщаннаго подарка.

Разъ, идя по заламъ дворца, онъ услыхалъ, что царедворцы толкуютъ что-то насчетъ справедливости.

Онъ пріостановился и сказалъ:

— Какая такая справедливость есть, если сама царица ее не соблюдаетъ.

Слова эти тотчасъ были переданы Елисаветѣ Петровнѣ. Увидя послѣ этого Извольскаго, она спросила:

— Какъ это ты говорилъ, что я несправедлива? развѣ я тебя чѣмъ обидѣла?

— Извѣстно, обидѣли. Обѣщали табакерку, да такъ и не дали.

— Ахъ, это-то!

Государыня взяла серебряную золоченую табакерку и подала ее Извольскому.

— Прости, что забыла!

Извольскій взялъ ее, посмотрѣлъ и сказалъ:

— А все-таки несправедливо поступаете.

— Еще что?

— Обѣщали золутую, дали серебряную.

— Ну, давай ее назадъ. Я перемѣню тебѣ.

— Нѣтъ, матушка,—сказалъ Извольскій, пряча табакерку,—пусть эта останется у меня будничной, а золотая будетъ для праздника.

Государыня засмѣялась и исполнила желаніе Извольскаго.

Императрица Елисавета Петровна. (Съ портр. Чемесова).

XIV.

Петръ III.

(Род. 10 февр. 1728 г. Вст. на пр. 25 дек. 1761 г. Ум. 6 іюля 1762 г.).

Петръ III-й былъ сыномъ герцога Голштинскаго и великой княгини Анны Петровны, старшей дочери Петра Великаго. Такимъ образомъ, онъ оказывался роднымъ племянникомъ императрицы Елисаветы Петровны, и она выписала его изъ Голштиніи сейчасъ же по вступленіи на престолъ, назначивъ своимъ наслѣдникомъ. 16-тилѣтній великій князь и наслѣдникъ, Петръ Θедоровичъ былъ очень красивъ. Особенно прекрасны были его глаза, свѣтившіеся веселостью и прямодушіемъ. Некрасивой формы носъ не портилъ его лица, которое было такъ ясно, открыто, что не въ состояніи было скрыть никакой тайны или утаить чувство. И грусть, и радость, и гнѣвъ, и обида—все мгновенно отражалось на его лицѣ.

На 18-мъ году жизни Петра Θеодоровича постигло несчастье. При переѣздѣ двора изъ Москвы онъ простудился и заболѣлъ оспою. Были приняты всѣ мѣры къ сохраненію его здоровья. Его возокъ былъ обитъ досками и войлокомъ. Отъ него не отходили врачи. Жизнь Петра была спасена, но лицо его оказалось обезображеннымъ до неузнаваемости. Ярко свѣтились прежней добротою и ясностью только его прекрасные глаза. Послѣ болѣзни онъ сразу выросъ и возмужалъ.

Царствованіе императора Петра III-го было очень коротко, и образъ его жизни не успѣлъ еще принять устойчивыя формы. Онъ являлся слѣпымъ почитателемъ короля прусскаго Фридриха Великаго, старался во всемъ подражать ему и потому стремился къ простотѣ солдатской жизни.

Просыпался онъ обыкновенно не позднѣе 6 часовъ утра и тотчасъ отправлялся на разводъ; послѣ развода онъ недолго занимался государственными дѣлами, а затѣмъ отдавалъ все свое время любимымъ голштинцамъ, которые толпами пріѣзжали къ нему. Съ ними онъ проводилъ время за куреніемъ и пуншемъ, который пилъ изъ общей круговой чаши. Онъ былъ большой охотникъ куренья и, отправляясь куда-либо въ гости, везъ съ собою корзину трубокъ и пачекъ табаку. Пріѣхавъ, онъ приказывалъ всѣмъ курить и, когда комната заволакивалась дымомъ, онъ начиналъ шутить и веселиться. Ходилъ онъ всегда въ зеленомъ прусскомъ

Императоръ Петръ III.

мундирѣ, въ ботфортахъ и крагахъ. Русскаго языка не терпѣлъ и говорилъ всегда по-нѣмецки.

Былъ Петръ III немного суевѣренъ, вѣрилъ въ гаданья и очень любилъ гадать на картахъ. Кто-то сказалъ ему, что есть офицеръ Веревкинъ, очень искусный гадать на картахъ. Петръ тотчасъ послалъ за нимъ. Веревкинъ взялъ колоду и ловкимъ поворотомъ руки выбросилъ на полъ четырехъ королей.

— Что это значитъ? — вздрогнувъ спросилъ императоръ.

— Такъ фальшивые короли падаютъ ницъ передъ истиннымъ царемъ,—отвѣтилъ Веревкинъ.

Петру очень понравился этотъ отвѣтъ, и гаданье Веревкина имѣло полный успѣхъ. Съ той поры во всѣхъ случаяхъ Петръ III вызывалъ Веревкина и слѣпо вѣрилъ его вранью.

При дворѣ Петра III было 14 человѣкъ голштинцевъ, которыхъ онъ наряжалъ по прусскому образцу и производилъ съ ними ученія.

Въ его комнатѣ, въ бытность его наслѣдникомъ, была выстроена на столѣ картонная крѣпость, и одинъ приближенный голштинецъ считался ея комендантомъ.

Разъ въ стѣнѣ крѣпости оказалась брешь. Петръ пришелъ въ негодованье и приказалъ непремѣнно сыскать злоумышленника. Злоумышленника поймали въ слѣдующую ночь на мѣстѣ преступленія. Это оказалась крыса, которой очень понравился кортонъ и клейстеръ.

Петръ собралъ изъ своихъ голштинцевъ военный судъ. Крысу осудили къ повѣшенью, и Петръ приказалъ выполнить приговоръ по всѣмъ правиламъ.

XV.

Екатерина II.

(Род. 21 апрѣля 1729 г. Вступ. на пр. 28 іюня 1762 г. Ум. 6 ноября 1796 г.).

Принцесса Софья-Августа-Фридерика-Ангальтъ-Цербстская, впослѣдствіи Великая Екатерина, была просватана за Петра Ѳеодоровича главнымъ образомъ стараньями прусскаго короля Фридриха Великаго.

Она получила довольно хорошее по тому времени образованіе, которое пополняла въ теченіе всей жизни. Когда Софьѣ, или, какъ ее звали, Фикѣ, исполнилось 11 лѣтъ, она со всѣмъ семействомъ пріѣхала погостить къ герцогинѣ брауншвейгской. Тамъ въ обществѣ находился одинъ каноникъ, Мегденъ, славившійся предсказаніями будущаго. Взглянувъ на маленькую Софью, онъ воскликнулъ:

— Я вижу на вашей головѣ короны. Три короны!

Предсказаніе сбылось. Выборъ Елисаветы, искавшей жену своему племяннику, упалъ на нее. Софья съ матерью пріѣхала въ Россію, быстро усвоила догматы православія, ознакомилась съ русской рѣчью и 28 іюня 1744 г., послѣ присоединенія къ православію подъ именемъ Екатерины, была помолвлена съ Петромъ, послѣ чего въ томъ же году состоялась свадьба.

Императрица Екатерина II.

Нѣмецкая принцесса сразу обратилась въ русскую княгиню-цесаревну и полюбила все русское.

О наружности Екатерины II встрѣчаются самыя различныя мнѣнья. Ея лицо было столь подвижно, что постоянно мѣнялось, и самыя противоположныя чувства быстро отражались на немъ.

По словамъ Ричардсона, бывшаго въ Россіи въ 1768 году, Екатерина была красивѣе всѣхъ русскихъ женщинъ, какихъ онъ видѣлъ. Улыбку и глаза Екатерины всѣ находили невыразимо пріятными. Если что портило ея лицо, то это подбородокъ, который былъ угловатъ и рѣзокъ. Полное бѣлое лицо ея было величаво и въ то же время очень мило. Она была свѣтлая блондинка съ пышными волосами, росту невысокаго, со склонностью къ полнотѣ. Осанка ея была настолько величественна, что она казалась выше своихъ придворныхъ дамъ. Какъ и Елисавета, она любила наряжаться въ мужскіе костюмы, въ которыхъ казалась необычайно изящной. Руки и ноги ея были малы и очень красивы. Благодаря строгому образу жизни, Екатерина до преклонныхъ лѣтъ сохранила всѣ зубы и привлекательность лица. Пострадала только стройная фигура, сильно пополнѣвшая.

Утомленія Екатерина II не знала до конца дней.

Въ шесть часовъ утра, когда всѣ еще въ Зимнемъ дворцѣ спали, императрица вставала, одѣвшись, никого не безпокоя, сама зажигала свѣчи и разводила каминъ. Государыня не любила тревожить прислугу и говорила:

— Надо жить и давать жить другимъ.

Если она звонила, чтобы ей подали воды, а камердинеръ спалъ, она терпѣливо ждала, когда онъ проснется. Отъ постели государыня переходила въ сосѣднюю комнату, гдѣ для нея была приготовлена теплая вода для полосканія рта, и густо разрумяненная калмычка подавала ей кусокъ льда для обтиранья лица, плечъ и шеи. Эта калмычка, по имени Екатерина Ивановна, была очень неисправна и нерѣдко заставляла ждать Екатерину. Однажды государыня, разсердившись, сказала:

— Что ты думаешь, Екатерина Ивановна, вѣчно жить во дворцѣ? Выйдешь замужъ, такъ мужъ—не я, что съ тобой будетъ?

Этими словами ограничилось ея недовольство. Послѣ утренняго туалета государыня переходила въ кабинетъ, гдѣ для нея подавался кофе со сливками и гренками. Кофе императрица пила необыкновенно крѣпкій. Для нея варили фунтъ кофе на пять чашекъ. Однажды она угостила своего секретаря Кузьмина чашкой кофе, и съ тѣмъ сдѣлалось дурно. Выпивая свой кофе, она гренки и сливки скармливала своимъ собакамъ.

Во время занятій въ кабинетѣ никто не смѣлъ ее безпокоить. Два часа спустя она звала камеристокъ, переходила въ будуаръ и совершала свой туалетъ, послѣ чего принимала съ докладами секретарей и сановниковъ до часа.

Въ часъ подавался обѣдъ, къ которому приглашалось не болѣе 6—7 лицъ изъ наиболѣе близкихъ. Кушала государыня медленно 3 или 4 блюда, запивая чистой водой, которую привозили ей изъ Царскаго Села. Подъ старость, по совѣту врачей, государыня стала выпивать рюмку мадеры,

Послѣ обѣда она садилась вышивать за пяльцами, а Иванъ Ивановичъ Бецкій читалъ ей въ это время.

Въ шесть часовъ начинались пріѣзды ко двору. Государыня переходила въ Эрмитажъ и тамъ проводила свой досугъ или за играми въ фанты, въ секретари, или за игрою въ карты. День свой оканчивала Екатерина въ 10 часовъ. Ложась въ постель, она выпивала стаканъ воды.

Екатерина нерѣдко устраивала балы и маскарады, а также спектакли, для которыхъ сочиняла сама пьесы. Иногда зимою ею устраивались веселыя прогулки за городъ, большею частью въ ея любимое Царское Село.

Лѣтомъ, живя въ Царскомъ Селѣ или Петергофѣ, Екатерина распредѣляла день иначе.

Вставала она также въ шесть часовъ и въ семь часовъ дѣлала свою любимую прогулку по парку. Въ восемь часовъ прямо въ саду или на террасѣ пила обычный кофе, и сюда къ ней собирались всѣ придворные; въ девять уходила въ кабинетъ заниматься дѣлами и проводила тамъ время до 12-ти часовъ; къ этому часу въ столовой собирались придворные, къ которымъ она выходила и, поговоривъ со всѣми съ часъ, садилась обѣдать. Послѣ обѣда она занималась чтеніемъ и рукодѣльями, а въ шесть снова собирались придворные и или гуляли или забавлялись играми. День оканчивался ужиномъ къ 10 часамъ, но если устраивались балъ, маскарадъ или театръ, то государыня позволяла себѣ и засиживаться.

Изъ дачной резиденціи въ Петербургъ Екатерина любила переѣзжать всегда внезапно и безъ всякихъ оповѣщеній. По этому поводу сохранилось одно ея письмо изъ Петербурга отъ 20-го августа 1785 года. Въ немъ государыня пишетъ: «Я возвратилась въ городъ вчера, такъ же какъ и въ прошломъ году, неожиданно. Я нахожу это прелестнымъ— никто меня не провожаетъ, никто не принимаетъ. Я проскальзываю, какъ котъ, такъ что никто и не замѣтитъ меня, а когда я уже пріѣду, то цѣлыя сутки всѣ повторяютъ: «Она пріѣхала неожиданно!»...

Въ жизни государыни день былъ строго распредѣленъ: трудъ правильно чередовался съ удовольствіями.

Еще будучи цесаревной, Екатерина II подвергалась однажды смертельной опасности.

Это случилось лѣтомъ 1768 г. Съ мужемъ, цесаревичемъ Петромъ Өеодоровичемъ, Екатерина пріѣхала погостить въ имѣнье графа Разумовскаго «Гостелицы», гдѣ для нихъ былъ отведенъ особый домъ, очень затѣйливой архитектуры.

День былъ прекрасный. Петръ и Екатерина все время провели на открытомъ воздухѣ, ужинали на лужайкѣ передъ домомъ и только около полуночи вошли въ домъ и разошлись по комнатамъ. Скоро домъ погрузился въ сонъ.

Въ это время изъ Ораніенбаума по дѣлу къ наслѣднику прискакалъ сержантъ Левашевъ.

Въ Гостелицахъ всѣ спали. Ночь была прекрасная. Левашевъ не рѣшился поднимать шума и сѣлъ возлѣ дома у караульной будки прождать здѣсь до утра.

Вдругъ онъ услыхалъ странный шумъ, похожій на шорохъ, потомъ трескъ. Ему показалось, что домъ пошатнулся.

Въ одинъ мигъ Левашевъ подскочилъ къ запертымъ дверямъ и сталъ стучать въ нихъ, крича въ то же время.

Прибѣжалъ сторожъ.

— Домъ валится,—закричалъ Левашевъ,—ломай дверь!

Общими усиліями они вышибли дверь, и Левашевъ съ крикомъ побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ.

Домъ трещалъ и шатался.

На крикъ Левашева первымъ выскочилъ Петръ въ халатѣ и тотчасъ побѣжалъ вонъ изъ дома.

Екатерина едва успѣла накинуть пеньюаръ и вмѣстѣ съ княжной Гагариной выбѣжала въ залъ.

Въ это время домъ рухнулъ.

Екатерина упала на полъ. Осѣвшая комната была цѣла. Левашевъ схватилъ Екатерину на руки и бросился съ нею къ лѣстницѣ, но лѣстница была уже разрушена. Онъ подбѣжалъ къ окну.

Нѣсколько человѣкъ по развалинамъ поднялись до окошка и приняли у него изъ рукъ Екатерину. Слѣдомъ за нею Левашевъ передалъ и Гагарину.

Екатерину съ рукъ на руки спустили внизъ и положили на траву. Она лежала безъ чувствъ.

Оказавшійся въ свитѣ медикъ пустилъ ей кровь, и она очнулась.

Опасность миновала. Екатерина отдѣлалась только обморокомъ и испугомъ, но другіе были не такъ счастливы. Многіе изъ придворныхъ были сильно разбиты, въ томъ числѣ и княжна Гагарина. Въ нижнемъ этажѣ было убито 3 служителя и 16 рабочихъ.

Несчастье, какъ потомъ оказалось, произошло отъ того, что управляющій, готовя домъ къ встрѣчѣ высокихъ гостей, приказалъ срубить, стоящія въ сѣняхъ 12 бревенъ. Они

были поставлены архитекторомъ для подпоры, но дѣйствительно портили сѣни.

Графъ Разумовскій въ отчаяньѣ хотѣлъ застрѣлиться, но «не привелъ своего намѣренья въ исполненье», какъ записала потомъ въ своемъ дневникѣ Екатерина.

Одинъ сенатскій регистраторъ по разсѣянности изорвалъ, вмѣстѣ съ другими ненужными бумагами, указъ, подписанный императрицею.

Замѣтивъ свою ошибку, онъ пришелъ въ ужасъ и, въ отчаяньѣ, рѣшился на довольно смѣлый поступокъ: онъ отправился въ Царское Село, гдѣ находилась тогда императрица, забрался въ дворцовый садъ и, засѣвъ въ кустахъ, съ замираніемъ сердца ожидалъ появленія государыни. Прошло нѣсколько томительныхъ часовъ, пока громкій лай двухъ левретокъ возвѣстилъ несчастному чиновнику приближеніе Екатерины. Регистраторъ вышелъ изъ своей засады на дорожку и сталъ на колѣни.

— Что ты за человѣкъ?—спросила его императрица.

— Я погибшій, государыня, — отвѣчалъ онъ, — и только вы одна можете спасти меня.

— Въ чемъ же состоитъ твое дѣло?

Регистраторъ подалъ ей разорванные куски указа и откровенно сознался въ своей разсѣянности и неосторожности.

— Ступай домой, — сказала императрица, — а завтра на этомъ мѣстѣ и въ этотъ же самый часъ ожидай меня.

На другой день, встрѣтивъ чиновника, Екатерина подала ему новый, подписанный ею указъ, и промолвила:

— Возьми, вотъ тебѣ другой указъ; бѣда твоя миновала, отправляйся скорѣе въ типографію, да смотри, никому не сказывай объ этомъ происшествіи, иначе тебѣ достанется отъ генералъ-прокурора.

Во время своихъ утреннихъ занятій въ кабинетѣ, императрица Екатерина II обходилась во всемъ безъ прислуги. Такъ, она сама даже растапливала каминъ. Однажды она вдругъ услышала откуда-то громкій голосъ:

— Потушите огонь!

— Кто кричитъ и откуда?—спросила она.

— Я трубочистъ!—раздался голосъ изъ трубы.

— А съ кѣмъ ты говоришь?

— Знаю, что съ государыней, но затушите огонь поскорѣе, иначе я задохнусь и сгорю!—закричалъ несчастный.

Государыня поспѣшила залить огонь.

Однажды Екатерина II вышла въ царскосельскій садъ для прогулки въ сопровожденіи новаго лакея, котораго ей доставила любимица ея, Марія Саввишна Перекусихина.

Гуляя, императрица нашла червяка, положила его себѣ на ладонь и стала разглядывать. Червякъ замеръ, и какъ ни старалась императрица, никакъ не могла оживить его.

Тогда она обратилась къ провожавшему ее слугѣ.

— Не знаешь ли, какъ оживить его?

— Знаю, Ваше Величество! — отвѣтилъ поспѣшно слуга и плюнулъ ей на ладонь, — вотъ и все!

Червякъ, дѣйствительно, ожилъ.

Императрица поспѣшно вытерла руку и вернулась во дворецъ, не сдѣлавъ слугѣ никакого замѣчанія. Только много времени спустя, она замѣтила Перекусихиной, что надо выбирать для нея слугъ, умѣющихъ вести себя вѣжливо.

Въ 1796 г. нѣсколько молодыхъ людей гуляли по царскосельскому парку и прошли, не поклонившись, мимо императрицы Екатерины II, которая сидѣла на скамейкѣ съ Перекусихиной. Та возмутилась и хотѣла остановить дерзкихъ.

— Оставь ихъ! — остановила ее государыня, — мы съ тобою уже стары стали, на насъ и не смотрятъ.

У Екатерины II въ числѣ приживалокъ находилась нѣкая Марья Даниловна. При кажущейся простотѣ, она была себѣ на умѣ и часто во время пустой болтовни приносила кому-нибудь пользу или, наоборотъ, вредила. Одно время государыня замѣтила, что Марья Даниловна очень сильно оговариваетъ полицмейстера Рылѣева.

Принимая отъ него докладъ, она сказала ему:

— Послушай, Никита Ивановичъ, ты бы прислалъ Марьѣ Даниловнѣ какой-нибудь живности.

Рылѣевъ не понялъ, для чего это нужно, но тотчасъ послалъ цѣлый возъ всякой всячины.

На другой день Марья Даниловна стала хвалить Рылѣева.

Государыня засмѣялась.

— Что, видно, гуси да утки его тебѣ по вкусу пришлись?

Екатерина знала, что низшіе чины и вся придворная прислуга пользовались непозволенною поживою, особенно въ съѣстномъ и напиткахъ. Она даже нерѣдко видала своими глазами во время утреннихъ прогулокъ, какъ служи-

тели ея тащили изъ дворца огромные подносы, нагруженные всякою всячиною, и однажды сказала М. С. Перекусихиной:

— Хоть бы они фарфоръ мой сберегли!

А въ другой разъ сказала несшимъ подносы:

— Ну, бѣда вамъ будетъ, если увидитъ это Торсуковъ (тогдашній гофмаршалъ).

— Спитъ еще, матушка-государыня,—былъ ихъ отвѣтъ.

Кажется, она забавлялась ихъ безбоязненностью въ подобныхъ хищеніяхъ для наполненія своихъ и чужихъ желудковъ. Но иногда подобныя хищенія превосходили уже всякую мѣру.

Просматривая представленные ей отчеты дворскихъ расходовъ, императрица увидала въ нихъ, между прочимъ, что пудры для ея головы ежедневно выходитъ цѣлый пудъ. Она улыбнулась и на другой день, по окончаніи туалета, вышла въ пріемную залу молча и поддерживая свою голову рукою. Придворныя дамы, ожидавшія ее въ этой залѣ, встревожились.

Любимая фрейлина выразила ей сожалѣніе о ея нездоровьѣ.

— Нѣтъ, моя милая, — сказала ей въ отвѣтъ императрица,—я, слава Богу, здорова, но посуди каково мнѣ: вѣдь цѣлый пудъ пудры мнѣ насыпали на голову.

Это былъ послѣдній пудъ. Съ этихъ поръ онъ никогда не встрѣчался въ придворныхъ отчетахъ.

Однажды, взглянувъ нечаянно въ окно, императрица увидѣла старушку, которая гонялась за курицею и не могла поймать ее.

— Что это за старушка, и что это за курица?—спросила государыня, призвавъ дежурнаго камердинера, и послала узнать объ этомъ.

— Государыня,—доложили ей,—это бѣдная старушка ходила къ своему внуку, который служитъ поваренкомъ на придворной кухнѣ. Онъ далъ ей эту курицу, которая выскочила у нея изъ кулечка.

— Да этакъ, глупенькій, онъ измучитъ свою бабушку. Ну, если она такъ бѣдна — давать ей изъ моей кухни по курицѣ, но битой.

Старушка до конца своей жизни пользовалась этою милостью Екатерины.

Разъ, не находя въ своемъ бюро нужной бумаги, Екатерина сердилась. Камердинеръ Поповъ хладнокровно доказывалъ, что императрица куда-нибудь заложила бумагу, что никто у нея со стола не крадетъ и что она напрасно на него сердится.

Неудачные поиски и разсужденіе камердинера привели императрицу въ такой гнѣвъ, что она выгнала Попова изъ кабинета. Оставшись одна, она снова начала пересматривать каждый листъ и, наконецъ, нашла нужную бумагу. Тогда государыня приказала позвать Попова; но онъ не пошелъ говоря:

— Зачѣмъ я пойду, когда она меня отъ себя выгнала.

— Досада моя прошла,—сказала Екатерина,—я болѣе не сердита; уговорите его притти.

Поповъ явился.

— Прости меня, Алексѣй Степановичъ,—ласково промолвила императрица,—я передъ тобой виновата.

— Вы часто отъ торопливости на другихъ нападаете,—угрюмо отвѣчалъ Поповъ,—Богъ съ вами, я на васъ не сердитъ.

Въ 1789 и 1790 годахъ адмиралъ Чичаговъ одержалъ блистательныя побѣды надъ шведскимъ флотомъ, которымъ командовалъ сначала герцогъ Зюдерманландскій, а потомъ самъ шведскій король, Густавъ III. Старый адмиралъ былъ осыпанъ милостями императрицы: получилъ Андреевскую ленту, 1.388 душъ крестьянъ, орденъ св. Георгія 1-й степени, еще 2.417 душъ, а при заключеніи мира похвальную грамату, шпагу, украшенную алмазами, и серебряный сервизъ.

Въ Петербургѣ императрица приняла Чичагова милостиво и изъявила желаніе, чтобы онъ разсказалъ ей о своихъ походахъ. Государыню предупреждали, что адмиралъ почти не бывалъ въ хорошемъ обществѣ и иногда употребляетъ неприличныя выраженія. Но императрица осталась при своемъ желаніи.

На другое утро явился Чичаговъ. Государыня приняла его въ своемъ кабинетѣ и, посадивъ противъ себя, вѣжливо сказала, что готова слушать. Старикъ началъ...

Сначала онъ робѣлъ, но потомъ увлекся и, наконецъ, пришелъ въ такой экстазъ, что кричалъ, махалъ руками и горячился такъ, какъ будто бы говорилъ съ равнымъ себѣ.

Описавъ рѣшительную битву и дойдя до того, когда непріятельскій флотъ обратился въ полное бѣгство, адмиралъ все забылъ, ругалъ трусовъ—шведовъ, при чемъ употреблялъ такія выраженія, которыя можно слышать только въ толпѣ чернаго народа.

Вдругъ старикъ опомнился, въ ужасѣ вскочилъ съ кресла и упалъ на колѣна передъ императрицею.

— Виноватъ, матушка, Ваше Императорское Величество..

— Ничего,—кротко сказала императрица, не давъ замѣтить, что поняла непристойныя выраженія,—ничего, Васи-

лій Яковлевичъ, продолжайте; я вашихъ морскихъ терминовъ не разумѣю.

Она такъ простодушно сказала это, что старикъ отъ души повѣрилъ, опять сѣлъ и докончилъ разсказъ. Императрица отпустила его съ чрезвычайнымъ благоволеніемъ.

Въ девятидесятыхъ годахъ произошла въ одномъ петербургскомъ трактирѣ драка между армейскими офицерами и мастеровыми, при чемъ нѣсколько послѣднихъ были изувѣчены, а одинъ убитъ.

Произвели слѣдствіе и судъ.

По мнѣнію суда, трое изъ подсудимыхъ были виноваты въ большей степени, а одинъ въ меньшей.

На доклады Сената государыня смягчила наказаніе, къ которому присуждены были три первые, но приговоръ надъ послѣднимъ приказала исполнить.

Генералъ-прокуроръ, думая, что эта резолюція положена по ошибкѣ, доложилъ о томъ государынѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—я не ошиблась. Трое не такъ виновны, а послѣдній злодѣй.

Его сослали въ Сибирь.

Лѣтъ черезъ двадцать обратился онъ къ императору Александру Павловичу съ просьбою объ облегченіи судьбы его. Дѣло пересмотрѣли въ совѣтѣ, донесли государю, что люди болѣе виновные давно получили прощеніе, и испрашивали помилованіе для него. Государь согласился.

Помилованный прибылъ въ Петербургъ и съ жаромъ благодарилъ государственнаго секретаря А. Н. Оленина за его заступничество.

И что жъ? Черезъ полгода онъ оказался сущимъ извергомъ и опять былъ сосланъ въ Сибирь. Екатерина изъ производства дѣла увидѣла, что трое виновныхъ поступали въ пылу гнѣва и страсти, а этотъ дѣйствовалъ хладнокровно. Это обстоятельство ускользнуло изъ вида слѣдователей и судей.

Въ одинъ изъ торжественныхъ дней, когда императрица Екатерина II-ая, по обыкновенію, слушала молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, она увидѣла, какъ черезъ толпу пробилась впередъ бѣдно одѣтая женщина, упала на колѣна передъ иконой Божьей Матери и послѣ горячей молитвы положила къ подножію ея на аналой какую-то бумагу. Императрица заинтересовалась этимъ, велѣла подать себѣ бумагу и узнать, кто такая женщина, такъ горячо молившаяся.

Женщина оказалась дворянкой, разоренной несправедливымъ рѣшеніемъ тяжбы, утвержденнымъ императрицею.

Бумага оказалась жалобой Богородицѣ на несправедливое рѣшеніе, повергшее ее въ бѣдность.

«Владычица, —оканчивалась жалоба,— просвѣти и вразуми государыню: да судитъ меня судъ правый, скорый и милостивый!»

Екатерина тотчасъ потребовала къ себѣ дѣло, прочла его съ полнымъ вниманіемъ и приказала вызвать къ себѣ дворянку.

Ее привезли и провели прямо въ кабинетъ государыни.

— Вы правы, —сказала ей императрица,—я виновата. Простите меня. Я только человѣкъ, и Богъ поможетъ мнѣ загладить ошибку. Имѣнье ваше вамъ возвращается, а вы лично примите отъ меня этотъ подарокъ, —и государыня подала осчастливленной просительницѣ драгоцѣнный перстень.

Во время придворнаго обѣда Екатерина, недовольная однимъ изъ иностранныхъ пословъ, начала говорить съ нимъ рѣзко и желчно.

Сидѣвшій недалеко отъ императрицы ея секретарь Храповицкій замѣтилъ сосѣду:

— Жаль, что государыня такъ неосторожно говоритъ.

Екатерина разслышала слова Храповицкаго и тотчасъ перемѣнила разговоръ. Послѣ обѣда, когда подали кофе, она подошла къ Храповицкому и вполголоса сказала:

— Ваше превосходительство! вы слишкомъ дерзки, что осмѣливаетесь давать мнѣ совѣты, которыхъ у васъ не просятъ.

Императрица поставила дрожащею рукой чашку на подносъ, раскланялась и вышла. Храповицкій считалъ себя погибшимъ.

Онъ едва добрался домой, но на лѣстницѣ догналъ его камеръ - лакей съ приказаніемъ, чтобы онъ немедленно шелъ къ императрицѣ. Государыня ходила по кабинету, и, когда вошелъ Храповицкій, остановилась противъ него и съ гнѣвомъ сказала:

— Ваше превосходительство! какъ вы смѣли при собраніи явно укорить меня, тогда какъ вы не должны смѣть въ присутствіи моемъ говорить иначе, какъ отвѣчая на мои вопросы?

Храповицкій упалъ на колѣна и просилъ помилованія.

Императрица вдругъ перемѣнила тонъ и, приказавъ ему встать, съ лаской сказала:

— Знаю, знаю, что вы это сдѣлали изъ любви ко мнѣ, благодарю васъ.

Затѣмъ, взявъ со стола табакерку, осыпанную брильянтами, продолжала:

— Вотъ, возьмите на память; я женщина и притомъ вспыльчива, часто увлекаюсь. Прошу васъ, если замѣтите мою неосторожность, не выражайте явно своего неудовольствія и не высказывайте замѣчаній, но раскройте эту табакерку и нюхайте; я тотчасъ пойму и удержусь отъ того, что вамъ не нравится.

Князь В., одинъ изъ сильныхъ вельможъ временъ Екатерины, добивался, чтобы генералъ-поручикъ Якоби, посѣщавшій его домъ, женился на одной изъ его родственницъ. Якоби не рѣшился отказаться прямо отъ этой чести, но, когда получилъ мѣсто губернатора Сибири, торопливо уѣхалъ, даже не простившись съ княземъ.

Гордый и сильный вельможа рѣшилъ отомстить сибирскому губернатору. Онъ послалъ туда ловкаго подьячаго съ приказаніемъ придраться къ чему-нибудь, запутать Якоби и донести на него.

Якоби такъ былъ честенъ и чистъ въ дѣлахъ управленія губерніей, что все искусство подосланнаго крючкотвора осталось тщетно. Князь послалъ другого, и тому удалось достигнуть цѣли. Онъ сплелъ какую-то паутину на пагубу невиннаго и сдѣлалъ доносъ. Якоби попалъ подъ судъ. Начались слѣдствія, запросы, объясненія. Едва истина начнетъ распутывать дѣло, могущество гонителя опять его запутываетъ; дѣло затянулось, и кипы бумагъ составили цѣлые томы. Наконецъ дѣло дошло до Сената, и было рѣшено съ обвиненіемъ Якоби.

По тогдашнему порядку представлялась императрицѣ докладная записка съ краткимъ изложеніемъ всего дѣла.

Знаменитый поэтъ Державинъ, одинъ изъ статсъ-секретарей того времени, представилъ императрицѣ выписку изъ дѣла на 300 листахъ. Государыня попросила сократить; ее сократили до 30 листовъ; Екатерина опять велѣла сократить. Врученную ей на 3-хъ листахъ выписку, она прочла и сказала:

— Нѣтъ, что-то неясно, истина запутана. Привезите мнѣ все дѣло.

Дѣло было привезено и поставлено во дворцѣ въ одной изъ внутреннихъ комнатъ императрицы и задернуто занавѣскою. Когда государыня спросила:

— Ну, гдѣ же дѣло Якоби?

Державинъ отдернулъ занавѣску, и государыня увидѣла кипы бумагъ, наложенныя одна на другую, въ три ряда съ полу до потолка; государыня, окинувъ ихъ взоромъ, сказала.

— Этимъ не испугаютъ меня!

Она назначила одинъ часъ каждый день на чтенiе этого дѣла. Одному только Державину довѣряла она дѣлать выписки изъ нѣкоторыхъ бумагъ. Такъ прошелъ цѣлый годъ.

Наконецъ Якоби былъ вызванъ во дворецъ; его ввели въ кабинетъ императрицы.

— Я разсмотрѣла ваше дѣло,—сказала государыня,—и за счастiе почитаю вамъ сказать, что вы невинны.

Слезы брызнули изъ глазъ Якоби.

— Въ вознагражденiе за долгое ваше страданiе справедливымъ почитаю возложить на васъ орденъ (на золотомъ блюдѣ лежалъ орденъ св. Владимiра).

Якоби, рыдая, упалъ на колѣна.

— Правосуднѣйшая монархиня! Вы возвращаете мнѣ честь мою и невинность: другой награды мнѣ не надобно.

— Встань, Якоби, не тебѣ стоять на колѣнахъ; твои судьи должны бы передъ всею Россiей просить у тебя прощенiя.

Екатерина подарила одной изъ придворныхъ дамъ, госпожѣ Верръ, десять тысячъ рублей на покупку дома. Верръ совершила купчую крѣпость на общее имя со своимъ мужемъ. Когда послѣднiй умеръ, наслѣдники его отыскивали себѣ (за выдѣломъ указной части) половину дома, и Сенатъ утвердилъ ихъ право.

Императрица, основываясь на томъ, что деньги были подарены женѣ, нашла это рѣшенiе несправедливымъ и поручила сенатору Маслову особо разсмотрѣть дѣло.

Черезъ нѣсколько времени Масловъ доложилъ государынѣ, что сенатское постановленiе правильно и сообразно съ уставами.

— Такъ тѣ уставы глупы и смѣшны,—сказала она.

— Ваше Величество имѣете власть ихъ перемѣнить,—возразилъ Масловъ,—но до тѣхъ поръ никто иначе не долженъ поступать.

— Напишите указъ, чтобъ весь домъ принадлежалъ вдовѣ,—отвѣчала Екатерина,—я этого хочу!

— Но, государыня, этимъ нарушится правосудiе и право собственности,—замѣтилъ Масловъ.

— Прошу не разсуждать! — сказала императрица съ гнѣвомъ.

Масловъ замолчалъ, собралъ бумаги, поклонился и ушелъ.

На другой день, явясь съ докладомъ, Масловъ подалъ императрицѣ двѣ бумаги, сказавъ:

— Вотъ, Ваше Величество, два указа по дѣлу Верръ, одинъ согласный съ вашей волею, а другой съ законами.

Екатерина молча взяла бумаги и положила ихъ въ столъ; затѣмъ, выслушавъ и разрѣшивъ остальные доклады

Маслова, ласково и милостиво поговорила съ нимъ и отпустила домой.

Въ тотъ же вечеръ Сенатъ получилъ указъ, который соотвѣтствовалъ представленію Маслова, а слѣдовательно, и справедливости.

Алексѣй Ильичъ Мухановъ, впослѣдствіи сенаторъ, былъ при Екатеринѣ оберъ-прокуроромъ перваго департамента, еще молодымъ и неизвѣстнымъ государынѣ.

Сенату поручено было разыскать средства къ умноженію доходовъ. Разсужденія кончились рѣшеніемъ возвысить цѣну на соль. Въ Сенатѣ всѣ были на это согласны, и никто не рѣшался высказаться противъ такой мѣры, такъ какъ всѣ знали, что повелѣніе объ умноженіи доходовъ исходило свыше. Одинъ только Мухановъ подалъ голосъ въ защиту бѣдныхъ, на которыхъ ложилась эта новая тяжесть. Дѣло было оставлено.

Черезъ нѣсколько времени Екатерина приказала генералъ-прокурору князю Вяземскому привести на одинъ изъ ея выходовъ Муханова и стать съ нимъ на извѣстномъ мѣстѣ. Она сказала только, что желаетъ видѣть оберъ-прокурора перваго департамента, не давая замѣтить, что хочетъ его отличить. Между тѣмъ она узнала объ его имени и отчествѣ.

Вяземскій представилъ его:

— Вотъ оберъ-прокуроръ Мухановъ.

— Алексѣй Ильичъ, — сказала императрица, — извините меня, что я васъ до сихъ поръ не знала, тогда какъ вы меня такъ коротко знаете. Скажите, какимъ образомъ вы узнали ходъ моихъ мыслей, мои правила, мое сердце? Въ вашемъ мнѣніи вы изложили точно то, что я думала о моемъ народѣ; вы изложили не свое, а мое мнѣніе. Благодарю, благодарю васъ!

Она сама возложила на Муханова орденъ св. Владиміра 3-й степени и съ этого времени начала его отличать.

Статсъ-секретарь Козицкій, докладывая разъ императрицѣ бумаги, былъ прерванъ шумомъ, раздавшимся въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ придворные вздумали играть въ воланъ, и своимъ крикомъ и смѣхомъ заглушали слова докладчика.

— Не прикажете ли прекратить шумъ? — спросилъ Козицкій государыню.

— Нѣтъ,—отвѣтила она: — мы судимъ здѣсь о дѣлахъ, а тамъ забавляются, зачѣмъ нарушать ихъ удовольствія. Читайте только громче, я буду слушать.

Екатерина II очень любила дѣлать подарки, при чемъ обставляла это такъ, что подарокъ являлся пріятной неожиданностью. Она дарила берестовую табакерку, наполненную червонцами; простой кувшинъ съ драгоцѣннымъ ожерельемъ.

Иногда ея подарки имѣли и обличительный характеръ. Узнавъ, что одинъ изъ сановниковъ очень любитъ выпить, она подарила ему кубокъ съ надписью: «Пей да въ мѣру». Одинъ вельможа поднесъ Екатеринѣ вышитую имъ самимъ подушку; она подарила ему серьги.

Узнавъ про взяточничество одного намѣстника, она послала ему на именины кошелекъ въ аршинъ длиною.

Именинникъ, не зная еще подарка, пожелалъ похвастать передъ гостями милостью государыни; развернулъ при всѣхъ пакетъ и вытащилъ аршинный кошелекъ.

Урокъ оказался очень кстати.

Однажды, выходя изъ кареты, Екатерина увидѣла стараго солдата, стоявшаго на колѣняхъ съ бумагою въ рукѣ.

Императрица велѣла принять бумагу и прочитала ее. Это была жалоба цѣлаго полка, стоявшаго въ Малороссіи, на полкового командира кн. Г.; солдаты жаловались, что онъ не выдаетъ имъ жалованья, моритъ ихъ на работахъ, кормитъ худо и бьетъ нещадно.

Императрица приказала графу Чернышеву тайно развѣдать, точно ли жалоба справедлива, и хорошо содержать присланнаго. Чернышевъ помѣстилъ его въ своемъ домѣ и сталъ производить розыскъ. Между тѣмъ родные кн. Г. узнали о жалобѣ, бросились къ Чернышеву, прося пощадить князя. Чернышевъ затянулъ дѣло, и оно словно забылось. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ гр. Чернышевъ отправилъ солдата въ одинъ изъ сибирскихъ полковъ, и уже самъ пересталъ думать объ этомъ дѣлѣ.

Но о немъ помнила Екатерина.

— Что же, графъ,—спросила она однажды Чернышева,— собраны ли свѣдѣнія по жалобѣ полка?

— Нѣтъ, Ваше Величество, еще не получено полныхъ и вѣрныхъ.

— А присланный изъ полка?

— Живетъ, государыня, у меня въ домѣ во всемъ довольствѣ. Ему идетъ и вино, и пиво; обѣдъ посылаю ему съ моего стола.

— Захаръ,—грозно сказала императрица,—ты лжешь! ты обманываешь меня! я знаю все. Слушай же, Захаръ, начальника полка смѣнить и предать суду; присланнаго немедленно возвратить въ Петербургъ.

Полку было возвращено все законное; присланный унтеръ-офицеръ былъ пожалованъ въ офицеры, и возвратился въ свой полкъ, благословляя имя государыни.

Гнѣвъ императрицы Екатерины II можно было всегда смягчить остроумнымъ отвѣтомъ, а иногда и совершенно обезоружить ее.

Императрица не любила, чтобы ея придворные играли въ разорительныя азартныя игры и знала всѣхъ азартныхъ игроковъ по именамъ. Узнавъ, что у ея статсъ-секретаря Попова по вечерамъ съѣзжаются для большой игры, она спросила его:

— Играете вы въ карты?

— Играемъ, государыня,—отвѣтилъ онъ.

— Въ какія игры?

— И въ ломберъ [1]) играемъ.

— Вашъ ломберъ разорительный,—разсмѣявшись, сказала императрица.

Въ другой разъ она узнала, что генералъ Левашевъ ведетъ азартную игру. При встрѣчѣ она гнѣвно спросила:

— А вы все-таки, несмотря на запрещеніе, продолжаете играть?

— Виноватъ, Ваше Величество, играю иногда и въ коммерческія игры.

Двусмысленный отвѣтъ смягчилъ гнѣвъ императрицы, и она только погрозила пальцемъ.

Императрица Екатерина II во время докладовъ своихъ сановниковъ клала передъ собою табакерку съ портретомъ Петра Великаго.

По этому поводу она говорила:

— Я мысленно спрашиваю это великое изображеніе, что бы онъ повелѣлъ, что бы запретилъ или что бы сдѣлалъ, будучи теперь на моемъ мѣстѣ?

Въ другой разъ Екатерина говорила:

— Въ каждомъ затруднительномъ случаѣ я приказываю искать въ архивахъ, не было ли подобнаго дѣла при императорѣ Петрѣ Великомъ и, найдя таковое, смотрю на его рѣшеніе. Бывало, что его уроки сразу разсѣивали всѣ мои недоумѣнія.

Какъ-то зимою у Екатерины начались головныя боли, и лейбъ-медикъ Рожерсонъ предложилъ ей лѣкарство. Она воспротивилась, сказавши:

---

1) *Ломберъ*—l'ombre—была карточная игра, похожая на пикетъ.

Лѣкарство помѣшаетъ моимъ занятіямъ; довольно и того, что посмотрю на тебя.

Рожерсонъ предложилъ вмѣсто лѣкарства прогулку въ саняхъ. Государыня согласилась, почувствовала облегченіе и провела спокойно ночь, но на другой день головная боль возобновилась. М. С. Перекусихина стала совѣтовать опять ей выѣхать на прогулку.

— Довольно и одного раза, — отвѣтила Екатерина, — а то станутъ говорить, что я катаюсь по улицамъ, что у меня мало дѣла.

Александръ I, узнавъ во время бала о томъ, что армія Наполеона перешла Нѣманъ и вступила на русскую землю, чтобы не помѣшать общему веселью, не показалъ даже признака тревоги и, побывъ на балу минутъ 10, незамѣтно скрылся.

Почти также поступила его великая бабка Екатерина II. Во время шведской войны она въ день маскарада получила очень непріятное извѣстіе. Чтобы не прервать веселія и не огорчить гостей отмѣной праздника, Екатерина II позвала къ себѣ графа Строгонова и сказала ему:

— Я увѣрена, что ты исполнишь все, что я тебѣ прикажу.

— Съ усердіемъ, государыня. Что прикажете?

— Садись же. Подавайте скорѣй! — сказала она слугамъ.

Въ нѣсколько минутъ графа причесали по-дамски и нарядили въ женское платье. Графъ ничего не понималъ.

— Иди теперь въ маскарадъ, — сказала императрица, — дай руку моему кавалеру, сохрани мою походку и представь мою особу.

Графъ повиновался и весь вечеръ представлялъ государыню, которая въ это время усиленно работала у себя въ кабинетѣ.

XVI.

Павелъ I.

(Род. 20 сентября 1754 г. Вступ. на прест. 6 ноября 1796 г. Ум. 11 марта 1801 г.).

Императоръ Павелъ былъ средняго роста, блондинъ, съ свѣтлыми голубыми глазами, съ вздернутымъ носомъ. Одѣвался онъ въ мундиръ прусскаго образца, на головѣ носилъ парикъ съ заплетенной косицей, на ногахъ ботфорты. Въ рукахъ у него всегда была трость. Лицо его, когда озарялось улыбкою, было прекрасно; взглядъ былъ полонъ доброты,

но глаза темнѣли, и лицо омрачалось, когда онъ бывалъ въ гнѣвѣ. Характеромъ онъ былъ очень вспыльчивъ, но и отходчивъ, и всегда былъ радъ, если ему удавалось загладить сдѣланную въ минуту вспышки несправедливость. Онъ былъ очень щедръ и любилъ дѣлать подарки, но также былъ скоръ и на расправы.

Глубоко почитая Петра Великаго, своего отца Петра III и прусскаго короля Фридриха Великаго, Павелъ закалилъ себя и велъ суровый образъ въ противоположность изнѣженной жизни двора Екатерины II. Онъ преслѣдовалъ всякую роскошь, всякую изнѣженность и требовалъ отъ всѣхъ

Императоръ Павелъ I.

окружающихъ строгаго исполненія своего долга, стараясь во всемъ подавать личный примѣръ.

Императоръ Павелъ Петровичъ вставалъ въ пять часовъ утра, умывался и вытиралъ лицо льдомъ. Въ шесть часовъ онъ принималъ сановниковъ съ докладами, оканчивая аудіенцію въ восемь часовъ, и тотчасъ ѣхалъ на плацъ-парадъ. Окончивъ смотры, онъ въ 12 пріѣзжалъ во дворецъ и обѣдалъ въ кругу своей семьи. Послѣ обѣда отдыхалъ одинъ часъ и отправлялся на прогулку по городу, стараясь увидѣть какъ можно больше. Послѣ прогулки во дворцѣ устраивалось вечернее собраніе изъ семьи и близкихъ лицъ, на которомъ императрица разливала чай. Спать императоръ ложился въ 8 или 9 часовъ, и тогда во всемъ городѣ гасили огни.

Лѣто онъ проводилъ въ любимыхъ своихъ Гатчинѣ или въ Павловскѣ, гдѣ точно такъ же занимался смотрами и маневрами, не пользуясь никакими забавами и развлеченіями.

Петербургскій ген.-губернаторъ Архаровъ задолжалъ одному купцу 12.000 руб. и не отдавалъ ихъ, несмотря ни на какія просьбы. Купецъ рѣшился на послѣднее средство и на одномъ изъ плацъ-парадовъ подалъ на Архарова жалобу лично императору Павлу, подлѣ котораго находился и Архаровъ. Павелъ взглянулъ на бумагу и сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Что это у меня сегодня глаза словно запорошило: читать не могу. Николай Петровичъ!—обратился онъ къ Архарову,—прочти, сдѣлай милость.

Архаровъ началъ читать, но, увидя, что это за жалоба, понизилъ голосъ до шопота, чтобы не слыхали другія лица свиты.

— Не слышу,—сказалъ Павелъ,—читай громче.

Архаровъ возвысилъ голосъ.

— Громче! еще громче!—говорилъ Павелъ.

Архаровъ принужденъ былъ читать во весь голосъ, что онъ не только не платитъ долга, но приказываетъ несчастнаго купца гнать въ шею изъ своей прихожей.

— Что это?—сказалъ Павелъ удивленно,—неужто это на тебя, Николай Петровичъ, жалоба?

Архаровъ смутился и откровенно покаялся. Гнѣвъ императора смягчился. Архаровъ уже былъ наказанъ пережитымъ стыдомъ.

— Заплати немедленно,—сказалъ ему государь,—а вечеромъ пріѣзжай ко мнѣ и разскажи, остался ли доволенъ твой купецъ.

Архаровъ принужденъ былъ заплатить весь долгъ.

Изгоняя роскошь, императоръ Павелъ назначилъ даже число блюдъ за обѣдомъ для каждаго сословья. Знаменитый, впослѣдствіи герой, Яковъ Петровичъ Кульневъ служилъ въ то время въ сумскихъ гусарахъ и не имѣлъ почти никакихъ средствъ. Павелъ однажды спросилъ его:

— Господинъ майоръ, сколько у васъ за обѣдомъ подаютъ кушаньевъ?

— Три, Ваше Величество,—отвѣтилъ Кульневъ.

— А позвольте спросить, какія это кушанья, г. майоръ?

— Курица плашмя, курица ребромъ и курица бокомъ!—отвѣтилъ Кульневъ.

Павелъ расхохотался.

— Благодарю васъ. Вы настоящій солдатъ.

Одинъ изъ камергеровъ при дворѣ Екатерины позволилъ себѣ осуждать поступки наслѣдника цесаревича Павла Петровича.

Ему разсказали объ этомъ, и камергеръ узналъ про то, что Павлу извѣстна его болтовня.

Когда Павелъ вступилъ на престолъ, камергеръ чувствовалъ себя очень неловко и старался всегда при выходахъ не попадаться на глаза царю, для чего прятался за спины другихъ.

Государь замѣтилъ это и однажды подозвалъ его къ себѣ.

Камергеръ подошелъ ни живъ, ни мертвъ.

— Почему вы такъ старательно прячетесь отъ меня?— сказалъ Павелъ и, улыбнувшись, прибавилъ:—Повѣрьте, что все, что зналъ и слышалъ великій князь, никогда не будетъ сказано императору.

Разъ при разводѣ императоръ Павелъ, разсердившись на одного гвардейскаго поручика, закричалъ:

— Въ армію его, въ гарнизонъ!

Исполнители подбѣжали къ провинившемуся, чтобы вывести его изъ строя. Бѣдный поручикъ въ отчаяньѣ закричалъ:

— Изъ гвардіи въ гарнизонъ? Ну, ужъ это не резонъ!

Павелъ расхохотался.

— Мнѣ это понравилось, господинъ поручикъ. Прощаю васъ, господинъ капитанъ!

Когда императоръ Павелъ послѣ обѣда въ Гатчинѣ засыпалъ на балконѣ въ креслѣ, все замирало.

Однажды молодой пажъ пробрался въ эту пору къ окнамъ молодыхъ фрейлинъ и сталъ шутить съ ними, а затѣмъ, расшалившись, во весь голосъ закричалъ: «Слу-шай!»

Весь дворецъ встрепенулся, Павелъ проснулся въ гнѣвѣ и позвалъ коменданта:

— Кто кричалъ «слушай»?

— Не могу знать...

— Найди его!..

Пажъ убѣжалъ, фрейлины спрятались, виновный не находился, комендантъ метался въ отчаяньѣ, а Павелъ приходилъ въ раздраженіе.

Всѣ были охвачены ужасомъ. Наконецъ комендантъ бросился въ караулъ къ солдатамъ:

— Братцы, — взмолился онъ, — выручите! Возьми ктонибудь вину на себя. Озолочу!

Одинъ изъ солдатъ согласился взять на себя вину, и комендантъ тотчасъ потащилъ его къ разгнѣванному царю. Павелъ грозно поглядѣлъ на него.

— Это ты закричалъ «слушай»?—спросилъ онъ.

— Виноватъ, Ваше Величество! я закричалъ.

— Славный у тебя голосъ. Выдать ему 50 рублей...

Приговоры и рѣшенія императора Павла были всегда быстры и очень часто удивляли своей оригинальностью.

Одинъ гусарскій ротмистръ пришелъ разъ въ маленькое мѣстечко на дневку, сдѣлалъ необходимыя распоряженія и, плотно пообѣдавъ, засѣлъ съ мѣстными богачами за карты. Во время игры ему доложили, что пришелъ вахмистръ.

— Позвать его сюда,—сказалъ ротмистръ, не желая выходить изъ-за карточнаго стола.

Вахмистръ вошелъ.

— Ну, что?—спросилъ ротмистръ.

— Сѣно нашелъ, ваше высокоблагородіе,—доложилъ вахмистръ,—но жидъ не отдаетъ дешевле, какъ 40 к. за пудъ.

— Ахъ, онъ канальн! Взять у другихъ жидовъ по 20 коп., дороже не давать.

— Ни у кого, окромя его, сѣна нѣтъ.

— Иди и прикажи ему поставить сѣно по справочной цѣнѣ,—приказалъ ротмистръ и углубился въ игру.

— Не послушаетъ онъ,—сказалъ вахмистръ. Ротмистръ, не подумавъ, отвѣтилъ:

— Тогда повѣсь его. Ступай!

— Слушаю-съ!

Вахмистръ ушелъ, игра продолжалась. Прошло съ часъ времени, снова пришелъ вахмистръ, и ротмистръ опять позвалъ его въ комнату.

— Ну, что?

— Такъ что все сдѣлалъ, ваше высокоблагородіе,—отвѣтилъ вахмистръ.

— Сѣно досталъ?

— Такъ точно.

— Жидъ согласился?

— Никакъ нѣтъ.

— Что же ты?

— Повѣсилъ его. Еще дрыгаетъ,—доложилъ вахмистръ.

Ротмистръ въ ужасѣ выронилъ карты.

— Что ты сдѣлалъ!—закричалъ онъ.

— Такъ изволили приказать,—отвѣтилъ вахмистръ.

Ротмистръ выскочилъ изъ-за стола, и еврея успѣли вынуть изъ петли и привести въ чувство. Все-таки случай этотъ дошелъ до командира, тотъ не рѣшился скрыть его, и

о немъ узналъ Павелъ, который тутъ же, немедля, написалъ резолюцію:

«Ротмистра N за глупыя и незаконныя приказанія разжаловать въ рядовые, вахмистра X произвести въ ротмистры за отличную службу. Разжалованнаго въ рядовые N произвести въ маіоры за введеніе во ввѣренную ему команду такой отличной службы, что и глупыя его приказанія исполняются немедленно».

Однажды императоръ Павелъ задумалъ маневры въ Павловскѣ. Шуточную крѣпость Бипъ онъ приказалъ командиру не сдавать до 12-ти часовъ дня; самъ же съ отрядомъ долженъ былъ штурмовать ее.

Въ назначенный день, какъ нарочно, полилъ дождь. Государь подошелъ со своимъ отрядомъ къ крѣпости въ половинѣ одиннадцатаго часа и приказалъ поскорѣе впустить его въ крѣпость, но комендантъ заперъ ворота и не пустилъ. Государь послалъ адъютанта со вторичнымъ приказомъ, но комендантъ даже не впустилъ адъютанта, и только ровно въ 12 часовъ открылись ворота. Государь былъ на дождѣ $1^1/_2$ часа и страшно разсердился. Комендантъ вышелъ ему навстрѣчу и въ отвѣтъ на гнѣвныя рѣчи показалъ приказъ.

— Отлично, сударь,—сказалъ Павелъ,—за точное исполненіе моего приказа жалую васъ въ генералъ-маіоры, а за то, что вы заставили своего государя мокнуть подъ дождемъ, извольте и сами помокнуть $1^1/_2$ часа!

Коменданта продержали подъ дождемъ $1^1/_2$ часа.

Въ окрестностяхъ Петербурга въ присутствіи императора Павла производились большіе маневры. Государь послалъ своего ординардца Рибопьера съ приказаніемъ къ начальнику отряда. Рибопьеръ плохо разслышалъ отрывистыя слова императора и не понялъ приказанія. Отъѣхавъ отъ государя въ карьеръ, онъ пришелъ въ отчаянье и поѣхалъ шагомъ, а потомъ слѣзъ съ коня и сталъ думать, какъ ему выпутаться.

Въ это время къ нему незамѣтно подъѣхалъ государь.

— Передалъ приказаніе?—спросилъ онъ.

— Я убитъ съ батареи, — произнесъ въ отчаяньѣ Рибопьеръ.

Павелъ улыбнулся.

— Ступай во фронтъ. Впередъ наука!

Нѣкій Лузинъ, отставной кригсъ-комиссаръ, послалъ всѣмъ и во всѣ учрежденія прошенія о пособіи. Вездѣ получая отказы, онъ выждалъ однажды императора Павла на прогулкѣ и подалъ ему прошеніе. Государь, вернувшись во дворецъ, приказалъ адъютанту прочесть поданное ему прошеніе, и адъютантъ прочелъ:

Уму Умовичу,
Павлу Петровичу!
Твой кригсъ-комиссаръ.
Лузинъ Иванъ
Бьетъ въ барабанъ—
Трамъ-тамъ-тамъ!
Пишетъ тебѣ Лузинъ,
Яко мужъ неискусенъ,
Истощая ума крошки,
Проситъ отъ твоихъ щедротъ грошки.

Павелъ взялъ прошеніе и написалъ на немъ: «Выдать ему, дураку, двѣ тысячи рублей».

Однажды во время своихъ ежедневныхъ прогулокъ по Петербургу императоръ Павелъ встрѣтилъ офицера, за которымъ солдатъ несъ шпагу и шубу. Государь остановилъ ихъ и спросилъ солдата:

— Чью ты несешь шпагу и шубу?

— Моего начальника, прапорщика NN,—отвѣчалъ солдатъ, указывая на офицера.

— Прапорщика? — сказалъ государь съ изумленіемъ,— такъ поэтому ему стало-быть слишкомъ трудно носить свою шпагу, и она ему наскучила. Такъ надѣнь-ка ты ее на себя, а ему отдай свой штыкъ съ портупеей, которые будутъ для него полегче и поспокойнѣе.

Такимъ образомъ, государь разомъ пожаловалъ солдата въ офицеры, а офицера разжаловалъ въ солдаты. Примѣръ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ войскахъ, и офицеры начали строго держаться формы. Черезъ нѣсколько недѣль государь смилостивился надъ несчастнымъ прапорщикомъ и возвратилъ ему чинъ.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Павла, одинъ молодой гвардейскій сержантъ Чулковъ находился на разводѣ. Онъ былъ очень строенъ и красивъ, и на немъ былъ надѣтъ, по прежнему обыкновенію, сшитый изъ тонкаго сукна мундиръ. Чулковъ стоялъ по чину своему на краю шеренги. Императоръ, обходя разводъ, поравнялся съ

Чулковымъ, осмотрѣлъ его съ головы до ногъ, полюбовался его фигурою и, поглаживая на рукавѣ его сукно, началъ говорить:

— Какое прекрасное суконце? Небось, оно не дешево куплено? Почемъ заплатилъ ты за аршинъ?

— По шести рублей, Ваше Величество,—отвѣчалъ Чулковъ.

— О! Поэтому весь мундиръ тебѣ дорогонько обошелся; а, небось, одного мундира на годъ мало?

— Конечно мало, Ваше Величество, мундира два надобно.

— Прибавь къ тому и третій, хоть подносокъ. Но сколько за тобою, другъ мой, душъ?

— Сорокъ.

— Сорокъ только! Ну жалокъ же ты мнѣ. Какъ ты, бѣдненькій, еще пробиваешься.

Сказавъ это, государь пошелъ дальше. Чулковъ догадался, къ чему клонилась рѣчь государя, такъ какъ зналъ, что Павелъ любилъ во всемъ простоту и преслѣдовалъ роскошь.

Онъ отправился прямо съ развода къ портному и заказалъ ему мундиръ изъ самаго толстаго солдатскаго сукна. Мундиръ былъ сшитъ въ одну ночь и на другой день Чулковъ уже находился опять на разводѣ въ новомъ костюмѣ и ждалъ, что государь, проходя, обратитъ на него свое вниманіе. Такъ и случилось. Павелъ замѣтилъ грубый мундиръ Чулкова, подошелъ къ нему, потрепалъ по плечу и сказалъ:

— Ну, спасибо, что ты такъ примѣчателенъ и такъ скоро постарался сдѣлать мнѣ угодное. За такое твое вниманіе и стараніе мнѣ угодить хочу я и тебѣ сдѣлать такое же удовольствіе, какое ты сдѣлалъ мнѣ своимъ поступкомъ: поздравляю тебя съ сего числа офицеромъ гвардіи. Приди ко мнѣ во дворецъ, и я украшу твой новый мундиръ орденомъ.

Въ тотъ же день Чулковъ, дѣйствительно, получилъ орденъ св. Анны 3-й степени.

Императоръ Павелъ оказалъ милость восьми заключеннымъ въ тюрьму, даровавъ имъ свободу, о чемъ далъ именной указъ оберъ-прокурору П. А. Ермолову.

Ермоловъ замѣшкался съ исполненіемъ указа и освободилъ помилованныхъ только на 9-ый день.

Императоръ узналъ объ этомъ и страшно разгнѣвался. Въ тотъ же день онъ написалъ приказъ: «Въ виду небреженія оберъ-прокурора Ермолова, послѣдствіемъ чего подъ стражею и въ неволѣ освобожденные мною просидѣли напрасно 8 дней, то ему—небрежителю—должно заплатить

каждому тою же монетою и такимъ способомъ узнать, каково-то всякому пріятно».

Ермоловъ былъ немедля заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и просидѣлъ 64 дня.

Во время одного изъ своихъ путешествій Павелъ, подъѣзжая къ Минску, увидѣлъ на пыльной дорогѣ стоящихъ на колѣняхъ молодого человѣка и дѣвушку. Императоръ тотчасъ приказалъ ямщику остановиться и, выйдя изъ экипажа, подошелъ къ молодой парѣ.

— Кто вы такія и что вамъ нужно?—спросилъ онъ.

Они, перебивая другъ друга, поспѣшили объяснить свое дѣло.

Они любятъ другъ друга, но молодой человѣкъ бѣденъ, а родители дѣвушки богаты и знатны, почему и отказываются дать согласіе.

— Все спасеніе и вся надежда на Ваше Величество!—окончилъ молодой человѣкъ. Молодые люди снова опустились на колѣна.

Павелъ засмѣялся.

— Хорошо, я буду твоимъ сватомъ!—сказалъ онъ и, едва пріѣхалъ въ Минскъ, какъ послалъ своего адъютанта съ письмомъ къ несговорчивымъ родителямъ, прося у нихъ для молодого человѣка руку дѣвушки.

Понятно, отказать такому свату было невозможно.

Одинъ изъ придворныхъ офиціантовъ за пустую провинность былъ сосланъ императоромъ Павломъ въ минуту гнѣва въ Сибирь. Спустя недѣлю за несчастнаго сталъ хлопотать Л. А. Нарышкинъ и, увидѣвъ, что гнѣвъ императора давно миновалъ, лично на свой страхъ вернулъ офиціанта.

И вотъ однажды къ концу обѣда обычный десертъ и кофе выноситъ старикъ офиціантъ.

Павелъ радостно улыбнулся и протянулъ руку Нарышкину:

— Тебѣ обязанъ я этимъ прекраснымъ десертомъ, — сказалъ онъ съ чувствомъ.

— Прости, старикъ, я погорячился! — сказалъ онъ офиціанту и послѣ щедро наградилъ его.

Разъ императоръ Павелъ заѣхалъ въ кадетскій корпусъ. Онъ былъ въ хорошемъ настроеніи, шутилъ съ кадетами и позволялъ имъ всякія вольности. Между прочимъ онъ шутливо спрашивалъ каждаго, кѣмъ бы онъ хотѣлъ быть, когда выростетъ.

— Ну, а ты кѣмъ? — спросилъ онъ у кадетика младшаго отдѣленія.

— Государемъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Не совѣтую, братъ, тяжелое ремесло. Иди лучше въ гусары. Я запишу,—сказалъ, улыбаясь, Павелъ.

— Нѣтъ, хочу быть государемъ,—повторилъ кадетъ.

Императоръ ужъ нахмурился.

— Почему тебѣ такъ хочется этого? — строго спросилъ онъ.

— Я бы привезъ въ Петербургъ папу и маму.

— А гдѣ твой папа?

— Въ украинскомъ гарнизонѣ.

Лицо Павла сзарилось улыбкою.

— Ну, это можно сдѣлать, если ты и не будешь государемъ,— проговорилъ онъ ласково.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и къ кадетику пріѣхали родные, отецъ и мать, благословляющіе императора. Оказалось, Павелъ тотчасъ распорядился перевести отца изъ украинскаго гарнизона въ Петербургъ въ сенатскій полкъ и выдать ему на подъемъ и обмундировку 1.000 рублей.

Проѣзжая разъ мимо гауптвахты, императоръ Павелъ замѣтилъ какой-то непорядокъ въ выстроившемся караулѣ.

Павелъ Петровичъ подскакалъ къ караулу и произнесъ:

— Подъ арестъ!

— Прикажите сначала смѣнить караулъ, а потомъ арестуйте,— отвѣтилъ офицеръ.

Дѣйствительно, приказъ императора противорѣчилъ уставу.

— Твоя фамилія?

— Подпоручикъ Васильевъ,—отвѣтилъ офицеръ.

— Браво, поручикъ, — сказалъ государь и, уже улыбающійся, поѣхалъ дальше.

Императоръ производилъ смотръ одному изъ конныхъ полковъ. Майоръ Фрейгентъ опоздалъ на ученіе и, когда прискакалъ, императоръ такъ грозно поглядѣлъ на него, что майоръ, просидѣвъ минуты полторы съ спущеннымъ палашемъ, вдругъ свалился съ сѣдла, пораженный нервнымъ ударомъ.

Государь приказалъ ежедневно докладывать ему о состояніи здоровья майора и, когда тотъ оправился, вызвалъ его къ себѣ.

Подавъ ему руку и усадивъ въ кресло, государь ласково заговорилъ съ нимъ по-нѣмецки:

— Человѣкъ ли я?

— О, да! — отвѣтилъ майоръ.

— Тогда я могу ошибиться. Человѣкъ ли вы?

— Человѣкъ, Ваше Величество.

— Тогда вы должны умѣть прощать! — и Павелъ обнялъ осчастливленнаго майора.

XVII.

Императоръ Александръ I.

(Род. 12 декабря 1777 г. Вступ. на престолъ 12 марта 1801 г. Ум. 19 ноября 1825 г.).

Императоръ Александръ I внѣшностью своею былъ совершенный красавецъ, при этомъ онъ обладалъ такими обворожительными манерами, былъ такъ любезенъ, что буквально очаровывалъ всѣхъ видѣвшихъ его. При дворѣ Екатерины II-й его звали всѣ «нашъ ангелъ». Онъ былъ высокъ, строенъ и гибокъ. Свѣтлые волосы курчавились на его головѣ; голубые глаза его, казалось, испускали лучи; тонкія черты и изящный профиль дѣлали лицо его прекраснымъ. Обворожительная улыбка производила чарующее впечатлѣніе. Въ Александрѣ Павловичѣ сила и энергія удивительно сочетались съ женственностью.

Такимъ онъ сохранился почти до конца жизни. Только со временемъ онъ нѣсколько потучнѣлъ, и въ его прекрасныхъ глазахъ чаще видѣлась скорбь, нежели веселость. Улыбка также уже рѣдко освѣщала его лицо.

Вступивъ на престолъ и весь отдавшись внутреннимъ преобразованіямъ, государь любилъ въ досуги предаваться веселости, а потому во дворцѣ часто устраивались балы, маскарады и придворные спектакли. Жилъ въ то время государь въ Зимнемъ дворцѣ. Пріученный съ дѣтства, онъ вставалъ въ 7—8 часовъ утра и, слегка закусивъ, тотчасъ принималъ доклады и занимался съ министрами до 10 часовъ. Послѣ этого онъ ѣхалъ на разводъ, каждый день назначая смотръ какой-нибудь части. Возвратясь, онъ завтракалъ и ѣхалъ кататься, посѣщая по дорогѣ или казармы, или кадетскій корпусъ, или институтъ. Возвратясь во дворецъ въ 3 часа, онъ обѣдалъ въ обществѣ жены и нѣсколькихъ придворныхъ, затѣмъ занимался дѣлами у себя въ кабинетѣ и въ 9 часовъ вечера позволялъ себѣ отдыхъ и развлеченія.

Ѣлъ государь всегда очень умѣренно и почти совсѣмъ не употреблялъ вина.

Императоръ Александръ I.

Лѣто обыкновенно онъ проводилъ на своемъ любимомъ Каменномъ островѣ. Во время его пребыванія паркъ и Нева оживали. Въ паркѣ играла музыка и гуляла публика, для которой входъ былъ всегда открытъ. По Невѣ мимо дворца катались на лодкахъ. Государь всегда обѣдалъ на открытомъ балконѣ и нерѣдко устраивалъ для народа гулянія и фейерверкъ.

Борьба съ Наполеономъ измѣнила всю жизнь государя. Послѣ первыхъ походовъ онъ уже возвратился домой, утративъ часть своей жизнерадостности. По окончаніи же борьбы съ Наполеономъ онъ уже совершенно измѣнился. Государь избѣгалъ веселья и сталъ искать утѣшенія въ религіи. Прежде набожный, онъ сдѣлался богомольнымъ, посѣщалъ монастыри и любилъ бесѣдовать со старцами и схимниками. Есть преданіе, что онъ посѣтилъ Серафима Саровскаго.

Во время поѣздокъ Александръ I былъ до крайности не требователенъ въ отношеніи личныхъ удобствъ, и до конца жизни сохранилъ свои походныя привычки.

Мѣстомъ своего пребыванія онъ избралъ Царское Село, но жилъ тамъ рѣдко, проводя почти все время въ путешествіяхъ по Россіи. Со времени возвращенія изъ Парижа до своей кончины онъ большую часть времени проводилъ въ своей походной коляскѣ, сдѣлавъ въ ней слишкомъ 200.000 верстъ по нашимъ, почти непроѣзднымъ въ то время, дорогамъ.

Въ 1807 году, во время пребыванія своего въ Вильнѣ, императоръ Александръ I поѣхалъ, однажды, гулять верхомъ за городъ и, опередивъ свою свиту, замѣтилъ на берегу рѣки Вилейки нѣсколько человѣкъ крестьянъ, которые что-то тащили изъ воды.

Приблизившись къ толпѣ, государь увидѣлъ утопленника. Крестьяне приняли царя за простого офицера и обратились къ нему за совѣтомъ, что дѣлать. Александръ сейчасъ же соскочилъ съ лошади, помогъ имъ раздѣть несчастнаго и началъ самъ тереть ему виски, руки и подошвы.

Вскорѣ подоспѣла свита государя, среди которой находился и лейбъ-медикъ Виллье.

Послѣдній хотѣлъ пустить кровь, но кровь не пошла. Александръ продолжалъ тереть утопленника, но тотъ не подавалъ ни малѣйшаго признака жизни. Послѣ усилій, продолжавшихся болѣе двухъ часовъ, Виллье, къ величайшему огорченію государя, объявилъ, что всѣ дальнѣйшія старанія возвратить утопленника къ жизни будутъ напрасны. Александръ просилъ Виллье попробовать еще разъ пустить кровь. Лейбъ-медикъ исполнилъ настоятельное желаніе монарха. Къ удивленію всѣхъ, кровь медленно потекла, и несчастный тяжело вздохнулъ.

Императоръ прослезился отъ радости и умиленія и сказалъ:

— Боже мой! Эта минута—счастливѣйшая въ моей жизни!

Виллье старался удержать кровь, которой вытекло уже довольно. Государь разорвалъ свой платокъ, перевязалъ руку больного и оставилъ его не прежде, чѣмъ убѣдившись, что онъ внѣ опасности. По приказанію Александра, бѣднякъ былъ перенесенъ въ городъ, гдѣ императоръ не переставалъ заботиться о немъ и по выздоровленіи далъ ему средства къ безбѣдному существованію.

Лондонское королевское общество для спасенія мнимо-умершихъ, узнавъ о такомъ человѣколюбивомъ поступкѣ императора, поднесло ему дипломъ на званіе своего почетнаго члена и золотую медаль, на одной сторонѣ которой былъ изображенъ ребенокъ, вздувающій только что погашенную свѣчу съ надписью: «Latet scintitta forsan» (можетъ быть искра скрывается), а внизу: „Soc. Lond. in resuscitationem inter mortuorum instit. 1774». (Лондонское общество, учрежденное въ 1774 г., для возвращенія къ жизни мнимо-умершихъ). На другой сторонѣ медали былъ выбитъ дубовый вѣнокъ съ надписью посрединѣ: «Alexandro imperatori societas regia humana humillime donat» (Императору Александру человѣколюбивое королевское общество усерднѣйше приноситъ).

Князь П. А. Зубовъ, оказавшій императору Александру, при его воцареніи, важныя услуги, просилъ государя исполнить одну просьбу, не объясняя, въ чемъ она заключается. Государь далъ слово. Тогда Зубовъ представилъ ему къ подписи заранѣе изготовленный указъ о прощеніи и опредѣленіи на должность генералъ-майора Арбенева, который былъ виновенъ въ томъ, что въ итальянскую кампанію 1799 г. скрылся отъ своего полка во время сраженія. Императоръ поморщился, однако, подписалъ: «Принять вновь на службу».

Черезъ минуту, подойдя къ Зубову, онъ началъ просить его также выполнить одну его просьбу. Зубовъ выразилъ готовность исполнить безпрекословно все, что прикажетъ государь. Тогда Александръ сказалъ ему:

— Пожалуйста, разорви подписанный мною указъ.

Зубовъ растерялся, покраснѣлъ, но, — дѣлать нечего, — разорваль бумагу.

Трощинскій представилъ Александру I проэктъ манифеста, начинавшійся словами:

«По сродному намъ къ вѣрноподданнымъ нашимъ милосердію».

Государь зачеркнулъ эту фразу и сказалъ:

— Пусть народъ это думаетъ и говоритъ. Мы должны объ этомъ заботиться, но никакъ этимъ не хвастать.

Доброта и деликатность Александра I были исключительными.

Въ 1810 г. онъ пожаловалъ оберъ-камергеру Нарышкину Андреевскую звѣзду, украшенную брильянтами, стоимостью въ 30.000 руб. Находившійся всегда въ долгахъ, постоянно нуждающійся, Нарышкинъ лишь только представился государю въ пожалованной звѣздѣ, на другой день уже заложилъ ее.

Случилось, что тутъ же вскорости во дворцѣ былъ назначенъ балъ.

Нарышкинъ не имѣлъ возможности выкупить орденъ, а долженъ былъ явиться на балъ непремѣнно съ нимъ. Не зная, что дѣлать, онъ обратился къ личному камердинеру государя съ просьбою одолжить ему одну изъ андреевскихъ звѣздъ съ царскаго мундира. Послѣ долгихъ упрашиваній камердинеръ, наконецъ, согласился, и Нарышкинъ явился на балъ съ Андреевской звѣздой, какъ было надо.

Государь случайно взглянулъ на грудь Нарышкина и удивился, узнавъ на немъ знакомую ему звѣзду.

— Вотъ странность, — сказалъ онъ ему, — у тебя точно такая же звѣзда, какую мнѣ сдѣлалъ ювелиръ. Этотъ камень я особенно помню,—и онъ указалъ на одинъ изъ брильянтовъ.

Нарышкинъ увидѣлъ, что попался, и чистосердечно признался царю въ своей продѣлкѣ, прося помиловать камердинера. Государю понравилось его признанье.

— Хорошо, я прощаю и тебѣ, и ему этотъ поступокъ. Звѣзду оставь у себя, потому что я носить ее не буду; только, пожалуйста, не заимствуй больше вещей изъ моего гардероба.

При проѣздѣ императора Александра Павловича черезъ городъ Воронежъ государю представлялись всѣ уѣздные предводители. Между ними находился почтенный старикъ, павловскій уѣздный предводитель Клыковъ. Онъ былъ въ мундирѣ временъ Павла, рѣзко отличавшемся отъ другихъ дворянскихъ мундировъ. Государь, подошедши къ нему, спросилъ:

— Это мундиръ моего отца?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество,—наивно отвѣчалъ Клыковъ.—Это собственный мой.

Государь улыбнулся.

Проѣздомъ въ Кіевъ черезъ какое-то село государь Александръ Павловичъ зашелъ въ волостное правленіе: тамъ въ полуденную пору никого не было, только сторожъ дремалъ въ уголкѣ.

Александръ Павловичъ присѣлъ въ избѣ.

Вдругъ является голова, узнавъ что, какой-то офицеръ зашелъ въ сборную избу. Слухи носились въ ихъ селѣ, что надо ждать самого государя въ ихъ мѣстахъ. Голова пришелъ съ мыслью: не удастся ли чего провѣдать объ этомъ отъ проѣзжаго.

Въ избѣ голова увидѣлъ простого на видъ офицера въ темномъ сюртукѣ, покрытомъ дорожною пылью. Рѣшивъ, что это какой-нибудь «невиличкій полупанокъ», голова пріосанился и спросилъ:

— А какое дѣло требуется у насъ?

— А ты кто такой?—спросилъ Александръ Павловичъ, улыбаясь,—вѣроятно десятскій?

— Бери выше!—отвѣчалъ начальникъ волости.

— Кто жъ ты, сотскій?

— Бери выше!

— Писарь?

— Бери выше!

— Голова?

— А може буде и такъ,—съ довольной улыбкой отвѣтилъ голова и заложилъ руки за кушакъ, а затѣмъ сталъ спрашивать:

— А ты, пане, кто такой? поручикъ?

— Бери выше!—отвѣтилъ государь.

— Капитанъ?

— Бери выше!

— Полковникъ?—и голова при этихъ словахъ опустилъ руки по швамъ.

— Бери выше!

— Батечко! такъ оце жъ-то ты нашъ восточный царь!—завопилъ вдругъ голова отчаяннымъ голосомъ.—О, прости жъ, твое царское величество, меня, дурня стараго,—и бросился къ ногамъ государя.

Въ 1817 г. императоръ Александръ I прибылъ въ Черниговъ. Губернаторомъ въ то время тамъ былъ А. П. Бутовичъ, человѣкъ необыкновенно добродушный, доступный, простой. Говорилъ онъ на мѣстномъ нарѣчіи и носилъ внѣ службы малороссійскія рубахи, подпоясываясь простымъ поясомъ. Во время общаго представленія государю начальствующихъ лицъ, императоръ обратился къ Бутовичу съ вопросомъ:

— Какъ же у васъ въ губерніи идутъ дѣла?

— То такъ, то сякъ, Ваше Императорское Величество!

Государь, не удовлетворившись такимъ отвѣтомъ и думая, что Бутовичъ не понялъ вопроса, переспросилъ его:

— Что у васъ здѣсь дѣлается?

— То тѣе, то сѣе, Ваше Величество, —отвѣтилъ Бутовичъ и подалъ всеподданнѣйшій рапортъ о состояніи губерніи и проч.

Государь, сочтя губернатора за великаго чудака, обратился къ другимъ лицамъ губерніи.

— Чѣмъ вы въ Черниговѣ ведете торговлю? — спросилъ государь городского голову Гриба.

Голова, слыша отвѣты Бутовича и считая ихъ совершенствомъ краснорѣчія, отвѣтилъ:

— То тымъ, то сымъ, Ваше Величество!

Государь окончилъ свои разспросы, принявъ Бутовича и Гриба почти за дураковъ. Однако, прочтя потомъ рапортъ Бутовича, императоръ увидѣлъ, что этотъ простякъ очень дѣльный человѣкъ, и вскорѣ перевелъ его въ Витебскую губернію, гдѣ необходимъ былъ энергичный и добросовѣстный администраторъ для искорененія безпорядковъ.

Осенью 1820 года въ Петербургѣ появился одинъ чудакъ. И въ хорошую погоду, и въ дождь, и вѣтеръ съ утра до сумерекъ онъ неустанно бродилъ вокругъ памятника Петра Великаго и что-то бормоталъ, взмахивая руками.

Полицейскіе отгоняли его, но онъ возвращался на мѣсто. Вскорѣ въ городѣ уже всѣ говорили о чудакѣ, а затѣмъ и государь, раза два, случайно, проѣздомъ, обратилъ на него вниманіе.

— Что это тамъ за человѣкъ?—сказалъ онъ оберъ-полиціймейстеру.—Ежели безумный, надо убрать. Узнай!

Чудака уже не отгоняли, а прямо взяли въ кварталъ. Онъ оказался разореннымъ тяжбою дворяниномъ-помѣщикомъ. Больше отъ него добиться нельзя было ничего. Относительно же своего страннаго поведенія онъ заявилъ, что только одному царю онъ можетъ сообщить это.

Полиціймейстеръ не смѣлъ скрыть этихъ словъ отъ государя, и тотъ сказалъ:

— Приведи его ко мнѣ, когда я буду на разводѣ.

Разводъ кончился. Оберъ-полиціймейстеръ подвелъ къ государю одѣтаго въ зипунѣ, взлохмаченнаго съ растеряннымъ взглядомъ человѣка.

— Кто ты?—спросилъ его государь.

— Симбирскій помѣщикъ Мартынъ Лукьяновъ, разоренный черезъ земскій судъ своимъ богатымъ сосѣдомъ,—отвѣтилъ тотъ быстро.

— Зачѣмъ ты здѣсь?

— Десять лѣтъ уже тутъ и весь прожился.

— Что тутъ дѣлаешь?

— А вотъ хожу около памятника и думаю, какой Великій государь былъ Петръ. Все видѣлъ.

Государь нахмурился.

— Что ты болтаешь? что видѣлъ?

— А вотъ онъ сидитъ и сейчасъ на конѣ и одной рукой на Сенатъ показываетъ, а другой на Неву. А что это значитъ?

— Что?

— А значитъ это безъ словъ: «Кто имѣетъ дѣло въ Сенатѣ, тотъ бросайся въ Неву!»—отвѣтилъ разоренный.—Десять лѣтъ уже какъ я подалъ жалобу Сенату на неправедный судъ и до сихъ поръ не вижу рѣшенія. Померла жена, весь разорился, дѣти одни въ Симбирскѣ, а я самъ безъ хлѣба. Смилуйся, государь!—и несчастный упалъ передъ царемъ на колѣна.

— Встань, я твое дѣло велю разсмотрѣть!—сказалъ царь.

Дѣло было разсмотрѣно и рѣшено въ пользу обиженнаго въ одну недѣлю.

Государь по этому поводу съ грустью сказалъ:

— Всѣ обвиненія въ несправедливостяхъ падаютъ на меня, я узнаю о правдѣ только стороною и то случайно.

Во время послѣдняго пребыванія Александра Павловича въ Таганрогѣ онъ часто гулялъ пѣшкомъ въ окрестностяхъ города.

Однажды государь отправился по дорогѣ, идущей ко взморью, и зашелъ версты за четыре отъ города. Вдругъ съ моря налетѣла туча и полилъ дождь. Государь былъ безъ галошъ. Ему пришлось въ обыкновенныхъ сапогахъ итти по грязи обратно въ городъ. На пути государь увидѣлъ мужика на телѣгѣ, запряженной волами и нагруженной мѣшками съ мукою.

Государь остановилъ его и попросилъ подвезти до города.

Мужикъ сталъ отказываться, говоря, что возъ у него тяжелъ, а дорога грязная.

Государь посулилъ ему на водку.

— Знаемъ вашу водку,—отвѣтилъ мужикъ,—оттутъ вона сидитъ у насъ.—И онъ показалъ на затылокъ, но потомъ сказалъ:

— Да сидай ужъ такъ позади, да спусты ноги зъ возу, щобъ грязью мішки не перепачкавъ.

Государь послушно сѣлъ, какъ ему было позволено.

Когда они подъѣхали къ заставѣ, то мужикъ началъ поворачивать въ сторону, на другую улицу.

Государь попросилъ его ѣхать прямо, потому что его квартира на главной улицѣ.

— Да по сій улици іхать не можно! тута царь живе, и нашего брата не пускаютъ... Да ничого робиты, я поіду; да гляды; якъ станутъ биты, то я кажу, щобъ билы тебе, бо ты міни веливъ.

Такъ они подъѣхали къ самому дворцу. Когда государь всталъ у воротъ, то просилъ мужика обождать, пока онъ ему вышлетъ на водку.

Лишь прошелъ императоръ, какъ дежурный офицеръ подошелъ къ мужику и спросилъ:

— Гдѣ ты взялъ царя?

— А хиба же се царь?—заревѣлъ мужикъ.—Да якъ бы я знавъ, що винъ царь, то я его зъ ноженькамы посадывъ на мішки, да и кобенякомъ прикрывъ бы.

И съ этими словами, бросивши телѣгу, онъ пустился бѣжать. Его едва удержали и вышедшій лакей передалъ ему двадцать пять рублей.

Императоръ Александръ Павловичъ, встрѣтивъ пьянаго солдата, крикнулъ ему:

— Стань назадъ!

То-есть на запятки саней.

Государь по дорогѣ хотѣлъ лично доставить его на гауптвахту.

Солдатъ сталъ на задокъ и смѣло заговорилъ:

— Ваше Величество, времена-то какъ перемѣнчивы: какъ съ Бонапартомъ воевали, все приказывали: «ребятушки, впередъ!», а теперь: «назадъ»!

Государь улыбнулся и отпустилъ солдата.

Проѣзжая въ Воронежъ, императоръ Александръ I остановился на одной станціи, и на столѣ станціоннаго смотрителя увидѣлъ Евангеліе.

— Это ты читаешь?—спросилъ государь.

— Каждый день, Ваше Величество, безъ этого не ложусь спать,—отвѣтилъ смотритель.

— Это хорошо,—сказалъ государь,—гдѣ же ты читаешь теперь?

— Евангеліе отъ Матѳея, глава 22,—бойко отвѣтилъ смотритель.

Государь улучилъ минуту, когда смотритель ушелъ, вложилъ въ Евангеліе ассигнацію и уѣхалъ.

Возвращаясь, онъ опять спросилъ смотрителя:

— А Евангеліе все читаешь?

— Читаю, Ваше Величество.

— И много прочелъ?

— Отъ Луки читаю.

— Посмотримъ!—государь раскрылъ книгу и, къ изумленію и стыду смотрителя, увидѣлъ въ немъ лежавшія деньги.

— Смотри,—сказалъ строго государь,—что тутъ написано: «такъ и вы, по наружности кажетесь праведниками, а внутри исполнены лицемѣрія...»

Съ этими словами онъ грозно взглянулъ на уничтоженнаго смотрителя и спряталъ деньги.

Во время пребыванія въ Воронежѣ императоръ Александръ I встрѣтилъ пьянаго гарнизоннаго офицера, который никакъ не могъ взобраться на тротуаръ.

Государь, поравнявшись съ нимъ, спросилъ:

— Гдѣ ты живешь?

Тотъ пробормоталъ въ отвѣтъ что-то невнятное.

Государь сошелъ на мостовую и взялъ его подъ руку.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ,—я уведу тебя куда-нибудь въ сторону, а то, если встрѣтитъ тебя Дибичъ въ такомъ видѣ, тебѣ достанется: онъ строгій.

И государь провелъ его въ глухой переулокъ.

— Иди!

Только тутъ офицеръ узналъ своего царственнаго провожатаго и сразу отрезвѣлъ.

Въ послѣдній годъ жизни императора Александра Павловича надъ Петербургомъ разразилось несчастье, которое по размѣрамъ своимъ можетъ быть отнесено къ историческимъ бѣдствіямъ.

Седьмого ноября 1824 года въ Петербургѣ произошло наводненіе необычайное по своимъ размѣрамъ.

Шестого ноября шелъ дождь и дулъ холодный вѣтеръ съ моря, который ночью обратился въ ураганъ и погналъ всю воду въ Неву. Нева вздулась и разлилась. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она достигла высоты 13 футовъ и 7 дюймовъ. По отмѣткѣ Петропавловской крѣпости вода поднялась выше ординара на 12 футовъ и 10 дюймовъ. Всѣ окрестности по берегамъ Невы и каналовъ были затоплены. Сенатская площадь, Адмиралтейство, площадь Зимняго дворца обратились въ одно бурное озеро, посреди котораго, какъ скала, стоялъ зимній дворецъ.

По бушующимъ волнамъ носились мебель, барки, лодки, цѣлые деревянные дома и гробы съ крестами. Подъ небомъ, почти чернымъ, темная вода вертѣлась, словно въ огромномъ водоворотѣ, по воздуху летали сорванные листы кровельнаго желѣза; застигнутые водой люди лѣзли на фонари, цѣплялись за карнизы и балконы, сидѣли на деревьяхъ.

Во время этого ужаснаго бѣдствія императоръ Александръ проявилъ всю доброту своего сердца и величіе.

Услышавъ про наводненіе, онъ вышелъ на балконъ. Слезы наполнили его глаза. Онъ почти со стономъ произнесъ:

— Я безсиленъ передъ Божьей волей!

Спустя нѣсколько минутъ, государь поборолъ свое волненіе и сказалъ окружающимъ:

— Надо спасать гибнущихъ!

Балконъ тотчасъ опустѣлъ, а минутъ 10 спустя, на волнахъ, плещущихъ на площадяхъ и улицахъ, появились катера

Наводненіе въ Петербургѣ 7 ноября 1824 года.

и лодки, на которыхъ сидѣли свитскіе генералы и устремились спасать погибавшихъ. Генералъ Бенкендорфъ отправился къ набережной, идя по плечи въ водѣ, сѣлъ въ катеръ съ мичманомъ Бѣляевымъ и въ теченіе 4-хъ часовъ спасъ множество людей. Милорадовичъ, Аракчеевъ спасали людей на Петербургской сторонѣ и въ Гавани.

Наводненіе окончилось. Бѣдствія и убытки, причиненные имъ, были необыкновенны. Много людей осталось безъ имущества и безъ крова. Владѣльцы крошечныхъ домиковъ на Петербургской сторонѣ, на Выборгской, на Васильевскомъ островѣ были разорены совершенно.

Государь приказалъ графу Милорадовичу изслѣдовать нужды и открыть для всѣхъ щедрую помощь изъ собственныхъ суммъ. Онъ отложилъ всѣ дѣла и весь отдался дѣлу благотворенія.

Едва спала вода и явилась возможность посѣтить мѣста, пострадавшія отъ наводненія, государь сталъ объѣзжать ихъ.

Одиннадцатаго ноября онъ посѣтилъ чугунный заводъ, гдѣ увидѣлъ страшную картину опустошенія и цѣлый рядъ труповъ. Трупы не походили на трупы утопленниковъ, а были какъ живые, особенно дѣти. Это увеличивало впечатлѣніе ужаса. Мартыновъ въ своихъ запискахъ пишетъ о государѣ: «Какими потоками слезъ орошалъ ангелъ нашъ при воплѣ и рыданіи окружавшихъ его несчастливцевъ, пережившихъ несчастье, какъ онъ утѣшалъ ихъ, самъ неутѣшный».

Наводненіе въ Петербургѣ 7 ноября 1824 г.

Во всѣхъ объѣздахъ государя сопровождалъ флигель-адъютантъ съ сумкою денегъ, которыя государь раздавалъ щедрою рукою всѣмъ несчастнымъ, помимо официальной помощи черезъ Милорадовича.

Возвращаясь домой, онъ бывалъ совершенно разстроенъ. Лицо его осунулось и приняло скорбное выраженіе. Вечеромъ онъ подолгу простаивалъ на колѣнахъ за молитвою.

Однажды государь очутился у мѣста, принадлежавшаго сенатскому чиновнику Телѣжникову, который потерялъ домъ, жену и двухъ дѣтей. Слыша про такое несчастье, государь произнесъ:

— Спаситель своими страданіями искупилъ грѣхи міра. За что этотъ страдаетъ?

Императоръ Александръ Павловичъ приказалъ помѣстить его въ больницу и по выздоровленіи обезпечить ему жизнь и вернуть имущество.

— Жены и малютокъ я вернуть ему не въ силахъ. На то воля Божья!

Во время этихъ объѣздовъ попадались на ряду съ грустными и забавные случаи.

Однажды государь посѣтилъ прибрежныя мѣста по петергофской дорогѣ и между прочими мѣстами одно селеніе, совершенно уничтоженное наводненіемъ. Разоренные крестьяне окружили императора и горько плакали. Вызвавъ изъ среды ихъ самаго стараго, государь приказалъ ему разсказывать, кто и что потерялъ отъ наводненія. Старикъ дрожащимъ голосомъ началъ свой разсказъ:

— Все, батюшка-царь, все погибло: вотъ у эфтово домишко весь унесло и съ рухлядью и съ животомъ, а у эфтово двухъ коней и корову, а у эфтово шесть коровушекъ да домишко, а у эфтово......

— Ну, ну,—перебилъ его государь,—это все у эфтова, а у другихъ-то что?..

Здѣсь объяснили государю, что старикъ говоритъ эфтово вмѣсто этого. Государь засмѣялся своей ошибкѣ и потомъ приказалъ выстроить на высокой насыпи рядъ красивыхъ домиковъ, отдать ихъ пострадавшимъ и назвать деревней «Эфтово», каковая стоитъ и понынѣ.

XVIII.

Императоръ Николай I.

(Род. 25 іюня 1796 г. Вст. на прест. 14 дек. 1825 г. Ум. 18 фев. 1855 г.).

Третій сынъ императора Павла и императрицы Маріи Θеодоровны, Николай I, представлялъ образецъ красоты и величія. Особенно прекрасенъ онъ былъ верхомъ въ мундирѣ конногвардейскаго полка, въ золотой каскѣ.

Ростомъ онъ былъ выше всѣхъ окружавшихъ его лицъ. Богатырскаго тѣлосложенія, стройный, съ гордой осанкою онъ былъ царственно величественъ. Открытое прекрасное лицо съ правильными чертами и ясные голубые глаза довершали его красоту.

Глаза и лицо государя производили чарующее впечатлѣніе. Эти же глаза и лицо дѣлались холодны и строги, въ моменты недовольства; когда же императоръ приходилъ въ гнѣвъ, его лицо дѣлалось воистину грознымъ. Разсказываютъ, что отъ его разгнѣваннаго взгляда люди падали въ обморокъ.

Императоръ Николай Павловичъ былъ въ своей частной жизни любящій мужъ и отецъ, строгій къ себѣ, необыкновенно простой въ своихъ привычкахъ.

Императоръ Николай I.

Онъ спалъ на узкой походной кровати, на жесткомъ волосяномъ матрасѣ, покрываясь шинелью, которая служила ему и халатомъ. Вставалъ онъ иногда до свѣта и не позднѣе 7 часовъ. Проснувшись, онъ садился за письменный столъ, а въ 9 часовъ уже принималъ министровъ съ докладами. Въ 12 часовъ послѣ легкаго завтрака онъ ѣхалъ на разводъ, иногда по дорогѣ заѣзжалъ въ госпиталь, военный корпусъ или гимназію, всегда неожиданно. Проѣхавъ по городу, онъ возвращался домой къ обѣду въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ. Ѣлъ онъ обыкновенно мало и очень быстро, при чемъ выпивалъ не болѣе стакана вина.

Императоръ не курилъ и не терпѣлъ табачнаго дыма. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ не болѣе часа и затѣмъ садился за дѣла, заканчивая всю работу за день непремѣнно до сна. Вечеромъ онъ переходилъ на половину императрицы и выпивалъ 2 — 3 стакана очень крѣпкаго чая. Если текущія дѣла не были закончены, то государь снова уходилъ въ кабинетъ, гдѣ снова работалъ до глубокой ночи. Если же былъ свободенъ, то проводилъ время за игрою въ лото (любимая игра Александры Ѳеодоровны) или за чтеніемъ, или ѣхалъ въ театръ.

Николай Павловичъ любилъ иногда совершать прогулки по городу, выходя тайно изъ дворца; любилъ посѣщать маскарады и общественныя увеселенія, стараясь быть неузнаннымъ. Онъ много читалъ и любилъ книги. Любимыми его писателями были Пушкинъ, Гомеръ и Шекспиръ.

Онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что писали объ его дворѣ въ иностранной печати, и въ библіотекѣ его сохранились 20 альбомовъ съ газетными вырѣзками.

Въ обращеніи съ окружавшими онъ былъ очень простъ, и дворцовая прислуга боготворила его.

Императоръ Николай Павловичъ былъ очень религіозенъ и набоженъ.

Окончивъ занятія, онъ всегда на колѣняхъ молился передъ кіотомъ, прилѣпивъ восковую свѣчу къ спинкѣ стула. Разъ, утомленный трудами, государь позднею ночью задремалъ, склонивъ голову на стулъ. Между тѣмъ свѣча нагнулась, и воскъ сталъ капать на подушку стула близъ самой головы государя. Камердинеръ, увидѣвъ это, разбудилъ царя и сказалъ:

— Вѣдь, вотъ, Ваше Величество вѣрно, не желаете, чтобы знали, что вы такъ молитесь?

— Да,—отвѣчалъ государь.

— А вотъ свѣча-то какъ наклонилась, и воскъ на стулъ капаетъ; еще бы немножко нагнулась и на голову бы вамъ капнула, знакъ бы остался (государь, какъ извѣстно, имѣлъ лысину) и догадались бы.

— Правду говоришь, старикъ, — замѣтилъ государь.

— Не позволите ли: я аналойчикъ сдѣлаю?

— Нѣтъ, скорѣе будутъ знать.

Тогда старикъ устроилъ въ кіотѣ выдвижную дощечку, въ которую вставилъ металлическую трубку для свѣчи.

На другой день послѣ возмущенія 14-го декабря одинъ изъ заслуженныхъ и очень уважаемыхъ императоромъ Николаемъ генераловъ явился во дворецъ въ полной парадной формѣ, сопровождаемый молодымъ офицеромъ, который, безъ эполетъ и безъ шпаги, шелъ за нимъ съ поникшей головою. Генералъ попросилъ доложить императору, что привелъ одного изъ участниковъ вчерашнихъ печальныхъ событій. Его тотчасъ пригласили въ кабинетъ.

— Государь,—сказалъ генералъ, едва удерживая слезы,— вотъ одинъ изъ несчастныхъ, замѣшанный въ преступный заговоръ. Предаю его заслуженному наказанію и отрекаюсь признавать его отнынѣ моимъ сыномъ.

Тронутый такимъ самоотверженьемъ и доказательствомъ преданности, императоръ отвѣчалъ:

— Генералъ, твой сынъ еще очень молодъ и успѣетъ исправиться... Не открывай передо мною его вины. Я не желаю ее знать и предоставляю тебѣ самому наказать его.

Однажды Великимъ постомъ въ самую распутицу императоръ Николай тихо ѣхалъ въ саняхъ въ одиночку и замѣтилъ, что всѣ встрѣчавшіеся съ нимъ прохожіе почтительно кланялись ему, но въ то же время чему-то улыбались.

Государь рѣшилъ, что онъ забрызганъ грязью, и велѣлъ кучеру посмотрѣть на него.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество, — отвѣтилъ кучеръ,— а на задокъ саней дѣвочка прицѣпилась.

Государь обернулся. Маленькая дѣвочка стояла на задкѣ.

— Дяденька, прости,—сказала она,—вишь мокрота какая, а я вся измокла и такъ. Сейчасъ отцѣплюсь.

Государь приказалъ кучеру остановиться и посадилъ дѣвочку съ собою рядомъ.

— Если ты назвала меня дяденькой, то познакомься и съ тетенькой, — сказалъ онъ и приказалъ кучеру: — во дворецъ!

Во дворцѣ государь свелъ дѣвочку на половину государыни.

Государыня обласкала дѣвочку, переодѣла, накормила, а впослѣдствіи опредѣлила ее въ домъ трудолюбія и положила на ея имя въ опекунскій совѣтъ 1.000 рублей.

Однажды императоръ Николай I, войдя въ караульную комнату, засталъ дежурнаго офицера спящимъ надъ листомъ исписанной бумаги. Онъ хотѣлъ уже грозно разбудить офицера, когда заглянулъ въ исписанный листъ и увидѣлъ, что это трогательное письмо къ матери, въ которомъ офицеръ жалуется на скудость средствъ и приводитъ счетъ своимъ расходамъ. Просмотрѣвъ счетъ, императоръ увидѣлъ, что офицеръ запутался въ долгахъ. Тогда онъ положилъ на столъ 1.000 рублей и осторожно вышелъ изъ караульной комнаты.

Простота обращенія императора Николая съ окружающими и умѣнье цѣнить умъ и таланты своихъ подданныхъ увеличивали обаяніе личности царя.

Императоръ Николай I слыхалъ не разъ, что актеръ Мартыновъ отлично передаетъ его манеры и голосъ.

Однажды, позвавъ его въ ложу, государь сказалъ ему:

— Правда ли, Мартыновъ, что ты искусно копируешь всѣхъ?

— Такъ точно, Ваше Величество.

— Ну, представь меня! Я тебѣ приказываю. Представь меня.

Мартыновъ застегнулъ сюртукъ на всѣ пуговицы, принялъ величественную позу и, совершенно подражая голосу и манерамъ государя, обратился къ министру двора, кн. Волконскому, со словами:

— Волконскій, прибавь Мартынову тысячу рублей жалованья!

Императоръ весело разсмѣялся.

— Я только что хотѣлъ приказать то же самое!—сказалъ онъ, и Мартыновъ получилъ прибавку.

Во время холеры извѣстный увеселитель И. П. Излеръ всячески старался развлекать публику. Чтобы поощрить его, государь лично посѣтилъ его садъ «Минеральныя воды», долго любовался акробатическими представленіями, а потомъ позвалъ Излера и сказалъ ему:

— Спасибо, что ты такъ умѣло и заботливо отвлекаешь народъ отъ мрачныхъ мыслей.

Государь уѣхалъ, а осчастливленный Излеръ предложилъ всѣмъ присутствующимъ по бокалу шампанскаго.

Посѣщая гимназію или корпусъ, императоръ Николай I-й очень любилъ забавляться съ дѣтьми.

Любимой его забавой было стать посреди зала, разставивъ ноги. Малыши должны были проскользнуть между его ногъ, не получивъ шлепка. Начиналась возня, которая окан-

Императоръ Николай I провожаетъ гробъ солдата.
(Съ карт. Н. Дмитріева-Оренбургскаго).

чивалась тѣмъ, что государь валился на полъ, а на него кучей насѣдали мальчуганы.

Однажды послѣ такой игры государь поднялся съ пола и увидѣлъ, что у него не оказалось ни одной пуговицы на сюртукѣ.

— Гдѣ мои пуговицы?—закричалъ онъ.

— Мы срѣзали ихъ себѣ на память, — хоромъ отвѣтили кадеты.

— Какъ же я домой доѣду?

Какъ-нибудь доѣдете! Завернитесь въ шинель! закричали дѣти.

— Ну, такъ и быть, — сказалъ весело царь, — только будьте молодцами!

— Постараемся. Не забывайте насъ!..

Одинъ помѣщикъ желалъ опредѣлить сына въ корпусъ. Не зная, какъ написать прошеніе на высочайшее имя, а главное, какъ титуловать государя, простакъ вспомнилъ, что государя называютъ августѣйшимъ, а такъ какъ дѣло было въ сентябрѣ, то онъ и написалъ въ прошеніи: «Сентябрѣйшій государь» и пр.

Прочитавъ это прошеніе, Николай Павловичъ разсмѣялся и сказалъ:

— Непремѣнно принять сына и учить, чтобы онъ не былъ такимъ дуракомъ, какъ отецъ его!

Однажды императоръ Николай гулялъ утромъ по набережной, когда замѣтилъ отставного солдата съ узелкомъ въ рукахъ.

— Стой! что несешь? куда идешь?

Солдатъ вытянулся.

— На Вербный базаръ. Дѣлаю табакерки и продаю. Тѣмъ кормлюсь.

— Покажи!

Солдатъ развернулъ платокъ. Тамъ лежало нѣсколько незатѣйливыхъ табакерокъ съ портретомъ Наполеона на крышкѣ.

Николай нахмурился.

— Что жъ это ты французскаго помѣстилъ. Чай, у тебя свой есть царь.

— Безпремѣнно, — отвѣтилъ солдатъ, — только тутъ ему мѣсто неподобающее.

— Почему?

— Изволите видѣть: какъ я выну табакерку, сейчасъ по ея крышкѣ пальцемъ—щелкъ! По самому по носу (онъ показалъ). А потомъ уже раскрою да нюхну, да чихну, да скажу: «Здравія желаю ваше царское величество!»

Солдатъ раскрылъ табакерку и показалъ на внутренней сторонѣ крышки портретъ царя.

Государь остался очень доволенъ, купилъ всѣ табакерки и раздавалъ ихъ своимъ близкимъ, повторяя объясненіе солдата.

Въ 1842 году всѣмъ заграничнымъ нашимъ миссіямъ строжайше было подтверждено прежнее запрещеніе отправлять съ фельдъегерями, везущими въ Россію казенныя депеши, какія-либо частныя посылки.

Въ октябрѣ, когда царская фамилія жила въ Гатчинѣ, совершился бракъ наслѣднаго принца Веймарскаго съ принцессою Нидерландскою. По прибытіи молодой четы въ Веймаръ, великая княгиня Марія Павловна отправила къ нашему двору съ извѣстіемъ объ этомъ нарочнаго фельдъегеря, который на пути черезъ Берлинъ заѣхалъ въ посольство. Здѣсь его навьючили пятью тяжеловѣсными тюками, адресованными на имя графа Нессельроде, но «по канцеляріи», т.-е. для вскрытія непосредственно въ сей послѣдней, безъ передачи графу. Пріѣхавъ прежде въ Гатчину и поднимаясь съ пакетомъ отъ великой княгини на дворцовую лѣстницу, фельдъегерь случайно встрѣтилъ государя, который спросилъ, есть ли еще другіе пакеты.

— Есть.

— Сколько?

— Пять.

— На чье имя?

— Графа Нессельроде.

— Давай сюда.

И вдругъ въ первомъ изъ этихъ пакетовъ или тюковъ, вскрытомъ тутъ же при государѣ, оказались фракъ и брюки!

Царь вытребовалъ въ Гатчину, черезъ того же фельдъегеря, начальника петербургской таможни Ильина съ двумя досмотрщиками. По пріѣздѣ ихъ всѣ тюки были вскрыты въ присутствіи государя Въ тюкахъ оказались разные наряды и другія вещи, которыя, подъ прикрытіемъ надписи— «по канцеляріи», были адресованы на имя очень близкихъ ко двору дамъ. По таможеннымъ правиламъ все это подвергалось конфискаціи, а провозившій — штрафу въ 630 р. сер. Государь приказалъ исполнить по закону, обративъ взысканіе штрафа на посланника нашего въ Берлинѣ, барона Мейендорфа. На графа Нессельроде за слабую команду государь тоже очень разгнѣвался, и вице-канцлеръ, имѣвшій еженедѣльно по два доклада, послѣ этого двѣ недѣли не былъ призываемъ.

Одному богатому саратовскому помѣщику захотѣлось непремѣнно увидѣть государя. Для этого онъ прикатилъ въ Петербургъ. Гуляя около Зимняго дворца, помѣщикъ встрѣ-

тилъ статнаго высокаго роста мужчину въ офицерской шинели и, принявъ его за одного изъ служащихъ при дворѣ, попросилъ совѣта, какъ увидѣть государя. Незнакомцу онъ подробно разсказалъ при этомъ о своемъ общественномъ, семейномъ и матеріальномъ положеніи.

— Я живу 40 лѣтъ на свѣтѣ,—сказалъ помѣщикъ,—но еще не видалъ нашего батюшку-царя.

Офицеръ спросилъ у него, не имѣетъ ли онъ какого-либо прошенія къ государю. Помѣщикъ обозвалъ его чудакомъ и повторилъ, что онъ пріѣхалъ только за тѣмъ, чтобы увидѣть государя и по возвращеніи домой разсказать землякамъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

— А позвольте спросить, кто вы такой?—окончилъ онъ.

— Я русскій императоръ, — отвѣтилъ Николай Павловичъ, съ которымъ дѣйствительно встрѣтился саратовскій помѣщикъ.

— Ну, если вы русскій, такъ я, должно-быть, китайскій императоръ,—захохотавъ, возразилъ помѣщикъ.—Полно шутить!.. Скажи, братъ, откровенно, по-русски, кто ты такой, и посодѣйствуй мнѣ.

Николай Павловичъ отвѣтилъ помѣщику, что онъ пошутилъ, что онъ только флигель-адъютантъ государя, и обѣщалъ ему устроить свиданье. Помѣщикъ чуть не облобызалъ отъ радости мнимаго адъютанта.

— Давно бы такъ, — сказалъ онъ, — ты меня, братъ, не стѣсняйся! Я вѣдь и съ губернаторомъ знакомъ.

Государь обѣщалъ прислать къ нему своего товарища для обозрѣнія Петербурга и окрестностей, а затѣмъ и свести помѣщика во дворецъ.

Дѣйствительно, на другой день пріѣхалъ къ помѣщику флигель-адъютантъ государя и цѣлую недѣлю показывалъ ему всѣ достопримѣчательности столицы, а потомъ пригласилъ пріѣхать во дворецъ къ своему мнимому товарищу. Помѣщикъ благодарилъ, но сомнѣвался.

— Да какъ же я поѣду къ нему, если я и фамиліи его не знаю.

— Это ничего: подъѣзжай, братъ, прямо ко дворцу и на первый вопросъ, кто ты такой, отвѣчай, что китайскій императоръ.

Помѣщикъ посмѣялся, но на слѣдующій день былъ во дворцѣ. Внутренній караулъ встрѣтилъ его барабаннымъ боемъ, отдавъ ему честь. Помѣщикъ такъ испугался, что его насилу ввели въ кабинетъ государя.

— Что вы надѣлали?—сказалъ помѣщикъ,—за такія штуки насъ съ вами въ Сибирь сошлютъ, и мнѣ не удастся увидать царя.

— Неужели ты думаешь, что Николай такой строгій?

Помѣщикъ все-таки боялся.

— Прикажи хоть для успокоенія подать водки, — сказалъ онъ.

Водку подали. Помѣщикъ пріободрился, а тѣмъ временемъ государь облекся въ полную парадную форму и повелъ помѣщика къ императрицѣ, которой представилъ его, сказавъ:

— Саша, рекомендую тебѣ новаго китайскаго императора.

Помѣщикъ расшаркался, подбѣжалъ къ ручкѣ и съ восхищеніемъ говорилъ, что отродясь не видалъ такого шутника, но что все-таки боится, какъ бы не узналъ о томъ императоръ.

Помѣщикъ былъ въ ударѣ и велъ самый непринужденный разговоръ съ государемъ и государынею, разсказывая о сосѣдяхъ, о губернской знати, о сплетняхъ, обнаруживъ чисто русскую душу—на распашку. Подали завтракъ, который шелъ очень оживленно, но въ концѣ официантъ на какое-то приказаніе государя, доложилъ:

— Исполнено, Ваше Императорское Величество.

Помѣщикъ вдругъ прозрѣлъ. Онъ упалъ на колѣна и просилъ у государя прощенія.

— Не только не сержусь, но очень радъ. Садись, кончай завтракъ, а поѣдешь къ своимъ—разскажи, что не только видѣлъ русскаго царя, но даже съ нимъ и съ его семействомъ завтракалъ,—успокоилъ его государь.

Но языкъ у помѣщика теперь словно отнялся. Послѣ завтрака онъ откланялся и уѣхалъ къ себѣ въ гостиницу. А когда на другой день за нимъ послали, чтобы онъ явился во дворецъ, то его уже не оказалось. Быстро собравъ свои пожитки, онъ укатилъ въ Саратовскую губернію.

Въ 1834 г. холера изъ Москвы перебросилась въ Петербургъ и стала косить людей съ безпощадной свирѣпостью. Въ день умирало по 500 человѣкъ. Народъ сталъ волноваться, раздавались тревожныя рѣчи объ отравахъ, и, наконецъ, 22 іюня разразился бунтъ. Народъ разбилъ больницу на углу Невскаго и Садовой и двинулся на Сѣнную. Здѣсь толпа также разбила больницу и убила двухъ врачей.

Вдругъ на площадь выѣхалъ императоръ Николай Павловичъ въ коляскѣ въ сопровожденіи одного Волконскаго.

Остановившись посреди толпы, государь всталъ въ колякѣ и звучнымъ голосомъ обратился къ толпѣ съ рѣчью:

— Вѣнчаясь на царство, я поклялся поддерживать законы и порядокъ. Я исполнилъ свою присягу. Я добръ для добрыхъ, они всегда найдутъ во мнѣ отца и друга. Но горе злымъ! У меня всегда есть противъ нихъ оружіе. Я не боюсь васъ! Вамъ нужно меня бояться! Послано великое испытаніе: зараза! Надо принять мѣры, чтобы остановить ея распростра-

ненie. Всѣ мѣры приняты по моему повелѣнiю. Стало-быть вы жалуетесь на меня! Ну, вотъ, я здѣсь! Вы, отцы семействъ, и я вамъ вѣрю: вы люди смирные и всегда уговорите людей невѣдающихъ и образумите мятежниковъ. Но горе тѣмъ, кто позволитъ противиться моимъ повелѣнiямъ: къ нимъ не будетъ никакой жалости. Теперь расходитесь! Но прежде слѣдуетъ помириться съ Богомъ. Если вы оскорбили меня, то еще болѣе оскорбили Бога преступленiемъ. Вы совершили убiйство. Невинная кровь пролита. Молитесь! На колѣна!

И пораженная, мятежная толпа, какъ одинъ человѣкъ, опустилась на колѣна. Такова была сила слова и могущество влiянiя императора Николая I на толпу.

Бунтъ прекратился въ самомъ началѣ.

Этотъ эпизодъ запечатлѣнъ въъ одномъ изъ барельефовъ на постаментѣ памятника императору Николаю I.

Во время масляницы въ Петербургѣ 2-го февраля 1836 года произошелъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ пожаровъ. Вспыхнулъ и сгорѣлъ балаганъ Лемана на Адмиралтейской площади и въ немъ погибло 126 человѣкъ.

Императоръ Николай Павловичъ проявилъ на этомъ пожарѣ энергичную дѣятельность. Онъ прiѣхалъ на пожаръ и затѣмъ сталъ распоряжаться спасенiемъ погибавшихъ, подходя къ самому огню пылающаго зданья. Онъ не оставилъ мѣсто несчастiя до тѣхъ поръ, пока пожаръ не затихъ и не былъ вытащенъ изъ-подъ развалинъ послѣднiй трупъ.

Поэтъ Жуковскiй подалъ мысль отслужить панихиду. Государь тотчасъ приказалъ позвать священниковъ и тутъ же на пожарищѣ, вмѣстѣ съ народомъ, молился за усопшихъ.

Послѣ панихиды онъ горячо поблагодарилъ Жуковскаго.

Семьи погибшихъ получили отъ государя щедрую помощь.

Вечеромъ 17-го декабря 1837 года въ Зимнемъ дворцѣ отъ загорѣвшихся стропилъ произошелъ сильнѣйшiй пожаръ. Государь былъ въ большомъ театрѣ. Когда ему доложили о пожарѣ, онъ, не безпокоя государыни, вышелъ изъ ложи и поѣхалъ во дворецъ.

Внутри уже бушевало пламя.

Войдя во дворецъ, государь тотчасъ прошелъ на половину великихъ князей и приказалъ ихъ везти въ Аничковскiй дворецъ. Прослѣдивъ за увозомъ дѣтей, государь въ сопровожденiи кн. Волконскаго пошелъ по дворцовымъ заламъ, но въ Малой залѣ былъ встрѣченъ потокомъ огня. Несмотря на опасность, государь прошелъ черезъ рядъ пылающихъ залъ и дошелъ до Бѣлой (Гербовой). Здѣсь казалось уже не было дороги. Клубящiйся дымъ захватывалъ

дыханье, карнизы и потолки, по которымъ вилось пламя, грозили каждую минуту паденіемъ. Государь все-таки не остановился и благополучно прошелъ до части дворца, еще не тронутой огнемъ. Здѣсь государь сталъ распоряжаться уборкою вещей. Солдаты Павловскаго и Преображенскаго полковъ съ матросами гвардейскаго экипажа, рискуя жизнью, стремились спасти отъ огня даже самую ничтожную вещь изъ царскаго имущества.

Наблюдая за работою солдатъ, государь увидѣлъ, что въ одной изъ залъ нѣсколько солдатъ тщетно страются вынуть

Николай I усмиряетъ народъ на Сѣнной площади. (Барельефъ на памятникѣ Николаю I въ Петербургѣ).

вдѣланное въ стѣну, громадное зеркало. Залъ былъ полонъ дыма, со всѣхъ сторонъ раздавался трескъ пожара.

Императоръ приказалъ солдатамъ оставить зеркало, но тѣ въ усердіи своемъ не слушались его.

Тогда государь съ силою бросилъ въ зеркало толстый бинокль и зеркало разлетѣлось вдребезги.

— Видите, ребята, — сказалъ государь, — вы мнѣ дороже зеркала. Прошу, уходите скорѣе, если не хотите, чтобы я сгорѣлъ съ вами!

Графъ А. Ф. Орловъ обратился къ государю Николаю Павловичу съ вопросомъ, позволитъ ли онъ вынести всѣ бумаги изъ его кабинета.

— У меня тамъ нѣтъ никакихъ бумагъ. Всѣ нужныя дѣла я оканчиваю въ тотъ же день и тотчасъ пересылаю министрамъ. Изъ кабинета надо взять только три портфеля съ дорогими для меня воспоминаніями,—отвѣтилъ государь.

Дѣйствительно, императоръ Николай рѣшалъ всѣ дѣла въ день полученія ихъ, считая за правило ничего не откладывать до завтра.

Послѣ кончины въ кабинетѣ его на столѣ не нашли ни одного не рѣшеннаго дѣла.

Императоръ во время пожара вспомнилъ о любимыхъ картинахъ императрицы и обратился къ барону Э. Мирбаху:

— Не знаешь ли, гдѣ сложены картины государыни?

Мирбахъ указалъ ему на три кучи, сложенныя на снѣгу площади въ разныхъ мѣстахъ.

— Пойдемъ,—сказалъ императоръ,—и сталъ пробираться по снѣгу среди наваленныхъ грудою вещей, и затѣмъ, подойдя къ картинамъ, сталъ внимательно пересматривать ихъ.

— Я хочу отыскать ея любимую картину, чтобы она не затерялась.

Это была картина Доминикино.

Найдя картину, онъ передалъ ее Мирбаху, сказавъ:

— Прошу тебя, прикажи снести эту картину въ Адмиралтейство и сдать до времени для сбереженія.

Послѣ пожара Зимняго дворца государь получилъ массу прошеній о разрѣшеніи выстроить для него новый дворецъ, но онъ отклонилъ всѣ эти добрыя намѣренія.

Въ это же время онъ ѣхалъ въ саняхъ по набережной. У Троицкаго моста его остановили двое людей, которые стояли безъ шапокъ, держа въ рукахъ блюдо съ хлѣбомъ-солью, покрытое салфеткой.

— Что это? — спросилъ государь.

— Мы, Бѣлый царь, — отвѣтили они, — посланные отъ гостинныхъ дворовъ Москвы и Петербурга просить у тебя милости: дозволь намъ выстроить тебѣ домъ.

— Спасибо, — отвѣчалъ растроганный государь, — отъ души благодарю васъ. Богъ дастъ, я самъ смогу это сдѣлать, но передайте своимъ, что вы меня порадовали, и я этого не забуду.

Императоръ Николай Павловичъ переживалъ тяжелѣйшіе въ своей жизни дни; началась трудная для Россіи севастопольская кампанія. Грозный союзный флотъ вступилъ въ воды Чернаго моря; Севастополь не былъ готовъ къ оборонѣ и спѣшно укрѣплялся уже въ виду спускавшаго десантъ непріятеля. Первая встрѣча русскихъ войскъ на рѣкѣ Альмѣ съ непріятелемъ была очень неудачна, — сраженіе было проиграно, и получившій объ этомъ донесеніе императоръ былъ грустенъ.

Въ такомъ настроеніи ѣхалъ однажды Николай Павловичъ изъ Зимняго дворца въ коляскѣ, вмѣстѣ съ генераломъ Бен-

кендорфомъ, по Невскому и свернулъ на большую Садовую улицу.

Государь уже приближался къ церкви Спаса на Сѣнной площади, застроенной тогда шалашами, среди которыхъ возвышались массивные сѣнные вѣсы.

Часовой кордегардіи, завидѣвъ издали коляску императора, позвонилъ въ колоколъ, вызывая караулъ, и къ моменту, когда поравнялась съ кордегардіею коляска, караулъ уже стоялъ подъ ружьемъ.

Едва только императоръ проѣхалъ церковь и кордегардію, направляясь къ Измайловскому полку, какъ изъ Обуховскаго проспекта, съ позвякиваньемъ поддужнаго подвязнаго колокольца, вылетѣла на большую Садовую улицу фельдъегерская тройка съ фельдъегеремъ, на шляпѣ котораго развѣвался бѣлый султанъ.

— Ппа-ди! — неистово кричалъ ямщикъ на толпы сновавшаго взадъ и впередъ люда, очищая дорогу, и во весь карьеръ мчался навстрѣчу императору.

— Ко мнѣ, съ вѣстями, — сказалъ Николай Павловичъ, обращаясь къ Бенкендорфу, — это изъ Крыма, кажется? Что-то онъ мнѣ везетъ?

Лицо императора нѣсколько поблѣднѣло отъ волненія.

— Остановить его! — приказалъ онъ, и Бенкендорфъ, вставъ въ коляскѣ во весь ростъ, замахалъ руками фельдъегерю, чтобы тотъ остановился.

Ямщикъ круто, на всемъ скаку остановилъ тройку, посадивъ ее на заднія ноги вровень съ коляскою императора. Фельдъегерь молодцевато выскочилъ изъ телѣжки и вытянулся передъ императоромъ, приложивъ руку къ шляпѣ.

— Ты откуда? — спросилъ императоръ.

— Изъ Севастополя, отъ главнокомандующаго къ Вашему Императорскому Величеству! — бойко отрапортовалъ фельдъегерь.

— Давай сюда донесеніе.

Фельдъегерь разстегнулъ на груди сумку и подалъ Николаю Павловичу пакетъ. Государь дрожащими руками сломалъ печать, вынулъ бумагу и передалъ ее Бенкендорфу для прочтенія.

Фельдъегерь стоялъ около коляски на вытяжкѣ; вокругъ ихъ стала собираться толпа народа и, снявъ шапки, всѣ въ почтительномъ безмолвіи стояли, глядя на озабоченное лицо государя.

— Побѣда, Ваше Императорское Величество! — доложилъ Бенкендорфъ, пробѣжавъ донесеніе, — большая вылазка съ разрушеніемъ непріятельскихъ укрѣпленій, много плѣнныхъ...

Лицо государя просвѣтлѣло; онъ набожно перекрестился, оборотясь лицомъ къ церкви Спаса, и тотчасъ же вся Сѣнная площадь огласилась громкими криками «ура»!

— Я сейчасъ же хочу отслужить благодарственный молебенъ, — сказалъ радостный императоръ и велѣлъ кучеру повернуть къ церкви Спаса. Съ неумолкающими криками «ура» толпа двинулась за коляскою къ церкви; побѣжали за священниками и причтомъ.

Императоръ сошелъ съ коляски и поднялся на паперть церкви, въ ожиданіи, пока придетъ духовенство, и оглядывая толпу народа.

Въ этотъ моментъ съ другой стороны Обуховскаго проспекта вытянулась на Садовую, пересѣкая ее, партія арестантовъ; впереди шло нѣсколько въ кандалахъ, побрякивая ими по мостовой; часть толпы отхлынула къ арестантамъ.

Въ радостномъ настроеніи Николай Павловичъ велѣлъ остановить партію и позвать къ себѣ сопровождающихъ ее. Изъ земли выросшіе полицейскіе мигомъ исполнили приказаніе императора, и изъ разспросовъ конвойныхъ государь узналъ, что партія состоитъ изъ маловажныхъ преступниковъ и безпаспортныхъ, препровождаемыхъ на родину и въ мѣстные остроги.

— Всѣхъ прощаю! — сказалъ императоръ, — и привести всѣхъ въ церковь; пусть помолятся вмѣстѣ со мною за славу русскаго оружія!

Невозможно описать энтузіазмъ, овладѣвшій толпою при видѣ великодушія императора.

Церковь Спаса отперли; вслѣдъ за императоромъ вступилъ народъ и были введены арестанты. Духовенство въ праздничныхъ ризахъ начало благодарственный молебенъ.

Радостный государь вышелъ изъ церкви съ сіяющимъ лицомъ, дошелъ среди ликующаго народа до коляски и направился обратно въ Зимній дворецъ.

Лѣтомъ 1836 года императоръ Николай Павловичъ предпринялъ поѣздку по Россіи для осмотра войскъ; ему сопутствовалъ генералъ Бенкендорфъ.

24 августа государь прибылъ въ Пензу, гдѣ провелъ только нѣсколько часовъ, и затѣмъ отправился дальше по Тамбовскому тракту. Онъ ѣхалъ въ коляскѣ, запряженной 8-ю лошадьми съ 2 форейторами. Дышловыми правилъ ямщикъ, рядомъ съ которымъ сидѣлъ царскій камердинеръ. Путь на протяженіи 125 верстъ, которыя по расписанію надо было проѣхать въ 9 часовъ, лежалъ черезъ станціи Константиновка, Черновка, Каменка, Мочисова, Чембары и Чугуевъ. Изъ Мочисова государь выѣхалъ въ 12 часовъ ночи, до Чембаръ было 14 верстъ.

Ночь была ясная, всходила луна, въ коляскѣ были зажжены фонари. Государь дремалъ, имѣя по правую сторону отъ себя Бенкендорфа. Не доѣзжая 5—6 верстъ до Чембаръ,

дорогу пересѣкалъ оврагъ съ довольно пологими скатами. Спускъ въ оврагъ начинался тотчасъ за деревней Шолаленки. Однако ямщикъ не затормозилъ тяжелой коляски. Она начала раскатываться. Дышловыя понесли. Форейторъ хотѣлъ сдержать выносныхъ, но свалился, выносныя свернули въ сторону и стали. Коляска неслась, сбила дышловыхъ и опрокинулась. Ямщикъ съ камердинеромъ вылетѣли въ одну сторону и сильно расшиблись; государь съ Бенкендорфомъ — въ другую, при чемъ Бенкендорфъ отдѣлался только сотрясеніемъ, государь же лежалъ безъ чувствъ. Когда онъ очнулся, голову его поддерживалъ Бенкендорфъ.

Первыя слова государя были:

— Не случилось ли что съ людьми?

— Ямщикъ, камердинеръ и форейторъ сильно разбиты; другой форейторъ и я упали счастливо, — отвѣтилъ Бенкендорфъ.

— Иди помоги имъ, чѣмъ можешь, — сказалъ государь, — я чувствую себя настолько сильнымъ, что обойдусь безъ тебя. Мнѣ вотъ служба поможетъ.

Къ государю подошелъ, шедшій къ себѣ на родину «уволенный въ чистую», унтеръ-офицеръ Бойгузовъ. Онъ проходилъ мимо оврага случайно. Опустившись на колѣна, онъ держалъ голову государя и давалъ ему пить изъ своей походной манерки.

Тѣмъ временемъ Бенкендорфъ послалъ здороваго форейтора въ Чембары, и изъ Чембаръ немедля прибыли предводитель дворянства, исправникъ, городничій, уѣздный врачъ Вернеръ и городской врачъ Бѣлинскій (отецъ знаменитаго критика).

Вернеръ тотчасъ подошелъ къ государю.

— Что съ вами, Ваше Величество?

Государь объяснилъ, гдѣ онъ чувствуетъ боль. Вернеръ осмотрѣлъ, нашелъ у государя сломленной лѣвую ключицу и тотчасъ наложилъ ему очень искусно перевязку.

Государь поднялся съ земли, приказавъ отставному солдату итти за нимъ въ Чембары.

Коляска поѣхала шагомъ, но страданья государя были такъ велики, что толчки экипажа причиняли ему боль и онъ пожелалъ итти пѣшкомъ. Его поддерживали съ двухъ сторонъ; все населеніе Чембаръ шло, окружая царя и освѣщая ему дорогу. При входѣ въ городъ его встрѣтилъ начальникъ гарнизона, подпоручикъ Грязевъ, бывшій фельдфебель измайловскаго полка. Государь узналъ его.

— Здравствуй, Грязевъ?

— Здравія желаю, Ваше Величество!

— Да, братецъ, его теперь надо желать побольше. Видишь, бѣда! въ инвалиды попалъ!

Государь занялъ помѣщеніе въ уѣздномъ училищѣ. Пріѣхалъ лейбъ-медикъ Арендъ и изслѣдовалъ государя. Повязку онъ нашелъ наложенной очень искусно и не снялъ ея. Государь заявилъ, что его лѣчить будетъ Вернеръ, а Арендъ только имѣть общій надзоръ.

Въ 5 часовъ утра изъ Чембаръ мчались 3 курьера: одинъ съ письмомъ къ государынѣ, другой — въ Чугуевъ съ отмѣною смотра, а третій къ Пензенскому губернатору съ требованіемъ вина, провизіи, мебели и посуды.

Государь временно остановился въ Чембарахъ и велъ тамъ совершенно уединенную жизнь.

Онъ вставалъ въ 5 час. утра и до завтрака занимался дѣлами, а послѣ читалъ, писалъ и бесѣдовалъ. До 5-го сентября онъ не одѣвался для того, чтобы ничто не мѣшало сращенію кости. 5-го повязка была снята и государь въ 1-й разъ одѣлся, а 7-го состоялся благодарственный молебенъ въ городскомъ соборѣ.

Священникъ совершенно смутился, услышавъ въ церковномъ хорѣ густой басъ государя. Отъ смущенія онъ забылъ свои возгласы, и царь самъ подсказывалъ ему службу.

Уѣзжая, онъ наградилъ всѣхъ. Вернеръ получилъ 2.000 рублей и перстень, отставной солдатъ 100 рублей, исправникъ, городничій и начальникъ училища — подарки, и въ пользу бѣдныхъ города государь оставилъ 1.000 руб.

XIX.

Императоръ Александръ II.

(Род. 17 апрѣля 1818 г. Взошелъ на пр. 19 февраля 1855 г. Ум. 1 марта 1881 г.).

Александръ Николаевичъ былъ высокъ ростомъ, широкъ въ плечахъ, тонокъ въ таліи и очень строенъ. Онъ былъ на цѣлую голову выше окружающихъ его. Открытое, очень красивое лицо его съ темными усами и бакенбардами оживлялось голубыми глазами, которые всегда смотрѣли съ добротою и ласкою, но иногда темнѣли, и тогда казались грозными. Государь слегка картавилъ, отчего рѣчь его дѣлалась необыкновенно красива. Въ обращеніи со всѣми онъ былъ чрезвычайно мягокъ и деликатенъ и первый ввелъ въ обращеніи съ окружающими «вы», хотя наиболѣе близкимъ говорилъ всегда «ты».

Въ личной своей жизни государь не любилъ тратъ, но считалъ необходимымъ поддерживать роскошь при дворѣ, находя, что этого требуетъ величіе имперіи. Онъ всегда

Императоръ Александръ II.

охотно приходилъ на помощь нуждающимся, раздавалъ деньги, щедро поощрялъ художниковъ и артистовъ. Лично же на себя онъ мало тратилъ. При вступленіи на престолъ онъ имѣлъ по Министерству Двора долгъ въ 1.000,000 рубл., а оставилъ послѣ своей смерти капиталъ въ 1.200,000 рубл., не сдѣлавъ о немъ никакого распоряженія. Погашеніе долга и образовавшійся капиталъ составляли экономію отъ его личнаго содержанія, такъ какъ онъ совершенно ограничивалъ свои личныя траты.

Во дворцѣ довольно часто были балы и маскарады. Самъ государь каждую недѣлю посѣщалъ театръ: драму, .оперу или балетъ.

Обыкновенно онъ вставалъ въ послѣднее время около половины десятаго и совершалъ прогулку по заламъ своего дворца, послѣ чего принималъ доклады и занимался до завтрака. Послѣ завтрака онъ неизмѣнно ѣхалъ въ Лѣтній садъ, гдѣ обходилъ его два раза по окружной аллеѣ, а зимою по мосткамъ, и послѣ ѣхалъ домой, гдѣ занимался до обѣда. Обѣдалъ, какъ и его державные предки, всегда въ кругу семьи и ближайшихъ придворныхъ. Ѣлъ очень умѣренно и выпивалъ одну или двѣ рюмки токайскаго по совѣту докторовъ. Послѣ обѣда за кофе онъ съ удовольствіемъ выкуривалъ сигару, послѣ чего уходилъ въ кабинетъ отдохнуть. Если требовало дѣло, то онъ весь вечеръ посвящалъ занятіямъ, иногда же ѣхалъ въ театръ или присутствовалъ на какомъ-нибудь придворномъ развлеченіи. Часть лѣта онъ проводилъ въ Царскомъ Селѣ, другую въ Петергофѣ, гдѣ не измѣнялъ своихъ привычекъ.

Крещенское водосвятіе при немъ совершалось особенно торжественно, а послѣ водосвятія происходилъ крещенскій парадъ. Весною обычно назначался на Царицыномъ лугу смотръ войскамъ петербургскаго округа, такъ назыв. «майскій парадъ», а лѣтомъ 22-го іюля съ изумительнымъ великолѣпіемъ праздновалось тезоименитство Маріи Александровны въ Петергофѣ, при чемъ, обычно, сжигался фейерверкъ, изумлявшій своей грандіозностью.

Изъ развлеченій Александръ Николаевичъ больше всего любилъ охоту, особенно зимою на медвѣдя.

Осенью 1853 года императоръ Николай Павловичъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ возвращался въ Россію послѣ Ольмюцкаго свиданія. Государь сдѣлалъ по пути смотръ корпусу Бороздина. Послѣ смотра состоялся обѣдъ, и вотъ за этимъ обѣдомъ наслѣдникъ-цесаревичъ подавился рыбьей костью. Несмотря на самыя энергичныя откашливанья, кость остановилась въ горлѣ. Лицо цесаревича посинѣло, глаза стали выкатываться.

Всѣ повскакали съ мѣстъ. Растерянность и ужасъ овладѣли всѣми. Государь Николай Павловичъ подбѣжалъ къ сыну, разстегнулъ ему мундиръ и сталъ ударять его по шеѣ рукой. Кость не выходила. Цесаревичъ потерялъ сознаніе. Тогда лейбъ-медикъ рѣшился на операцію, и съ помощью инструмента, рискуя задушить наслѣдника, съ трудомъ протолкнулъ кость изъ горла въ пищеводъ. Цесаревичъ сталъ приходить въ себя.

Пережитыя минуты были ужасны. Государь все время былъ блѣденъ, какъ полотно, слезы лились изъ его глазъ, и онъ безпрерывно крестился.

Цесаревичъ настолько ослабѣлъ, что его пришлось раздѣть и уложить въ постель.

Обѣдъ былъ прерванъ.

Императоръ Александръ II любилъ вмѣстѣ съ своими августѣйшими дѣтьми посѣщать 1-ый кадетскій корпусъ, гдѣ для кадетъ устраивались разныя игры и состязанія.

Между прочимъ для нихъ устраивалась стрѣльба въ цѣль. Висѣли чучела птицъ, въ которыя надо было попадать. Подлѣ нихъ за ширмами сидѣлъ старый дядька. Когда выстрѣлъ былъ удаченъ, онъ высовывалъ на палкѣ апельсинъ или яблоко; при неудачѣ изъ-за ширмъ показывался вырѣзанный изъ папки нѣмецъ, показывающій «носъ».

Однажды на такой стрѣльбѣ государь взялъ ружье и выстрѣлилъ. Къ ужасу всего начальства изъ-за ширмъ вдругъ показался нѣмецъ, показывающій носъ!

Государь засмѣялся.

— А ну еще разъ!

При второмъ выстрѣлѣ птица упала, и изъ-за ширмъ высунулся на палкѣ апельсинъ.

— Заслужилъ по совѣсти! — сказалъ государь и взялъ апельсинъ.

Однажды императоръ Александръ II прогуливался по Англійской набережной пѣшкомъ въ офицерской сѣрой шинели. Его экипажъ на этотъ разъ не слѣдовалъ за нимъ. Между тѣмъ вдругъ хлынулъ проливной дождь. Государь подозвалъ перваго попавшагося извозчика и приказалъ везти себя къ Зимнему дворцу. При проѣздѣ мимо сенатской гауптвахты караулъ, узнавшій царя, отдалъ ему честь съ барабаннымъ боемъ. Изумленный извозчикъ началъ озираться кругомъ, полагая, что императоръ проѣхалъ гдѣ-нибудь близко.

— Ну, да, любезный, это царь проѣхалъ, — улыбаясь, сказалъ ему государь.

Когда подъѣхали къ Зимнему дворцу, государь, не имѣя при себѣ денегъ, приказалъ извозчику обождать, пока онъ вышлетъ ему деньги.

— О, нѣтъ, ваше благородіе, не могу, —отвѣчаетъ извозчикъ,—господа офицеры зачастую меня надували. А вотъ оставьте ка мнѣ вашу шинель въ закладъ, дѣло будетъ вѣрнѣе.

Государь сбросилъ съ себя шинель, отдалъ ее ему и ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ выслалъ служителя передать извозчику 25 рублей, объявить ему, что онъ везъ государя, и получить обратно оставленную шинель. Служитель исполнилъ порученіе въ точности; но извозчикъ, вмѣсто того, чтобы обрадоваться чести, которой удостоился, и щедрой платѣ, началъ лукаво смѣяться и сказалъ съ видомъ человѣка себѣ-на-умѣ:

— Ты, голубчикъ, видно, за дурака меня принимаешь: вѣдь шинель-то стоитъ дороже 25 рублей, а почемъ знать, что у тебя въ головѣ, —пожалуй, ты хочешь этакимъ манеромъ дешево поживиться барскою шинелью. Пускай лучше баринъ, котораго я возилъ, самъ придетъ за шинелью, а иначе я ее не отдамъ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, если бы въ это время не подошелъ царскій лейбъ-кучеръ Илья, котораго въ Петербургѣ зналъ каждый ребенокъ. Онъ подтвердилъ увѣреніе камеръ-лакея, и извозчикъ, отдавъ шинель, уѣхалъ вполнѣ довольный и счастливый.

---

3 декабря 1868 г. помощникъ начальника главнаго штаба, генералъ К., имѣлъ по командѣ рапортъ слѣдующаго содержанія:

«Сегодня въ $8^3/_4$ ч. утра я, идя по Невскому проспекту, встрѣтилъ оберъ-офицера, который не отдалъ мнѣ установленной чести. Спросивъ этого офицера на основаніи § 19 дисциплинарнаго устава о причинѣ, по которой онъ не отдалъ мнѣ чести, я получилъ отвѣтъ отъ шедшаго съ нимъ штабъ-офицера, чтобы я имѣлъ честь обратиться съ этимъ вопросомъ къ Его Императорскому Величеству. О чемъ и доношу вашему сіятельству».

Графъ Гейденъ сдѣлалъ по этому донесенію докладъ государю.

— По уставу онъ долженъ былъ сдѣлать замѣчаніе офицеру, — сказалъ Александръ II, — но я не понимаю, какъ это генералъ, служащій въ Петербургѣ, не знаетъ моихъ сыновей.

— Онъ близорукъ, Ваше Величество!

— А, тогда другое дѣло! — засмѣялся государь, — я не въ правѣ на него сердиться: дисциплину поддерживать нужно!...

Однажды императоръ Александръ II, гуляя по набережной, встрѣтилъ студента, возвращавшагося съ пирушки въ совершенно растерзанномъ видѣ.

Несмотря на шумъ въ головѣ, студентъ узналъ государя, снялъ фуражку и вытянулся. Государь грозно нахмурился и подошелъ къ студенту.

— На кого ты похожъ?—гнѣвно спросилъ онъ.

Несчастный студентъ перепугался до смерти и отвѣтилъ, стуча зубами:

— На ма...мень...ку....

Государь улыбнулся. Гнѣвъ его прошелъ, и онъ велѣлъ студенту итти домой.

Въ 1859 году при отъѣздѣ государя изъ Чугуева со смотра, когда онъ вышелъ на крыльцо, ямщикъ вмѣсто того, чтобы сидѣть на козлахъ, стоялъ преспокойно около коляски, а на козлахъ торжественно возсѣдалъ великолѣпный пудель, любимая собака государя, постоянно сопровождавшая его въ путешествіяхъ.

Сначала этого не замѣтили, но когда государь подошелъ къ коляскѣ, то губернаторъ спросилъ ямщика, отчего онъ не на козлахъ. Ямщикъ преспокойно отвѣтилъ, указывая на козлы:

— Никакъ нельзя, ваше превосходительство, тамъ ихъ благородіе сидитъ.

Государь разсмѣялся и сказалъ ямщику:

— А ты ихъ оттуда кнутикомъ!

Императоръ Александръ II, будучи въ Карлсбадѣ, прогуливался въ статскомъ платьѣ. Во время прогулки онъ сѣлъ на скамью рядомъ съ однимъ добродушнымъ бюргеромъ и спросилъ его, чѣмъ онъ занимается и какъ ему живется. Нѣмецъ отвѣтилъ, что имѣетъ сапожную мастерскую и добавилъ при этомъ:

— О! Мое положеніе прекрасно!

Затѣмъ добродушный нѣмецъ, не зная, съ кѣмъ онъ говоритъ, въ свою очередь спросилъ императора:

— А вы кто такой и чѣмъ занимаетесь?

— Я русскій императоръ,—просто отвѣтилъ царь.

— О да, и это тоже хорошее положеніе,—замѣтилъ глубокомысленно нѣмецъ.

Гимназистъ М. несъ крендель въ подарокъ бабушкѣ—имениницѣ и по дорогѣ въ Лѣтнемъ саду встрѣтилъ гуляющаго императора. Государь замѣтилъ гимназистика, а также замѣтилъ въ опущенной рукѣ особой формы большой пакетъ.

Что несешь и куда?—спросилъ Александръ II, остановившись около М.

— Крендель къ бабушкѣ на именины,—испуганнымъ голосомъ отвѣтилъ М.

Государь слегка улыбнулся и, ничего не прибавивъ къ вопросу, направился далѣе.

М., забывъ о кренделѣ, низко опущенномъ почти до земли, еще стоялъ, какъ бы подавленный и встрѣчею, и разговоромъ съ самимъ царемъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то сильно дернулъ его за лѣвую руку. Толчокъ былъ настолько силенъ, что онъ не въ состоянiи былъ удержать въ рукахъ дорогую ношу и выпустилъ ее. Каковы же были его удивленiе, испугъ и негодованiе, когда онъ увидѣлъ, что крендель лежитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него на землѣ въ талой снѣжной лужѣ, а царская собака съ остервенѣнiемъ рветъ облегавшую его бумагу и жадными зубами впилась въ пахучее шафранное и миндальное тѣсто.

Не зная, что дѣлать, гимназистъ М. залился горючими слезами. Около него собрались любопытные, которые стали въ чемъ-то, уговаривать его, а вскорѣ послышался и знакомый голосъ государя.

М. снова очутился лицомъ къ лицу съ Александромъ II.

Не плачь, не плачь,—ласково сказалъ императоръ.—Ты какой гимназiи?

М., всхлипывая, далъ должный отвѣтъ.

— Ну, ступай къ бабушкѣ, извинись передъ ней и скажи, что я во всемъ виноватъ, зачѣмъ вожу на прогулку недостаточно накормленную собаку. Разскажи ей все подробно.

Съ этими словами, отозвавъ своего пса, неохотно покинувшаго вкусную пищу, государь ровнымъ и скорымъ шагомъ удалился отъ М.

Бѣдный гимназистъ, всхлипывая, сталъ бережно собирать съ земли растерзанную посылку, приводить ее въ нѣкоторый порядокъ, но къ нему поспѣшно подошли полицейскiе и тотчасъ осыпали вопросами:

— О чемъ съ вами говорилъ государь императоръ? Отчего вы отвѣчали, не приложившись къ козырьку кепи? Куда вы шли? и т. д.

Послѣ этого перепуганнаго М. попросили послѣдовать въ ближайшее полицейское управленiе.

Въ результатѣ гимназиста препроводили въ гимназiю «для доклада директору обо всемъ происшедшемъ и о воспослѣдовавшемъ всемилостивѣйшемъ разговорѣ».

Въ гимназіи директора дома не оказалось. Пришлось дожидаться.

Въ три часа вернулся директоръ, но къ тому же времени пріѣхала въ гимназію и мать М., встревоженная отсутствіемъ сына и переконфуженная тѣмъ, что онъ не оправдалъ предъ родными возложенной на него миссіи и тѣмъ испортилъ весь торжественный, издавна заведенный, именинный парадъ бабушки.

Вдругъ быстро вошедшій швейцаръ взволнованнымъ голосомъ доложилъ директору, что изъ Зимняго дворца прибылъ офицеръ и спрашиваетъ о гимназистѣ М. Всѣ взоры устремились на входную дверь, въ которой появился необычайный посланецъ съ громаднымъ пакетомъ въ рукахъ.

Оказалось, что въ награду за испорченный собакою крендель гимназисту М. былъ присланъ изъ кондитерской Качкурова великолѣпный и огромный тортъ въ подарокъ имениницѣ, а самому М., за пережитыя волненія, 10 фунтовъ лучшихъ конфектъ.

Все разъяснилось. М. сталъ героемъ дня, и мать съ торжествомъ повезла его къ бабушкѣ—именинницѣ, гдѣ онъ долженъ былъ безъ отдыха разсказывать каждому гостю отдѣльно про свое удивительное приключеніе.

Къ освобожденію крестьянъ.

Величайшимъ дѣломъ императора Александра II было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Задолго до реформы 19 февраля въ народѣ стали ходить смутные слухи о томъ, что царь рѣшилъ дать крѣпостному крестьянину «волю».

Когда проектъ реформы поступилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, государь, замѣтивъ желаніе по возможности задержать дѣло, въ засѣданіи 28-го января 1861 года произнесъ свою замѣчательную рѣчь, которую окончилъ словами: «Все разсмотрѣніе должно быть закончено не позднѣе 15 февраля этого года. Этого я желаю, требую, повелѣваю. Этой рѣчью были сломлены послѣднія препятствія.

Смутные слухи о ней дошли до населенія, и съ этого дня весь народъ, проживающій въ Петербургѣ, уже не могъ сдерживать своихъ чувствъ при видѣ любимаго царя и вездѣ устраивалъ ему восторженныя оваціи.

2-го февраля 1861 г. государь гулялъ по набережной. Экипажа при немъ не слѣдовало. Государя признали нѣсколько мастеровыхъ и приблизились къ нему. Спустя минутъ пять, царя уже окружила толпа. Гремѣло «ура». На-

родъ бѣжалъ по улицамъ и присоединялся къ толпѣ. Всякій старался приблизиться къ царю. Цѣловали его руки, ноги, полы его шинели. Государь гладилъ стоящихъ подлѣ него по головамъ и плакалъ. Флигель-адъютантъ вытребовалъ изъ дворца коляску и едва могъ усадить въ нее государя. Толпа бѣжала за коляскою и кричала «ура», кидая въ воздухъ шапки.

Величіе души государя высказалось въ моментъ подписанія великаго акта освобожденія крестьянъ. Противники реформы удерживали государя отъ этого рѣшительнаго шага, указывая на то, что русскій народъ еще не подготовленъ къ столь коренному преобразованію. Но Александръ отвѣчалъ одною фразою:

— Я вѣрю въ свой добрый народъ.

Наканунѣ великаго дня 19-го февраля государь былъ на могилѣ своего помощника и преданнаго друга Ростовцева въ Александро-Невской лаврѣ, а потомъ въ Петропавловловскомъ соборѣ, у гробницы императора Николая, память котораго онъ свято чтилъ. Здѣсь онъ долго молился и плакалъ. Молитва успокоила его.

19-го февраля В. Н. Бутковъ привезъ въ Зимній дворецъ манифестъ и указъ для подписи. Царь пожелалъ остатьс одинъ и заперъ дверь своего кабинета.

Прошелъ томительный часъ.

Что думалъ государь, держа перо въ рукѣ, осталось тайной для всѣхъ.

Наконецъ, дверь раскрылась, и государь передалъ скрѣпленные своей подписью манифестъ и указъ. Лицо его сіяло, словно отъ него исходили лучи.

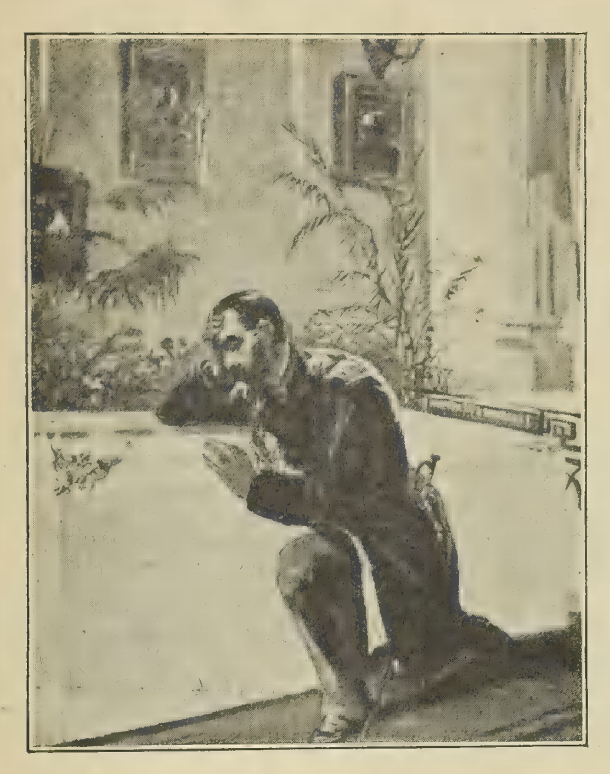
20.000.000 крѣпостныхъ получили свободу и, какъ извѣстно, оправдали довѣріе царя.

Объявленіе воли было назначено на 5-ое марта, день прощеннаго воскресенья. Все вездѣ было спокойно, но тамъ, гдѣ толпа встрѣчала царя, сдержать взрывъ энтузіазма и восторга не было возможности.

Въ этотъ день въ 12 часовъ Государь, по обыкновенію, былъ въ Михайловскомъ манежѣ на разводѣ. Выйдя изъ манежа, онъ увидѣлъ несмѣтную толпу. Часть упала на колѣна, часть кричала «ура». Государь захотѣлъ прочесть народу самъ свой манифестъ. Звучнымъ голосомъ онъ началъ чтеніе, но потомъ голосъ его задрожалъ отъ волненія, и онъ прервалъ чтеніе. Народъ всколыхнулся. Всѣ бросились къ нему. Онъ поѣхалъ во дворецъ.

«Было два часа пополудни [1]). На Царицыномъ лугу было гулянье. Плацъ былъ полонъ народомъ. Издали послышались крики «ура!»—Государь ѣхалъ съ развода. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался, крики «ура» становились все громче и громче. Наконецъ, когда государь подъѣхалъ къ плацу, толпа заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздалось такое «ура», отъ котораго, казалось, земля затряслась. Никакое перо не въ состоянiи описать тотъ восторгъ, съ которымъ освобожденный народъ встрѣтилъ своего Царя-Освободителя».

Молитва Царя - Освободителя у гробницы родителя наканунѣ 19 февраля 1861 г.

Государь вернулся во дворецъ, прошелъ на половину императрицы и, цѣлуя свою маленькую дочь, сказалъ окружающимъ:

— Сегодня лучшiй день моей жизни!

---

1) Это взято изъ воспоминанiй Г. Д. Щербачева.

Изъ русско-турецкой войны.

Безконечная доброта царскаго сердца, величіе души особенно проявились во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Александръ II находился при арміи. Предоставивъ командованіе войсками своему брату, великому князю Николаю Николаевичу Старшему, царь самъ отдался дѣлу благотворенія, посвящая все свое время заботамъ о раненыхъ.

Казалось, онъ раздѣлялъ ихъ страданія, и нерѣдко окружающіе видѣли его плачущимъ.

Онъ пріѣхалъ на войну «братомъ милосердія», какъ говорилъ онъ всюду и, дѣйствительно, былъ имъ все время. Присутствіе его на театрѣ военныхъ дѣйствій имѣло громадное нравственное значеніе. Заботы его о раненыхъ и внимательное отношеніе къ ихъ удобствамъ приносили облегченія всѣмъ страдающимъ на войнѣ и, кромѣ того, заставляли быть и на высотѣ своей задачи и врачей, и все госпитальное начальство.

Слѣдуя за арміей все время войны, государь терпѣливо и твердо переносилъ всѣ тягости походной жизни, довольствуясь лично для себя самымъ малымъ.

Въ Горномъ Студнѣ императорской квартирой служилъ небольшой болгарскій домикъ-мазанка съ черепичною крышей и низкими маленькими комнатками, въ которыхъ полы были тесовые, а стѣны выбѣлены. Самъ государь занималъ только одну комнатку, а въ остальныхъ помѣщались министры. Для обѣда и собраній былъ раскинутъ передъ домомъ шатеръ.

Въ селѣ Медованѣ помѣщеніе царя было еще скромнѣе. Домъ состоялъ изъ двухъ комнатокъ и конюшни подъ одной крышею. Стекольчатыхъ рамъ не нашлось, и два маленькія оконца казаки залѣпили газетною бумагой, на дверь повѣсили коверъ, а земляной полъ застлали мѣшками. Нашелся столикъ и два складныхъ стула. Такъ устроили спальную и пріемную, а конюшню обратили въ столовую, гдѣ двери, снятыя съ петель, замѣнили столы, а на полу была натрушена солома. Такъ какъ домъ принадлежалъ турку, то казаки на всѣхъ стѣнахъ нарисовали сажею кресты, говоря: не подобаетъ православному царю ночевать въ некрещеномъ домѣ.

Въ октябрѣ наступили внезапные морозы. Въ домахъ печей не было. Государь безропотно переносилъ всѣ невзгоды, но однажды, живя въ Парадимѣ въ такой же мазанкѣ, не могъ заснуть отъ холода и, выйдя изъ домика, подошелъ къ костру, у котораго грѣлись солдаты.

— Голубчики,—сказалъ онъ имъ,—не сложите ли вы мнѣ небольшую печку. Ужъ очень холодно мнѣ въ мазанкѣ.

Понятно, печь была сложена на другое ужъ утро.

Все свое время государь употреблялъ на посѣщеніе раненыхъ въ госпиталяхъ и лазаретахъ. Каждый день, отправляясь въ госпиталь или лазаретъ, государь нагружалъ своихъ флигель-адъютантовъ всевозможными предметами для раздачи раненымъ. Одинъ несъ сласти и пряники, другой—

Посѣщеніе Александромъ II госпиталя на войнѣ.

табакъ и папиросы, третій—мѣшокъ съ Георгіевскими крестами или мѣшокъ съ деньгами. Войдя въ госпиталь, государь медленно обходилъ койки и останавливался почти подлѣ каждаго раненаго, внимательно разспрашивая его объ его ранѣ, о семьѣ, утѣшая сильно страдавшихъ и ободряя выздоравливающихъ.

Во время этихъ обходовъ происходили и потрясающія, и забавныя сцены.

Лежитъ раненый артиллеристъ. У него оторваны руки и ноги. Государь наклоняется надъ нимъ и говоритъ:

— Проси у меня все, что хочешь.

— Ваше Величество, увольте меня въ чистую (т.-е. отставку).

Онъ думалъ, что еще можетъ сражаться.

Государь заплакалъ, вынулъ горсть Георгіевскихъ крестовъ и положилъ ему на грудь. Просьба его была исполнена, и, по выходѣ изъ госпиталя, онъ получилъ щедрую награду лично отъ государя.

Одинъ умиравшій солдатикъ, почуявъ подлѣ себя царя, сказалъ:

— Поцѣлуй меня!

Царь со слезами поцѣловалъ его въ лобъ, и солдатикъ умеръ съ блаженной улыбкой на устахъ.

Одинъ во время страшной операціи попросилъ царя не отходить отъ него. Царь взялъ его руку и ласково гладилъ ее. Солдатикъ безъ крика перенесъ мучительную операцію.

Если мимо царской стоянки проѣзжалъ транспортъ съ ранеными, государь тотчасъ выходилъ къ нему навстрѣчу.

Одинъ очевидецъ разсказываетъ: «Не успѣлъ транспортъ поравняться съ домикомъ, какъ какой-то господинъ замахалъ руками. Транспортъ остановился. Быстро сбѣжалъ государь съ лѣстницы и стремительно съ волненіемъ подошелъ къ фургонамъ, въ которыхъ лежали раненые. Съ заботливостью отца нагибался онъ къ нимъ, переходя отъ одного къ другому, ободряя и успокаивая. Изъ домика вынесли на большомъ подносѣ гостинцы, и государь раздавалъ ихъ со словами:

— Это подарокъ отъ государыни.

Въ то же время лакеи разносили всѣмъ чай и закуски. Государь каждому желалъ поскорѣе поправиться, вернуться, съ видимымъ волненіемъ упомянувъ о жертвахъ войны. Отпили чай, закусили, государь съ отеческой нѣжностью попрощался съ офицерами, и, по слову его «съ Богомъ», мы тронулись въ путь».

Послѣ третьей Плевны государь томился и плакалъ, узнавъ о размѣрѣ нашихъ потерь.

Присутствуя при перевязкахъ въ зимницкомъ лазаретѣ, государь подошелъ къ раненому армейскому офицеру въ то время, какъ послѣднему дѣлали перевязку.

— Тебя, можетъ-быть, мы безпокоимъ? — ласково обратился къ нему государь.

— Останьтесь, Бога ради, Ваше Величество,—жалобнымъ голосомъ сказалъ офицеръ, — не уходите; я васъ вижу въ первый разъ.

— А ты бы закурилъ папиросу. Я полагаю тебѣ легче было бы.

— Точно такъ, Ваше Величество, — слабымъ голосомъ отвѣтилъ больной.

Императоръ вынулъ свой портъ-сигаръ, досталъ папиросу и, закуривъ ее, подалъ офицеру. Но едва Государь отвернулся, какъ больной поспѣшно сбросилъ огонь и спряталъ папиросу подъ подушку. Великій князь главнокомандующій, шедшій сзади государя и видѣвшій эту сцену, съ улыбкой спросилъ его, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ.

— Я оставлю на память эту папиросу и сохраню ее, какъ знакъ вниманія ко мнѣ моего государя, — взволнованнымъ голосомъ сказалъ офицеръ.

Однажды, уходя изъ лазарета подъ Плевною, послѣ раздачи крестовъ, государь услыхалъ голосъ солдата, обращенный къ нему:

— Ваше Величество! Позвольте и мнѣ крестикъ!

Государь со сдержанной улыбкой на грустномъ лицѣ немедленно подошелъ къ говорившему солдату, молодому еврею, и, наклонившись къ подушкѣ, ласково спросилъ его:

— За что же тебѣ, голубчикъ! Ты много убилъ турокъ?

— Я, Ваше Величество, его убилъ, а онъ меня убилъ!— отвѣтилъ солдатъ.

Такой отвѣтъ возбудилъ общую улыбку у присутствующихъ, и государь спросилъ находившагося здѣсь военно-медицинскаго инспектора Приселкова въ полголоса:

— А онъ серьезно раненъ?

— Рана легкая, — отвѣтилъ инспекторъ, — и особенной опасности не представляетъ, Ваше Величество.

— Вѣдь ты легко раненъ, — произнесъ государь, обращаясь къ солдату.—Я даю кресты только тяжело раненымъ.

— Такъ, Ваше Величество!—воскликнулъ еврей,—я легко раненъ, но я много старался.

Монархъ улыбнулся и, узнавъ, что еврей крещеный, наградилъ его Георгіевскимъ крестомъ.

Однажды, придя въ госпиталь, государь подошелъ къ раненому офицеру Ковалеву, которому только что была сдѣлана ампутація ноги. Сильныя страданія сдѣлали больного чрезвычайно раздражительнымъ и капризнымъ, и онъ почти

не хотѣлъ отвѣчать на разспросы государя. Но тотъ, во что бы то ни стало, желалъ добиться отъ него отвѣта.

— О чемъ ты грустишь?—спросилъ онъ.

Ковалевъ молчалъ.

— Что ты себя хуже чувствуешь?

— Нѣтъ... — коротко отвѣтилъ Ковалевъ, нахмуривъ брови.

— Можетъ-быть, ты чѣмъ-нибудь недоволенъ?..

— Меня... — сказалъ Ковалевъ, уже дрожащимъ голосомъ, — постоянно смущаетъ мысль... о моей матери... Она жила всегда со мною... Я содержалъ, а теперь... останется одна... на всемъ свѣтѣ, безъ куска хлѣба... Много потрудилась она, бѣдная... чтобы меня поставить на ноги.

Эти простыя слова молодого офицера тронули государя и, желая скрыть свое волненіе, онъ сказалъ ему нѣсколько утѣшительныхъ словъ и быстро отошелъ.

Вечеромъ государь сказалъ генералъ-адъютанту Рылѣеву:

— У меня цѣлый день не выходитъ изъ головы бѣдный Ковалевъ. Эта святая любовь его къ матери меня растрогала. Сколько въ его словахъ было чувства... Я не могу забыть!

Затѣмъ, подойдя къ письменному столу, государь досталъ четыре свертка золотыхъ монетъ по 1.000 франковъ въ каждомъ и произнесъ:

— Вотъ что! Надо ему помочь... Возьми эти деньги, положи ихъ какъ-нибудь ему подъ подушку, но, пожалуйста, сдѣлай такъ, чтобы онъ не зналъ, что это отъ меня.

Утромъ генералъ-адъютантъ Рылѣевъ доставилъ Ковалеву въ госпиталь Высочайше пожалованныя ему деньги.

Однажды императоръ, съ генералъ-адъютантомъ княземъ Витгенштейномъ, отправился изъ Радоницъ въ ближайшій госпиталь, расположенный въ Булгарени.

Въ другихъ экипажахъ, слѣдовавшихъ сзади, помѣстились генералы—Рылѣевъ, Салтыковъ и лейбъ-медикъ Боткинъ.

На полдорогѣ государь обогналъ нѣсколько человѣкъ раненыхъ, которые съ трудомъ тащились по направленію къ лазарету. Увидѣвъ ихъ, государь приказалъ кучеру остановиться. Князь Витгенштейнъ выскочилъ изъ коляски, чтобы разспросить идущихъ солдатъ. Оказалось, что они стараются доплестись до Булгарени пѣшкомъ, такъ какъ для нихъ не хватило ни повозокъ, ни носилокъ. Когда князь доложилъ это, государь быстро вышелъ изъ экипажа, подошелъ къ раненымъ и сталъ взволнованнымъ голосомъ разспрашивать, откуда они идутъ, какъ ранены и, выбравъ трехъ наиболѣе тяжкихъ, приказалъ имъ сѣсть въ его коляску, а другихъ приказалъ размѣстить въ экипажи свиты.

Солдаты совершенно ожили отъ милостивыхъ словъ государя, но не рѣшались исполнить его приказаніе.

— Мы дойдемъ... Ваше Императорское Величество, недалеко уже до госпиталя, — говорили они, но видя, что государь настаиваетъ на своемъ рѣшеніи, повиновались.

Коляскѣ было приказано ближе подъѣхать, и тогда государь самъ началъ усаживать раненыхъ. Князь Витгенштейнъ помѣстился на козлахъ рядомъ съ кучеромъ, а на его мѣсто сѣлъ солдатъ, два другихъ влѣзли внутрь экипажа, свѣсивъ ноги на подножки.

Завидѣвъ столь необыкновенный поѣздъ съ ранеными еще издали, доктора и сестры милосердія вышли навстрѣчу къ государю. Никакими словами невозможно передать, что чувствовали въ такую минуту смотрящіе изъ палатъ госпиталя раненые солдатики, а также ѣдущіе и сидящіе рядомъ съ государемъ.

Богъ охранялъ драгоцѣнную жизнь царя-Освободителя, но Его волею было положено, чтобы великій царь пріялъ мученическую кончину послѣ всѣхъ благодѣяній, совершенныхъ для своего народа.

Ни на одного державнаго властителя не было такого количества покушеній, какъ на Александра II, и каждый разъ Божій промыслъ сохранялъ царя для новыхъ великихъ дѣяній.

Первое покушеніе на жизнь Александра II-го произошло 4-го апрѣля 1866 г., въ понедѣльникъ, въ 4 часа дня, въ то время, когда царь, окончивъ свою обычную прогулку по Лѣтнему саду, выходилъ изъ него на набережную Невы. Толпа народа окружила его. Онъ собирался сѣсть въ коляску, когда вдругъ раздался пистолетный выстрѣлъ, и пуля пролетѣла надъ головой императора.

Случайно находившійся въ толпѣ мастеровой, увидѣвъ направленный на царя пистолетъ, успѣлъ толкнуть злоумышленника подъ локоть, и пуля пролетѣла мимо.

Злоумышленникъ бросился бѣжать, но его поймали, и толпа едва не растерзала его на клочки. Государь уѣхалъ во дворецъ, а оттуда въ Казанскій соборъ, гдѣ со всѣмъ народомъ отслужилъ благодарственный молебенъ. Вечеромъ 4-го апрѣля городъ былъ иллюминованъ, какъ и весь день 5-го апрѣля. По всей Россіи служились молебны, со всѣхъ концовъ Россіи государю посылались телеграммы и адреса. Злоумышленникомъ оказался сынъ небогатаго помѣщика Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ., нѣкій Каракозовъ.

Спасшимъ царя — крестьянинъ Костромской губ., Буйскаго уѣзда, Осипъ Ивановичъ Комиссаровъ, служившій подмастерьемъ въ шапочной мастерской.

На другой день, 5-го апрѣля, Комиссаровъ былъ представленъ государю. Государь поцѣловалъ его и далъ ему потомственное дворянство, наградивъ пожизненной пенсіей.

Комиссаровъ сталъ героемъ дня.

Всѣ наперерывъ искали съ нимъ знакомства.

Въ слѣдующемъ, 1867 году, Александръ II съ наслѣдникомъ цесаревичемъ и Владиміромъ Александровичемъ въ маѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Парижъ.

Міровая столица блестяще встрѣтила высокихъ гостей. Императоръ Наполеонъ устроилъ рядъ праздниковъ и зрѣлищъ. 25 мая былъ назначенъ парадъ войскамъ на Лоншанскомъ полѣ. Парадъ окончился въ $4^3/_4$ ч. дня, и высочайшія особы направились въ Парижъ. Въ коляскѣ сидѣли императоръ Александръ Николаевичъ съ Наполеономъ по лѣвую руку, а на передней скамьѣ—наслѣдникъ цесаревичъ съ братомъ в. кн. Владиміромъ. Коляску окружали пикеры; подлѣ коляски справа ѣхалъ императорскій конюшій Бурженъ, слѣва конюшій Рамбо. Когда экипажъ поѣхалъ по аллеѣ Булонскаго лѣса, съ одного изъ деревьевъ быстро соскочилъ какой-то неизвѣстный и бросился бѣгомъ къ коляскѣ. Рамбо увидѣлъ въ его рукѣ пистолетъ и направилъ на него своего коня. Это было какъ разъ во-время. Раздался выстрѣлъ въ 5 шагахъ отъ коляски. Пистолетъ разорвало, а пуля ранила лошадь Рамбо.

Наполеонъ въ страхѣ пригнулся за плечо государя. Государь спокойно оглянулся и пожалъ плечами.

На злоумышленника бросилась разъяренная толпа.

Его повалили и стали душить. Изъ толпы тотчасъ раздался радостный крикъ:

— Это не французъ!

Полиція отбила злоумышленника отъ толпы, и его свезли въ тюрьму.

Онъ оказался полякомъ Антономъ Березовскимъ, рѣшившимся убить государя изъ мести за Польшу.

На другой день государь въ посольской церкви отслужилъ благодарственный молебенъ. Въ церкви присутствовали Наполеонъ III съ императрицей Евгеніей и прусскій король Вильгельмъ I.

Въ этотъ самый день въ кабинетѣ государя въ Зимнемъ дворцѣ взбѣсилась его любимая собака и изодрала всю мебель, послѣ чего съ жалобнымъ воемъ забилась подъ диванъ.

2-го апрѣля 1879 года государь совершалъ свою обычную прогулку по тротуару вдоль зданія главнаго штаба.

Былъ 1 часъ дня; государь прошелъ вдоль зимней канавы и вышелъ на дворцовую площадь, когда навстрѣчу

показался прилично одѣтый господинъ въ форменной фуражкѣ съ кокардою. Едва государь поравнялся съ нимъ, какъ онъ вынулъ револьверъ и сдѣлалъ по государю выстрѣлъ.

Государь отшатнулся, раздалось еще два выстрѣла. Злоумышленникъ былъ въ 5—6 шагахъ. Пули летѣли мимо государя, не причиняя ему вреда. Въ это время прохожіе и постовые гордовые окружили преступника, но онъ успѣлъ сдѣлать еще выстрѣлъ и ранилъ имъ одного изъ окружавшихъ въ щеку.

Государь вернулся во дворецъ и въ домовой церкви отслужилъ благодарственный молебенъ.

Слухъ о покушеніи быстро облетѣлъ весь городъ. Площадь Зимняго дворца наводнилась толпою.

Изъ устъ въ уста передавалась радостная вѣсть о чудесномъ спасеніи царя. Раздались радостные крики «ура!» полетѣли вверхъ шапки. Государь долженъ былъ показаться народу. Загремѣло могучее тысячеголосное пѣніе: «Боже, Царя храни!» У государя на глазахъ были слезы. Онъ вѣрилъ, что народъ любитъ его и преданъ ему. Тѣмъ временемъ въ бѣломъ залѣ собрались министры и чины двора принести государю свои поздравленія. Государь вышелъ къ нимъ и сказалъ:

— Я глубоко тронутъ и сердечно благодарю за чувства преданности, высказанныя вами. Сожалѣю, что поводомъ послужилъ столь грустный случай. Богу угодно было въ третій разъ избавить меня отъ вѣрной смерти, и сердце мое полно благодарности за Его милосердіе. Да поможетъ Онъ мнѣ служить Россіи и видѣть ее счастливою и развивающеюся мирно, какъ я того бы желалъ.

Изъ дворца государь поѣхалъ въ Казанскій соборъ. Народъ провожалъ его толпами, кричалъ «ура» и плакалъ.

Злоумышленникомъ оказался нѣкто Соловьевъ.

---

19 ноября 1879 года въ 10 час. вечера въ Москвѣ по Курской жел. дорогѣ, когда проходилъ поѣздъ съ царскимъ конвоемъ, прислугою и багажомъ, въ районѣ города (7 кварталъ Рогожской части) произошелъ взрывъ. Поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, багажный вагонъ разбился, два пассажирскихъ стали поперекъ дороги. На полотнѣ образовалась воронка въ 2 аршина.

По маршруту въ это время долженъ былъ проходить царскій поѣздъ. Случилось, что государь прибылъ въ Симферополь на полчаса ранѣе, и тогда былъ измѣненъ порядокъ, и свитскій поѣздъ, чтобы не закрывать пути, былъ пущенъ послѣ царскаго, вмѣсто того, чтобы итти впереди. Злоумышленники не знали этого, и царскій поѣздъ прослѣдовалъ

благополучно. Когда совершилось злодѣяніе, царь въ это время уже молился въ часовнѣ Иверской Божіей Матери.

5-го февраля 1880 года, въ 6 час. 20 мин. вечера, въ подвальномъ этажѣ Зимняго дворца подъ помѣщеніемъ главнаго корпуса произошелъ оглушительный взрывъ. При этомъ было убито 10 нижнихъ чиновъ изъ караула и ранено до 53 человѣкъ.

Позднѣйшія изслѣдованія показали, что взрывъ произошелъ отъ мины, заложенной въ печкѣ подвальнаго помѣщенія, размѣромъ въ 3 пуда динамита. Разрядъ ея былъ произведенъ съ помощью особаго механизма съ часами.

Прямо надъ мѣстомъ взрыва находилась кордегардія, а надъ нею царская столовая, въ которой въ это время царь долженъ былъ обѣдать съ пріѣхавшими германскими принцами. Взрывъ былъ разсчитанъ на такую силу, что сидящіе за столомъ должны были бы быть убитыми или искалѣченными. И опять совершилось чудо. Поѣздъ съ высокими гостями опоздалъ прибытіемъ, и обѣдъ былъ отложенъ до 7-ми часовъ вечера. Такимъ образомъ, въ моментъ взрыва царская столовая оказалась пустою. Сервированный столъ былъ разрушенъ, полъ въ столовой совершенно выгнулся и грозилъ проваломъ.

Драгоцѣнная жизнь царя-Освободителя снова была спасена Божіей волей. По всей Россіи народъ благоговѣйно молился, видя явное чудо.

На государя были еще покушенія на Садовой, гдѣ была проложена мина, покушеніе съ помощью отравленныхъ пилюль,—но всѣ они благополучно отстранялись Высшею волею, доколѣ не пробилъ часъ закончить земную жизнь царя-Освободителя мученической кончиной.

Въ субботу, 28-го февраля 1881 года, государь императоръ Александръ Николаевичъ, имѣвшій обыкновеніе вставать въ 10 часовъ утра, проснулся и всталъ въ 8 часовъ. По окончаніи своего туалета, государь, опять вопреки своего обыкновенія, вмѣсто обычной прогулки по заламъ дворца, въ 10 часовъ направился въ малую церковь, гдѣ пріобщился св. Тайнъ вмѣстѣ съ другими членами Августѣйшей семьи.

Всѣ присутствовавшіе были поражены выраженіемъ радости и блаженства, отразившимися на лицѣ государя по принятіи св. причастія. Послѣ обѣдни былъ поданъ завтракъ, на которомъ присутствовали г-жа Бартенева, кн. Суворовъ, Слѣпцовъ и Рылѣевъ. Послѣ завтрака государь удалился въ кабинетъ для занятій, куда пришелъ лейбъ-медикъ Боткинъ. Государь похвалился передъ нимъ, что онъ безъ устали

простоялъ два часа за обѣдней и чуствуетъ себя отлично. Послѣ Боткина вошелъ съ докладомъ министръ иностранныхъ дѣлъ Гирсъ, а за нимъ министръ внутреннихъ дѣлъ и предсѣдатель верховной комиссіи графъ Лорисъ-Меликовъ, который доложилъ государю объ арестѣ Желябова, участника неудавшагося покушенія на Лозово-Севастопольской дорогѣ близъ Александровска. Графъ Лорисъ-Меликовъ передалъ государю письменно изложенные отвѣты Желябова на первомъ допросѣ и указалъ на его слова, что покушеніе на жизнь государя будетъ произведено снова, несмотря на арестъ его, Желябова.

Лорисъ-Меликовъ умолялъ государя быть особенно осто-

Злодѣяніе 1 марта.

рожнымъ и отложить разводъ, который былъ назначенъ на другой день, 1-го марта, въ Михайловскомъ манежѣ.

Государь вспыхнулъ. Природная отвага не позволяла ему бѣжать отъ опасности. Лорисъ-Меликовъ въ этотъ день не остался во дворцѣ обѣдать, такъ какъ былъ сильно боленъ. Государь послѣ обѣда не совершилъ своей обычной прогулки въ Лѣтній садъ.

За вечернимъ чаемъ государя спросили, поѣдетъ ли онъ на разводъ.

— Почему же нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—я и такъ откладывалъ его уже два раза.

Весь вечеръ онъ провелъ въ прекрасномъ настроеніи духа и въ такомъ же настроеніи ушелъ спать.

Наступилъ роковой день 1-го марта 1881 года. Государь всталъ, какъ обыкновенно, въ 10 часовъ, совершилъ прогулку по заламъ Зимняго дворца, былъ въ церкви на обѣднѣ, позавтракалъ и удалился въ кабинетъ, гдѣ принялъ Лорисъ-Меликова. Лорисъ-Меликовъ снова просилъ государя отмѣнить разводъ, но государь посмѣялся и сказалъ, что рѣшенія своего не измѣнитъ.

Безъ пяти минутъ въ часъ онъ поѣхалъ въ манежъ.

Въ этотъ день онъ былъ въ мундирѣ л.-гв. сапернаго батальона.

Замѣчательныя совпаденія.

Этотъ батальонъ былъ въ караулѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ, когда родился императоръ 17 апрѣля 1818 г. Въ страшный день, 14 декабря 1825 г., императоръ Николай поручилъ л.-гв. саперному батальону охранять наслѣдника. По восшествіи на престолъ передъ Александромъ II первымъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ этотъ же батальонъ и, наконецъ, онъ былъ на самомъ послѣднемъ разводѣ.

Разводъ окончился. Государь поѣхалъ во дворецъ.

Было около 3-хъ часовъ дня, когда карета государя выѣхала на набережную Екатерининскаго канала. Въ это мгновеніе раздался взрывъ бомбы, брошенной Рысаковымъ. Кузовъ кареты былъ измятъ, но государь остался невредимъ и могъ бы доѣхать благополучно до дворца.

Взрывомъ были ранены конвойный казакъ и прохожій мальчикъ, кричавшій отъ боли и страха. Доброе сердце государя не выдержало, и онъ пожелалъ подойти къ невиннымъ жертвамъ. Едва государь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ раненому мальчику, какъ къ нему приблизился другой злоумышленникъ Гринивецкій (полякъ) и бросилъ вторую бомбу подъ самыя ноги царя.

Раздался оглушительный взрывъ. Когда разсѣялся дымъ, окружающіе увидѣли царя на панели, прислонившагося къ рѣшеткѣ набережной. Вся панель была залита царственной кровью. У государя оказались раздробленными ноги.

Подлѣ него лежалъ раненымъ злоумышленникъ и оглушенный взрывомъ полковникъ Дворжецкій.

— Помоги, — слабымъ голосомъ сказалъ ему государь. Дворжецкій очнулся и тотчасъ бросился на помощь государю.

— Холодно, холодно...—прошепталъ государь.

Кровь лилась потокомъ.

— Несите меня во дворецъ... тамъ... умереть...—произнесъ страдалецъ.

Конвойные на рукахъ подняли его и помѣстили въ сани Дворжецкаго. Кто-то покрылъ голову государя фуражкой.

Сани примчали государя во дворецъ. Онъ еще былъ въ сознаніи, когда его положили на кровать.

Пріѣхавшіе врачи рѣшили, что можно было бы спасти драгоцѣнную жизнь быстрой операціей, если бы не было потеряно столько крови. Царь впалъ въ забытье.

Въ 3 часа 35 минутъ пополудни медленно опустился императорскій штандартъ съ флагштока Зимняго дворца. Царь-Освободитель скончался, пріявъ мученическій вѣнецъ.

Царствованіе Александра II, продолжавшееся 26 лѣтъ и прерванное преступленіемъ, должно считаться въ исторіи нашей однимъ изъ самыхъ блестящихъ какъ по внутреннимъ реформамъ, такъ и по количеству земельныхъ пріобрѣтеній.

Императоръ Александръ II является и царемъ-освободителемъ и царемъ-завоевателемъ. При немъ окончательно покоренъ богатѣйшій Кавказъ, пріобрѣтены Амуръ и масса земель въ Средней Азіи. Въ то же время царь даровалъ народу свободу отъ крѣпостной зависимости, уничтожилъ позорныя тѣлесныя наказанія, далъ новый судъ и земское и городское самоуправленія.

XX.

Императоръ Александръ III.

(Род. 26 фев. 1845 г. Вст. на пр. 2 мар. 1881 г. Ум. 20 окт. 1894 г.).

Императоръ Александръ III былъ высокаго роста, который скрадывался массивностью его фигуры. Высокій открытый лобъ, крупныя черты чисто русскаго лица, широкая окладистая борода и ясный, свѣтлый и твердый взглядъ голубыхъ глазъ придавали ему видъ древнихъ русскихъ богатырей. Да и силою своей онъ былъ истинный богатырь. Разсказываютъ, что однажды, выйдя проводить Государыню на прогулку, онъ шутя ухватился за заднюю доску саней, чтобы удержать ихъ. Кони рванули, и въ рукахъ Государя остался задокъ саней.

Какъ всѣ могучіе люди, Государь былъ крайне сдержанъ и почти не поддавался внезапнымъ вспышкамъ гнѣва.

Любя все русское, стремясь укрѣпить въ обществѣ національное сознаніе, онъ являлся и по укладу жизни своей какъ бы русскимъ патріархомъ.

Государственныя дѣла отнимали у него все его время; семья—занимала всѣ его досуги.

Онъ вставалъ въ 6 часовъ утра и весь обтирался холодною водою, послѣ чего дѣлалъ гимнастическія упражненія. Выпивъ чай, онъ тотчасъ проходилъ въ кабинетъ и принималъ доклады, которые длились до 12 часовъ. Позавтракавъ въ кругу семьи, онъ шелъ зимою въ свой садикъ и тамъ занимался расчисткою дорожекъ отъ снѣга. Пишущій эти строки жилъ одно время противъ Аничкова дворца въ 6-мъ этажѣ и съ высоты изъ окна нерѣдко видѣлъ за этимъ занятіемъ Государя. Несмотря на холодъ, Царь былъ одѣтъ въ сѣрую военную тужурку; широкой лопатой онъ захватывалъ цѣлыя глыбы снѣга, которыя летѣли въ сторону, разсыпаясь снѣжною пылью.

Поупражнявшись на воздухѣ, Государь переодѣвался и выѣзжалъ или на смотръ, или посѣщалъ военные корпуса, или ѣхалъ на засѣданіе.

Обѣдалъ онъ всегда въ кругу своей семьи и въ присутствіи министра двора и наиболѣе приближенныхъ лицъ.

Ѣлъ онъ быстро и любилъ простыя кушанья, запивая ихъ любимымъ краснымъ виномъ.

Послѣ обѣда онъ недолго отдыхалъ и затѣмъ снова занимался дѣлами до вечерняго чая, который пилъ всегда на половинѣ Государыни. Если онъ не успѣвалъ закончить текущихъ дѣлъ, то тотчасъ послѣ чая уходилъ къ себѣ въ кабинетъ и нерѣдко сидѣлъ тамъ далеко за полночь.

Лѣто онъ проводилъ частью въ излюбленныхъ имъ шхерахъ, куда онъ ѣздилъ всей семьей, частью въ Гатчинѣ и въ Царскомъ и конецъ лѣта въ любимой имъ Ливадіи.

Изъ развлеченій онъ больше всего любилъ рыбную ловлю и охоту.

У Императора Александра III въ карманѣ пальто всегда находился серебряный портъ-сигаръ.

Когда онъ посѣщалъ Пажескій корпусъ, кадеты старшаго класса обыкновенно доставали этотъ портъ-сигаръ и разламывали его на мелкіе куски себѣ на память.

Однажды, по обыкновенію, едва прибылъ Государь, они бросились въ раздѣвальную и полѣзли въ карманы пальто. Каково же было ихъ удивленіе, когда они нашли тамъ не серебряный, а кожаный портъ-сигаръ.

Все же они разорвали его на кусочки.

Когда Государь собрался уѣзжать, и его вышли провожать кадеты, онъ, смѣясь, обратился къ нимъ и сказалъ:

— Что, надулъ васъ на этотъ разъ! разлакомились на серебро!..

Императоръ Александръ III.

Императоръ Александръ III не любилъ ничего наноснаго, несвойственнаго русскому духу.

Однажды послѣ маневровъ онъ принималъ депутацію отъ крестьянъ и среди русскихъ поддевокъ въ заднихъ рядахъ замѣтилъ крестьянина въ пиджакѣ.

Онъ вызвалъ его впередъ и сказалъ:

— Жаль, братецъ, что ты русскую поддевку смѣнилъ на нѣмецкій пиджакъ. Ты православный?

— Православный,—пролепеталъ смущенный франтъ.

— Смотри же, сохрани хоть русскую душу.

Знаменитый профессоръ Грубе во время лекціи порѣзался, заразился трупнымъ ядомъ, и руки его уже опухли до плеча. Единственнымъ спасеніемъ для него была операція, но сдѣлать ее нельзя было, потому что сердце больного работало очень слабо. На квартирѣ больного собрались харьковскіе профессора, врачи и студенты, ожидая кончины любимаго профессора. Въ это время ему подали телеграмму отъ министра двора, въ которой по порученію Государя спрашивалось о здоровьѣ профессора. Это царское вниманіе такъ тронуло Грубе, что дѣятельность его сердца сразу повысилась, и явилась возможность произвести необходимую операцію. Грубе былъ спасенъ. Выздоровѣвъ, онъ пріѣхалъ въ Ливадію лично благодарить Государя за вниманіе. Государь въ то время былъ ужъ смертельно боленъ, но, несмотря на это, принялъ профессора и выразилъ удовольствіе по поводу его выздоровленія.

По разсказу корреспондента лондонской газеты «Times», однажды при дворѣ былъ поднятъ вопросъ, съ какимъ названіемъ Императоръ Александръ III перейдетъ въ исторію. Одинъ изъ придворныхъ сказалъ «справедливый», другой — «милостивый». Государь услышалъ разговоръ и сказалъ:

— Нѣтъ, я былъ и буду *императоромъ крестьянъ*. Нѣкоторые изъ моихъ приближенныхъ называли меня такъ въ шутку и тѣмъ возбудили особое сочувствіе къ мужику. Я пробовалъ доставлять средства къ жизни бѣднякамъ и нахожу, что это лучшій способъ двигать жизненную машину. Какъ только народъ приходитъ къ сознанію, что его не допустятъ до голодной смерти, онъ благословляетъ Бога и любитъ своего монарха. Я искренно желаю заслужить имя *царя народа*.

Ея Императорское Величество Государыня императрица
Марія Θеодоровна.

17 октября 1888 г. Императоръ со всѣмъ своимъ семействомъ подвергся смертельной опасности на Курско-Харьково-Азовской дорогѣ, возвращаясь изъ Крыма въ Петербургъ.

Царскій поѣздъ выѣхалъ со станціи Мироновки и быстро приближался къ станціи Борки. Полотно проходило по высокой насыпи, у которой находилась глубокая балка. Былъ полдень. Государь Императоръ и Императрица съ августѣйшими дѣтьми и лицами свиты сидѣли въ вагонѣ-столовой, когда

вдругъ весь поѣздъ вздрогнулъ, послышался страшный трескъ и слѣдомъ наступило крушеніе всего поѣзда.

Вагоны сошли съ рельсовъ и полетѣли подъ кручу. Вагонъ-столовая удержался, но представлялъ ужасный видъ. Весь низъ вагона съ колесами былъ оторванъ и вылетѣлъ. Стѣнки вагона сплющились и опустились на полотно, едва поддерживая наполовину сорванную крышу.

Но совершилось великое чудо. Подъ этой крышею совершенно невредимыми сохранились всѣ члены Императорской Фамиліи и всѣ лица, бывшія съ нею.

Государь вышелъ черезъ окно вагона и помогъ выйти всей семьѣ.

Картина разрушенія, представившаяся глазамъ Государя, была ужасна. Весь поѣздъ былъ раздробленъ, полотно разворочено. Нѣсколько разбитыхъ вагоновъ лежало на откосѣ. Вся насыпь была покрыта убитыми и ранеными. Изъ-подъ обломковъ вагоновъ неслись крики и стоны. Раненыхъ впослѣдствіи оказалось 187 человѣкъ, убитыхъ—15.

Государь немедля послалъ въ Харьковъ за санитарнымъ поѣздомъ и за поѣздомъ для себя.

Царь и Царица съ лицами свиты тотчасъ стали оказывать дѣятельную помощь пострадавшимъ. Государыня сама перевязала нѣкоторымъ раны. Поѣзда прибыли. Государь лично наблюдалъ за помѣщеніемъ раненыхъ въ вагоны и приказалъ представить списокъ съ обозначеніемъ семейнаго положенія всѣхъ пострадавшихъ во время крушенія.

Когда санитарный поѣздъ отошелъ, Государь съ семействомъ вошелъ въ свитскій поѣздъ и приказалъ ѣхать на станцію Лозовую по Екатерининской дорогѣ. Здѣсь Государь вызвалъ сельское духовенство и отслужилъ сначала панихиду по убитымъ и затѣмъ благодарственный молебенъ. Память объ этомъ чудесномъ спасеніи празднуется всей Россіей изъ года въ годъ 17 октября, и на мѣстѣ крушенія въ Боркахъ, по желанію Царя, воздвигнутъ храмъ.

Кончина Государя Императора Александра Александровича (въ Ливадіи 20 октября 1894 г.) была праведная, какъ праведна была жизнь его, исполненная вѣры, любви и смиренія. Нѣсколько дней онъ уже чувствовалъ приближеніе смерти и готовился къ ней, какъ вѣрующій христіанинъ, не оставляя заботъ о дѣлахъ правленія. Два раза, 9 и 17 октября, Государь пріобщался св. Тайнъ. Не спавъ всю ночь, рано утромъ 20 числа, въ Бозѣ почившій Императоръ сказалъ уже Императрицѣ: «Чувствую конецъ, будь покойна; я совершенно покоенъ», и, собравъ всю семью около себя, пригласилъ духовника и причастился съ великимъ умиле-

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай II.

ніемъ, произнеся вслухъ яснымъ для всѣхъ голосомъ молитву предъ причащеніемъ, сидя въ креслахъ. Государь все время не терялъ ни на минуту сознанія. Послѣ обѣдни онъ послалъ за о. Іоанномъ Сергіевымъ и вмѣстѣ съ нимъ молился; потомъ чрезъ полчаса призвалъ его снова, и о. Іоаннъ вновь напутствовалъ его молитвою и помазаніемъ св. елея, пріобщилъ св. Тайнъ и оставался при немъ до самой кончины. Въ два часа пополудни усилился у Государя пульсъ, и взоръ его какъ бы оживился, но уже черезъ четверть часа, закрывъ глаза и откинувъ голову, онъ предалъ духъ Всевышнему Богу, завѣщавъ народу своему благословеніе мира и завѣтъ доброй жизни.

XXI.

Особыя событія въ жизни царей.

I.

Въ фамильной исторіи прусскаго царствующаго дома Гогенцоллерновъ фигурируетъ знаменитая, таинственная «бѣлая дама» въ потсдамскомъ дворцѣ. Въ хроникѣ нашего Царствующаго Дома нѣтъ фамильныхъ призраковъ, но въ исторіи частной жизни нѣкоторыхъ царствовавшихъ лицъ встрѣчаются событія, окруженныя мистическою тайною.

Первое мѣсто среди этихъ таинственныхъ событій, безспорно, занимаетъ «видѣніе двойника Анны Іоанновны».

Въ свое время эта таинственная исторія была описана и формально подтверждена Бирономъ и караульнымъ офицеромъ.

Событіе это произошло въ ночь на 10 октября 1740 года.

Императрица Анна Іоанновна жила тогда во дворцѣ, на Фонтанкѣ (гдѣ нынѣ находятся подворіе Троицкой лавры и комнаты московскаго митрополита).

Послѣ ужина государыня удалилась въ 11 часовъ на покой, и во дворцѣ все стихло.

Дворцовый караулъ произвелъ смѣну. Между прочимъ, часть его, взводъ солдатъ, занимала комнату, смежную съ троннымъ заломъ.

У двери зала стоялъ по обычаю часовой. Свободные отъ дежурства солдаты дремали въ ожиданіи своей очереди, а караульный офицеръ, расположившись въ мягкихъ креслахъ, спалъ.

Вдругъ, приблизительно около часа ночи, когда все во дворцѣ было погружено въ глубокій сонъ, гулко раздался ударъ караульнаго колокола и крикъ часового:

— Караулъ вонъ!

Солдаты быстро повскакали съ мѣстъ и взялись за ружья; офицеръ выстроилъ ихъ и вынулъ саблю для салюта.

Весь караулъ съ офицеромъ во главѣ увидѣлъ черезъ раскрытыя двери императрицу: склонивъ голову, она задумчиво ходила взадъ и впередъ по тронной залѣ.

Тронный залъ былъ слабо освѣщенъ нѣсколькими горящими въ канделабрахъ свѣчами; лицо императрицы было необыкновенно и проникнуто какой-то тоской. Караулъ, держа у плеча ружья, и офицеръ, съ обнаженною саблею, замерли въ суевѣрномъ ужасѣ, а ходившая по залу императрица, казалось, совершенно не замѣчала ихъ.

Первымъ очнулся офицеръ. Онъ вполголоса передалъ свою команду взводному, а самъ торопливо направился въ такъ называемый женскій аппартаментъ, чтобы вызвать дежурную фрейлину.

Въ длинномъ коридорѣ онъ встрѣтилъ герцога Бирона и поспѣшилъ доложить ему, что императрица вошла въ тронный залъ и теперь ходитъ тамъ въ глубокой задумчивости.

Биронъ изумился.

— Этого не можетъ быть!—воскликнулъ онъ, — я только что отъ императрицы. Она направилась въ свою опочивальню. Это—чья-то шалость, интрига!

— Взгляните, ваша свѣтлость, сами и тогда вы убѣдитесь,—сказалъ смущенный офицеръ.

Герцогъ направился вслѣдъ за офицеромъ къ тронному залу.

Императрица продолжала медлительно ходить взадъ и впередъ. Биронъ остановился пораженный.

— Это—не государыня,—пробормоталъ онъ.—Это какой-то наглый обманъ! Я сейчасъ!

Онъ поспѣшно направился во внутренніе аппартаменты и приказалъ разбудить императрицу.

Войдя къ ней, онъ разсказалъ о томъ, что видѣлъ, и просилъ ее пройти немедленно къ тронному залу, чтобы обличить обманъ.

Смущенная императрица надѣла пеньюаръ и направилась за Бирономъ.

Во дворцѣ уже стали просыпаться. Непонятное волненіе охватило всѣхъ.

Государыня прошла мимо караула и вошла въ тронный залъ. Мистическій ужасъ наполнилъ ея душу. Въ залѣ передъ нею, молча и торжественно, ходилъ ея двойникъ въ задумчивости, не замѣчая ея присутствія.

Анна Іоанновна шагнула по направленію къ своему двойнику и крикнула:

— Дерзкая!

— Зарядить ружья! — приказалъ Биронъ офицеру.

Офицеръ отдалъ команду. Солдаты дрожащими руками зарядили ружья.

Императрица готова была лишиться чувствъ.

— Кто ты? зачѣмъ пришла?—задыхаясь, спросила она.

Двойникъ остановился и вперилъ въ нее тоскующій, недвижимый взоръ. Затѣмъ сталъ медленно отступать къ трону и, не сводя взгляда съ императрицы, поднялся на ступени трона.

Биронъ обезумѣлъ отъ ужаса и гнѣва.

— Это обманщица! Вотъ ваша императрица!—закричалъ онъ солдатамъ.

Двойникъ поднялся на верхнюю ступеньку трона.

— Стрѣлять въ нее!—закричалъ неистово Биронъ.

Солдаты подняли ружья.

Въ этотъ моментъ двойникъ сталъ блѣднѣть и вдругъ исчезъ. Свѣчи погасли, словно отъ чьего-то дуновенія.

Всѣхъ присутствующихъ охватилъ суевѣрный ужасъ.

— Это моя смерть, — сказала императрица, измученная и дрожащая отъ страха.

Анна Іоанновна, какъ извѣстно, умерла 17 октября 1740 г., т.-е. недѣлю спустя послѣ видѣнія.

Настоящій разсказъ записанъ со словъ графини Блудовой.

2.

Нѣсколько таинственныхъ явленій произошли въ жизни императора Павла I.

Свѣдѣнія о первомъ таинственномъ явленіи въ его жизни относятся къ 1776 году (Павелъ родился 20 сентября 1754 г.), когда онъ былъ 22-лѣтнимъ великимъ княземъ и наслѣдникомъ и къ нему еще благоволила Екатерина II.

Великій князь Павелъ Петровичъ сидѣлъ въ небольшой комнатѣ Зимняго дворца съ княземъ Куракинымъ, а затѣмъ выразилъ желаніе погулять передъ сномъ и поглядѣть на Петербургъ при лунномъ освѣщеніи.

Была тихая, теплая и лунная апрѣльская ночь. Они вышли. Великій князь былъ угрюмъ, и кн. Куракинъ всячески старался развлечь его, то разсказывая анекдоты, то обращая его вниманіе на случайныхъ прохожихъ, но ничто не вызывало улыбки на лицѣ великаго князя.

Они проходили мимо одного подъѣзда по набережной, когда великій князь вдругъ какъ-то странно вздрогнулъ и

отодвинулся отъ стѣны. Куракинъ съ безпокойствомъ взглянулъ на него и увидѣлъ на лицѣ его смятеніе.

— Взгляни, — сказалъ Павелъ,—какой странный проводникъ у насъ?

Куракинъ ничего не видѣлъ.

— Какой проводникъ, Ваше Высочество?

Великій князь дрожалъ.

— Тотъ, что идетъ рядомъ со мною. Развѣ ты не слышишь его шаговъ? Они звенятъ словно ударяетъ камень о камень.

Луна ярко свѣтила. Куракинъ ничего не видѣлъ, но его охватилъ суевѣрный страхъ.

— Я ничего не вижу, вы идете рядомъ со мною, а съ другой стороны стѣна, которой вы почти касаетесь.

Павелъ пріостановился. Онъ, видимо, былъ возбужденъ и какъ бы напуганъ. Онъ наклонялся, поворачивалъ голову, какъ бы засматривалъ кому-то въ глаза и сказалъ:

— Странно! Ты не видишь человѣка въ плащѣ?

— Ничего не вижу.

Вдругъ Павелъ вздрогнулъ.

— Что ты хочешь отъ меня? — спросилъ онъ у кого-то незримаго; потомъ снова обратился къ Куракину:

— Неужели ты не слышишь его голоса?

— Ничего не слышу, и не вижу, Ваше Высочество!

Павелъ снова вздрогнулъ и почти съ отчаяніемъ закричалъ:

— Кто ты? чего ты отъ меня хочешь?

Куракинъ чувствовалъ, какъ волосы шевелятся у него на головѣ. Влекомый кѣмъ-то, Павелъ шелъ, повернувъ лицо отъ Куракина, и отрывисто говорилъ съ кѣмъ-то. Они блуждали почти часъ, вышли на Сенатскую площадь и здѣсь Павелъ внезапно остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ былъ воздвигнутъ памятникъ Петру Великому.

Съ минуту онъ стоялъ неподвижно, потомъ вдругъ откинулся и схватилъ руку Куракина. Лицо великаго князя выражало смятеніе.

— Онъ, это онъ!—проговорилъ съ трудомъ Павелъ.

— Кто, Ваше Высочество?

— Мой предокъ, Петръ, идемъ скорѣе домой! — и онъ повлекъ Куракина по набережной, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, и поминутно вздрагивая.

Придя домой, онъ легъ въ постель и долго не могъ успокоиться. Куракину онъ тотчасъ разсказалъ про свое видѣніе.

Когда они проходили мимо одного подъѣзда, въ его тѣни Павелъ замѣтилъ фигуру высокаго человѣка, закутаннаго плащемъ. Едва они поравнялись съ подъѣздомъ, человѣкъ вышелъ и пошелъ плечо о плечо съ Павломъ. Его шаги

гулко раздавались въ ночной тишинѣ. На лицо его была надвинута шляпа, и Павелъ не могъ разглядѣть его чертъ.

Нѣкоторое время они шли молча, потомъ призракъ глухо сказалъ:

— Павелъ, бѣдный Павелъ! Мой бѣдный принцъ!

На вопросъ Павла: кто ты? Онъ отвѣтилъ:

— Бѣдный Павелъ!.. Кто я? Я тотъ, кто о тебѣ скорбитъ и печется. Чего я хочу? Я хочу, чтобы ты не привязывался слишкомъ къ этому свѣту. Тебѣ недолго здѣсь странствовать. Живи праведно, если хочешь умереть спокойно, страшись угрызеній совѣсти...

И съ этими словами онъ сталъ удаляться, а на площади остановился.

— Прощай, Павелъ! Ты увидишь меня еще разъ! — раздался голосъ, и въ этотъ моментъ шляпа словно сама приподнялась надъ головою призрака, плащъ распахнулся, лунный свѣтъ ударилъ въ лицо, и Павелъ увидалъ орлиный взоръ, суровую улыбку и могучую фигуру Петра.

Онъ вскрикнулъ. Призракъ исчезъ.

Великій князь Павелъ Петровичъ въ 1781 году.
Съ гравированнаго портр. Скородумова.

Впослѣдствіи великаго князя поразило, что Екатерина II указала для памятника именно то мѣсто на площади, гдѣ исчезъ его призракъ.

Нѣсколькимъ приближеннымъ лицамъ онъ подъ строгою тайной передавалъ разсказъ объ этой встрѣчѣ, и этотъ разсказъ отмѣченъ въ запискахъ Порошина, Болотова, Тургенева и др. современниковъ императора.

Какъ извѣстно, Павелъ взошелъ на престолъ 7-го ноября 1796 года, послѣ скоропостижной смерти Екатерины II. Покойной императрицею ему предопредѣлена была другая участь. Государыня хотѣла устранить его отъ престола, а

наслѣдникомъ назначить сына его, Александра Павловича. Смерть императрицы измѣнила порядокъ событій и ходъ исторіи, но Павелъ зналъ намѣренія своей матери и готовился къ горькой чашѣ.

И вотъ, въ ночь на 5-е ноября 1796 года Павелъ увидѣлъ сонъ, будто, невѣдомый ему, сіяющій святой старецъ приблизился къ его изголовью, благословилъ его и тихимъ голосомъ наказалъ надѣяться на Божью помощь.

Павелъ проснулся потрясенный и растроганный и тотчасъ окликнулъ свою супругу. Она не спала и, въ отвѣтъ на его вопросъ, разсказала ему привидѣвшійся и ей сонъ, который буквально совпадалъ со сномъ Павла.

Тайной окружена и спѣшная постройка Михайловскаго дворца.

Тамъ, гдѣ теперь стоитъ Михайловскій дворецъ, нынѣ инженерное училище, находился такъ называемый лѣтній дворецъ, построенный Петромъ I въ 1711 году. Лѣтній садъ въ то далекое время занималъ и нынѣшній Царицынъ лугъ и площадь инженернаго замка. Лѣтній дворецъ былъ небольшимъ деревяннымъ зданіемъ, въ которомъ при Елисаветѣ жила Екатерина со своимъ супругомъ, наслѣдникомъ Петромъ Θеодоровичемъ, и въ которомъ родился Павелъ.

По восшествіи на престолъ императоръ Павелъ издалъ 20-го ноября 1796 г. указъ, которымъ этотъ лѣтній дворецъ приказывалъ впредь навсегда называть Михайловскимъ дворцомъ.

Этотъ указъ изумилъ въ то время всѣхъ, но слѣдомъ за этимъ произошло еще болѣе странное и таинственное событіе.

У лѣтняго дворца всегда находился караульный постъ и стоялъ часовой.

И вотъ, въ глухую полночь передъ часовымъ, стоявшимъ на посту, вдругъ явился старецъ, весь убѣленный сѣдинами, большого роста, сразу внушившій часовому глубокое почтеніе.

Онъ подошелъ и повелительно сказалъ:

— Иди и скажи своему государю, что я повелѣлъ ему на семъ мѣстѣ выстроить церковь во имя архистратига Михаила-архангела.

Часовой смутился, но собрался съ духомъ и твердо сказалъ:

— Какъ же мнѣ это сдѣлать? Меня за это забьютъ на смерть.

— Не опасайся ничего, — отвѣтилъ ему старецъ, — тебѣ зла за это никакого не будетъ, а ты только напомни государю, ибо онъ сіе уже и такъ знаетъ.

Старецъ исчезъ.

Солдатъ на смѣнѣ сказалъ объ этомъ явленіи разводящему, потомъ съ страшными клятвами подтвердилъ капралу и караульному офицеру.

Офицеръ донесъ командиру, и на другое утро объ этомъ узналъ и государь.

Выслушавъ донесеніе, Павелъ задумчиво опустилъ голову и сказалъ какъ бы про себя:

— Да, это я уже знаю.

И вскорѣ послѣ этого архитекторамъ Баженову и Брето было поручено строить михайловскій дворецъ, а на мѣстѣ, указанномъ старцемъ, 26-го февраля 1797 г. былъ заложенъ храмъ имени архистратига Михаила.

На имя государя было прислано нѣкіимъ Ефимомъ Ульяновскимъ прошеніе о разрѣшеніи ему построить въ Петербургѣ церковь имени Михаила, такъ какъ къ нему являлся святой Кириллъ Новоозерскій и приказывалъ ему это сдѣлать.

На этомъ прошеніи Павелъ, 16-го декабря 1796 года, начерталъ резолюцію: «По предсказанію св. Кирилла должно построить Михайловскую церковь: посему будетъ Михайловскій дворецъ и въ немъ—церковь сего имени».

Дворецъ строился съ невѣроятною спѣшностью. Павелъ слѣдилъ за постройкою и такъ торопилъ съ нею, словно съ переселеніемъ въ новый дворецъ связывалъ что-то очень значительное для своей жизни.

Громадный дворецъ, со всею внѣшнею облицовкою и внутренней отдѣлкой, съ полнымъ убранствомъ, былъ законченъ менѣе, нежели въ четыре года, и 1-го февраля 1801 г. императоръ Павелъ со всею семьей переѣхалъ въ него.

Новое помѣщеніе не принесло Павлу Петровичу счастія. Онъ прожилъ здѣсь всего 40 дней, и 12-го марта скончался.

Замѣчательно совпаденіе, которое истолковывали, какъ пророчество.

На фронтонѣ новаго дворца императоръ Павелъ приказалъ начертать надпись: «Дому твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней».

Оказалось, что число буквъ этой надписи точно соотвѣтствуетъ числу лѣтъ, прожитыхъ. императоромъ Павломъ—47.

Совпаденіе, дѣйствительно, замѣчательное.

У императрицы Екатерины II было какъ бы предчувствіе своей кончины. Разсказываютъ, что, недѣли за двѣ до кончины, она, садясь въ карету, чтобы ѣхать на балъ, уви-

дѣла, какъ съ неба скатился яркій метеоръ. По этому поводу Екатерина сказала А. А. Митюшкиной:

— Такъ же передъ кончиною Елисаветы упала звѣзда. Это къ моей кончинѣ.

Наканунѣ въ Эрмитажѣ она шутливо стращала Л. А. Нарышкина своей смертью и говорила:

— Покажи мнѣ, какъ будешь плакать, когда я умру.

Мар. Сав. Перекусихина и камердинеръ императрицы Захаръ Зотовъ разсказывали, что въ день кончины, въ среду, 6-го ноября, она, по обыкновенію, встала въ 7 ч. утра и сказала вошедшей къ ней Перекусихиной:

— Нынче я умру! — при этомъ она показала на часы.— Смотри, въ первый разъ они остановились.

— И, матушка,—отвѣтила Перекусихина,—я позову часовщика, и они опять пойдутъ.

— Увидишь!—сказала Екатерина, потомъ прошла въ кабинетъ, достала изъ ящика 20.000 р. и, отдавая ихъ Перекусихиной, сказала: — Бери! Это тебѣ мой послѣдній подарокъ.

Есть нѣкоторая таинственность въ иныхъ сочетаніяхъ чиселъ, а еще болѣе въ роли нѣкоторыхъ чиселъ въ той или другой жизни. Такъ, если взять изреченіе «*И посла мірови ангела кротости*» и изобразить буквы числами, которыя они изображаютъ по-славянски, то получится:

и= 8,	п= 80,	о= 70
с=200,	л= 30,	а= 1
м= 40,	і= 10,	р=100
о= 70,	в= 2,	и= 8
а= 1,	н= 50,	г= 3
е= 5,	л= 30,	а= 1
к= 20,	р=100,	о= 70
	т=300,	о= 70
с=200,	т=300,	и= 8,

а сумма этихъ чиселъ составитъ 1.777, т.-е. годъ рожденія императора Александра I.

Число 12 играло въ его жизни роковую роль. Онъ родился 12-го числа, 12-го мѣсяца (декабря). Если къ году рожденія прибавить 12+12, то получится 1801 г., годъ восшествія на престолъ; прибавить опять 12+12, т.-е. годы его царствованія, получимъ 1825—годъ его кончины. Наконецъ, нашествіе французовъ на Россію было въ 1812 году.

Въ жизни императора Александра II-го играли роль цифры 1 и 8. Онъ родился въ 1818 году—два раза 1 и два раза 8.—То же и въ годѣ его кончины, 1881 годъ; если сложить цифры этихъ двухъ лѣтъ, получится 36—возрастъ, въ которомъ императоръ Александръ II вступилъ на престолъ. Если къ этому числу приложить годы его царствованія и число мѣсяца его кончины, получится годъ, на которомъ онъ умеръ—36+26+1=63.

КЪ 300-ЛѢТІЮ ЦАРСТВОВ. ДОМА РОМАНОВЫХЪ

выпущены слѣдующія изданія (книги и брошюры подъ ред. засл. проф. П. Н. Жуковича):

1. Засл. проф. *Н. Михневичъ.* **Прошлое Россіи отъ Рюрика до Романовыхъ.** Ц. 30 к.
2. Проф. *А. Елчаниновъ.* **Державный Домъ Романовыхъ.** Ц. 30 к.
3. Засл. проф. *П. Жуковичъ.* **Смутное время и воцареніе Романовыхъ.** Ц. 25 к.
4. *Н. Дучинскій.* **Воцареніе Державнаго Дома Романовыхъ.** Ц. 3 к.
5. *Л. Погожева.* **Безвинный страдалецъ — Михаилъ Никитичъ Романовъ.** Ц. 5 к.
6. *Е. Поселянинъ.* **Царица Анастасія Романовна.** Ц. 5 к.
7. *Его же.* **Герои и подвижники лихолѣтья XVII вѣка.** Ц. 15 к.
8. *Его же.* **Родоначальникъ Дома Романовыхъ Патріархъ Филаретъ.** Ц. 10 к.
9. *Его же.* **Сусанинъ и его потомки.** Ц. 5 к.
10. *Н. Дучинскій.* **Три вѣка на Руси.** Ц. 10 к. Къ книжкѣ изготовлено 50 свѣт. карт. для публ. нар. чтен.: черн. по 40 к., раскр. по 1 р.
11. *Его же.* **Подъ скипетромъ Державнаго Дома Романовыхъ.** Ц. 5 к.
12. Засл. проф. *Н. Михневичъ.* **Русь и Домъ Романовыхъ. Т. I. Исторія Россіи.** Ц. 40 к.
13. Проф. *П. Мигулинъ.* **Русь и Домъ Романовыхъ. Томъ II.** Ростъ Россіи въ экономическ. отношеніи. Ц. 50 к.
14. Проф. *С. Никоновъ.* **Россія и Домъ Романовыхъ.** Ростъ Россіи въ культурномъ отношеніи. Ц. 40 к.
15. *Г. Сѣверцовъ-Полиловъ.* **Михаилъ Ѳеодоровичъ.** Ц. 12 к.
16. *Н. Ѳеодоровъ.* **Тишайшій Царь — Алексѣй Михайловичъ.** Ц. 10 к.
17. *Л. Погожева.* **Царь Ѳеодоръ. Царевна Софія.** Ц. 5 к.
18. Проф. *П. Ковалевскій.* **Петръ Великій.** Ц. 20 к.
19. *В. Мазуркевичъ.* **Императоръ Петръ II. Императрица Анна Іоанновна.** Ц. 5 к.
20. *Н. Носковъ.* **Императрица Елизавета Петровна. Императоръ Петръ III.** Ц. 10 к.
21. *Его же.* **Екатерина Великая.** Ц. 15 к.
22. *Н. Ѳеодоровъ.* **Императоръ Павелъ.** Ц. 5 к.
23. *Н. Дучинскій.* **Александръ Благословенный.** Ц. 10 к.
24. *А. Ефимовъ.* **Императ. Николай I.** Ц. 12 к.
25. *Н. Дучинскій.* **Царь-Освободитель.** Ц. 12 к.
26. *А. Д. Поповъ.* **Царь-Миротворецъ.** Ц. 12 к.
27. Проф. *А. Елчаниновъ.* **ЦАРСТВОВАНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.** Ц. 30 к.
28. *А. Заринъ.* **Изъ жизни Русскихъ Царей и Царицъ** (разсказы, характер. и т. п.). Ц. 35 к.
29. *А. Заринъ.* **Царскія развлеченія и забавы за 300 лѣтъ.** Ц. 30 к.
30. *Его же.* **Любимыя мѣстопребыванія Русскихъ Государей.** Ц. 25 к.
31. *Н. Жервэ.* **Сподвижники Русскихъ Царей** (за 300 лѣтъ). Ц. 30 к.
32. *Н. Дучинскій.* **Три столѣтія.** (Изъ произв. русскихъ писателей и поэтовъ и юбилейн. сборникъ). Ц. 35 к.
33. *Н. Сергіевскій.* **На зарѣ царства.** Историч. романъ (изъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича). Ц. 75 к.
34. *А. Заринъ.* **1. Великій кормчій. 2. Разрушенное счастье.** Историческ. разсказы изъ временъ царя Михаила. Ц. 10 к.
35. *Его же.* **1. Божья воля. 2. Царскій соколъ.** Историческіе разсказы изъ временъ Алексѣя Михайловича. Ц. 25 к.
36. *Его же.* **По-хорошему.** Историч. разсказъ изъ временъ Ѳеодора Алексѣевича. Ц. 10 к.
37. *Его же.* **1. Первый взлетъ. 2 Добровольцъ.** Ист. разск. изъ вр. Петра Вел. Ц. 20 к.
38. *Его же.* **1. Видѣніе. 2. Ангелъ-хранитель.** Историческіе разсказы изъ временъ Екатерины I и Петра II. Ц. 15 к.
39. *Его же.* **1. Стрѣлокъ. 2. Сказка.** Историческіе разсказы изъ временъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны. Ц. 15 к.
40. *Его же.* **Царицынъ подарокъ.** Историческ. разсказъ изъ временъ Екатерины II. Ц. 15 к.
41. *Его же.* **1. Неожиданное счастье 2. Царское великодушіе.** Историческіе разсказы изъ временъ Павла I и Николая I. Ц. 15 к.
42. *Его же.* **1. Неузнанный царь. 2. Урокъ на всю жизнь.** Историческіе разсказы изъ временъ Александра I. Ц. 5 к.
43. *Н. Соколовъ.* **За природнаго Царя.** Драм. сцены въ 6 карт. Пьеса къ предст. дозв. и къ предст. въ нар. театр. одобрена. Ц. 20 к.
44. *А. Котомкинъ.* **Кантата въ стихахъ** (безъ музыки). Ц. 5 к.
45. *А. С. Танѣевъ.* **Родина наша.** Музык. пьеса. Партитура и голоса. Ц. 50 к.
46. *И. Армсгеймеръ.* **Къ 300-лѣтію Дома Романовыхъ.** Въ стихахъ, съ музык. и пѣн. (съ сопровожд. свѣт. картинъ). Парт. 1 р. 50 к., оркестр. партіи 4 р. 16 свѣт. картинъ: черн. 6 р. 40 к., раскр. 16 р.

Портреты: Государя Императора 5 р., 1 р., 25 к., 5 к. Государынь Императрицъ 5 р., Наслѣдника Цесаревича 5 р., каждаго Государя изъ Дома Романовыхъ 1 р. 25 к.

Памятки къ 300-лѣтнему юбилею. Ц. 1 р. 25 к., 50 к., 15 к., 5 к.

Альбомъ къ 300-лѣтію Царствующаго Дома Романовыхъ Ц. 25 к.

ВСѢ ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.

Съ требованіями обращаться: 1) въ книгоизд. «Сельскаго Вѣстника» — Спб., Мойка, 32; 2) къ Т-ву И. Д. Сытина — Москва, у Ильинскихъ воротъ, или въ отдѣленія Т-ва И. Д. Сытина — въ С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Екатеринбургѣ, Воронежѣ, Ростовѣ-на-Дону и Иркутскѣ.

Цѣна 35 коп.

Литографія Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1913.

